
PG 3311
.B6
1818
v. 1
Copy 1

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г. В. ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Зефиръ ему перо изъ крылъ своихъ давалъ;
Амуръ водилъ рукой, онъ Душеньку писалъ.

СОЧИНЕНІЯ БОГДАНОВИЧА.

ЧАСТЬ. I.

Изданіе второе.

Москва.

1818.

ПРЕДИСЛОВІЕ
КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Всѣ любители Россійской Словесности давно желали видѣть полное собраніе сочиненій извѣстнаго Писателя нашего, Ипполита Ѳедоровича Богдановича. Я очень радъ, что могу, съ согласія почтеннаго брата его Ивана Ѳедоровича, удовлетворить сему желанію. Надѣюсь, что благосклоннымъ читателямъ пріятно будетъ видѣть помѣщенными въ началѣ сей книги и біографическія извѣстія о Г. Богдановичѣ, писанныя Г. Карамзинымъ. Въ концѣ Біографіи я почелъ за приличное помѣстить надписи къ портрету и стихи въ честь Автора Душеньки, также стихи на смерть его и нѣсколько эпитафій, сочиненныхъ при полученіи извѣстія о его кончинѣ и напечатанныхъ въ Вѣстникѣ Европы и другихъ Журналахъ.

Я ласкаю себя надеждою, что почтенные Господа Сочинители сихъ пiэсъ простятъ мнѣ сiю смѣлость за желанiе, которое я имѣлъ, чтобы, собравъ всѣ сiи стихи, почитать тѣмъ болѣе память сего любезнаго всѣмъ Писателя.

Лучшее изъ произведенiй Г. Богдановича, Душенька, была три раза напечатана. Первое изданiе въ 1783 въ С. Петербургѣ въ 8; второе въ 1794 тамъ же въ 4; третiе въ 1799 здѣсь въ Москвѣ въ 8 (*), и при обѣихъ послѣднихъ изданiяхъ Сочинитель ее пересматривалъ и дѣлалъ поправки.

(*) По отпечатанiи перваго изданiя сочиненiй, въ которомъ Душенька напечатана четвертымъ изданiемъ въ 12, она еще издана пятымъ въ 1809 году въ С.П.Б. въ 8; потомъ шестымъ въ 1811 издана еще мною здѣсь въ Москвѣ въ м. 12, которое изданiе до выходу въ свѣтъ истреблено почти все безъ остатку пожаромъ въ 1812 году, и еще седьмымъ мною же въ 1815 здѣсь въ Москвѣ въ 8 съ фигурами. При семъ замѣтить должно, что шестое и седьмое изданiе напечатаны въ точности противъ перваго, четвертое же и пятое противъ третьяго.

Примѣчанiе издателя къ 2 му изданiю.

Ихъ наиболѣе находится во второмъ изданіи; не смотря на то, многіе и по сіе время предпочитаютъ первое изданіе двумъ послѣднимъ. Не беру на себя сказать, справедливо ли сіе мнѣніе, а оставляю рѣшить это другимъ; для облегченія же имъ сего труда, я сличалъ всѣ три изданія одно съ другимъ, т. е. второе съ первымъ и третіе со вторымъ, и выписавъ всѣ перемѣны, сдѣланныя Авторомъ, приложилъ при концѣ самой повѣсти. Сіе же четвертое изданіе печатано съ третьяго безъ всякихъ перемѣнъ.

Я почитаю также за нужное сказать здѣсь, что, перебирая нѣкоторые старинныя Журналы, я нашелъ нѣсколько піэсъ, писанныхъ Г. Богдановичемъ еще въ молодыхъ его лѣтахъ, которыя онъ, издавая послѣ того небольшое собраніе своихъ сочиненій, подъ названіемъ Лира, *не помѣстилъ*

въ ономъ, а по сей причинѣ и я не осмѣлился ихъ напечатать, какъ произведенія, не признанныя самимъ Авторомъ; но сей недостатокъ замѣняется множествомъ никогда еще не печатанныхъ піэсъ, полученныхъ мною отъ почтеннаго его родственника, и которыя составятъ слишкомъ два Тома.

Платонъ Бекетовъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

КЪ СЕМУ ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Первое изданіе сочиненій Ип. Ѳед. Богдановича, изданное мною, напечатано было въ моей Типографіи въ 1809 и 10 годахъ; но его не разошлось еще и 200 экземпляровъ, какъ въ 1812 году, при нашествіи непріятеля въ Москву, оно подверглось участи и всѣхъ вообще другихъ книгъ, печатанныхъ иждивеніемъ моей типографіи, и обращено въ пепелъ: почему и сдѣлалось нынѣ очень рѣдкимъ, такъ что цѣна отъ 12 руб., положенныхъ мною сначала, возрасла въ книжныхъ лавкахъ до 60 руб., да и то съ великимъ трудомъ одинъ экземпляръ отыскать можно, хотя многія Особы имѣть оное желаютъ. Вотъ причина, которая побуждаетъ меня издать сію книгу вторымъ изданіемъ. Перемѣнъ противъ перваго никакихъ нѣтъ, кромѣ нѣкотораго перемѣ-

щенія піэсъ и другаго раздѣленія на части. Сперва она издана была въ шести, нынѣ же, вопреки принятому въ книжной торговлѣ обыкновенію, изъ одного Тома размножать два или три, я напротивъ изъ шести составилъ четыре, что мнѣ показалось удобнѣе и выгоднѣе для переплету; впрочемъ могу увѣрить, что все то, что было въ первомъ, помѣщено и въ семъ второмъ изданіи.

П. Б.

О
БОГДАНОВИЧѢ
и
ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ.

Коллежскій Совѣтникъ Ипполитъ Ѳедоровичь Богдановичь родился въ 1743 году Декабря 23, въ щастливомъ климатѣ Малороссіи, въ мѣстечкѣ Переволочномъ, гдѣ отецъ его былъ при должности; ему и нѣжной матери онъ единственно обязанъ первымъ своимъ образованіемъ. — Таланты иногда долго зрѣютъ, но всегда рано открываются: уже въ дѣтствѣ Богдановичь страстно любилъ чтеніе, рисованье, музыку и Стихотворство.

Въ 1754 году отвезли его въ Москву и опредѣлили въ Юстицъ-Коллегію Юнкеромъ. Президентъ ея, Г. Желябужскій, замѣтивъ въ немъ особенную склонность къ наукамъ, дозволилъ ему учиться въ Математической школѣ, бывшей тогда при Сенатской Конторѣ. Но Математика не могла быть наукою человѣка, рожденнаго для Поэзіи; числа и линеи не питаютъ воображенія. Богдановичь, утомленный Ариѳметикою и Геометріею, отдыхалъ за твореніями Ломоносова, котораго лира гремѣла и плѣняла тогда Россіянъ, еще нестрогихъ судей въ Поэзіи, но уже чувствительныхъ къ великимъ красотамъ ея.

Драматическое искусство сильно дѣйствуетъ на всякую нѣжную душу; разборчивость вкуса приходитъ только съ лѣтами и съ тонкимъ образованіемъ душевныхъ способностей: не мудрено, что пылкой молодой человѣкъ, увидѣвъ въ первый разъ драматическія представленія — сіи живыя картины страстей, такъ плѣнился ими, что готовъ былъ сдѣлать безразсудность. Однажды является къ Директору Московскаго Театра мальчикъ лѣтъ пятнадцати, скромной, даже застѣнчивой, и говоритъ ему, что онъ Дворянинъ и желаетъ быть — актеромъ (*)! Директоръ, разговаривая съ нимъ, узнаетъ его охоту къ ученію и стихотворству, доказываетъ ему неприличность актерскаго званія для благороднаго человѣка, записываетъ его въ Университетъ и беретъ жить къ себѣ въ домъ. Сей мальчикъ былъ Ипполитъ (**) Богдановичь, а Директоръ Театра (что не менѣе достойно замѣчанія) Михайло Матвѣевичь Херасковъ. И такъ щастливая звѣзда привела молодаго ученика Музъ къ ихъ знаменитому любимцу, который имѣя самъ великій талантъ, умѣлъ открывать его и въ другихъ. —

(*) Этотъ случай разсказанъ мнѣ вѣрнымъ человѣкомъ.

(**) *Піитическое* имя Ипполита пріятнѣе ушамъ безъ отечества.

Тогда Богдановичъ узналъ правила языка и Стихотворства, языки иностранные, и пріобрѣлъ другія свѣдѣнія, необходимыя для надежныхъ успѣховъ дарованія; наука не даетъ таланта, но образуетъ его. Творецъ Россіяды былъ ему полезенъ наставленіями, совѣтами и примѣромъ. Богдановичъ учился въ классахъ и писалъ стихи, которые печатались въ Журналѣ, выходившемъ при Университетѣ (*). Они были еще далеки отъ совершенства, но показывали въ Авторѣ способность къ нему приближиться.

Кромѣ Михайлы Матвѣевича Хераскова (который былъ тогда Членомъ Университета), молодой Стихотворецъ нашъ имѣлъ еще ревностнаго покровителя въ Князѣ Михайлѣ Ивановичѣ Дашкавѣ. Уваженіе, оказанное къ юному таланту, достойно всегда признательнаго воспоминанія добрыхъ сердецъ: сей нѣжный цвѣтъ, отъ знаковъ холодности и невниманія, часто безъ всякаго плода увядаетъ. Но къ чести Рускихъ замѣтимъ, что молодые люди съ дарованіемъ всегда находили и находятъ у насъ дѣятельное покровительство, особливо естьли нравственный характеръ ихъ возвышаетъ цѣну ума, какъ въ Ипполитѣ Богдано-

(*) Въ *Полезномъ Увеселеніи.*

вичѣ, который отличалѣ себя и тѣмѣ и другимѣ — а всего болѣе милымѣ *простосердечіемѣ*, свойственнымѣ любимцу Аполлонову. . . .

Сынъ Фебовъ не рожденъ быть тонкимъ знатокомъ
Обычаевъ, условій свѣта;
Невинность, простота видна въ дѣлахъ Поэта.
Ему вселенная есть домъ,
Гдѣ онъ живетъ съ чужими,
Какъ съ братьями родными;
Свободу и покой любя,
Не мыслитъ принуждать себя.

Нѣкоторые Поэты составляютѣ изключеніе изѣ сего правила; но таковѣ былѣ Лафонтенѣ — и Богдановичь! Осьмнадцати лѣтѣ онѣ казался еще младенцемѣ вѣ свѣтѣ; говорилѣ, что думалѣ; дѣлалѣ, что хотѣлѣ; любилѣ слушать умные разговоры и засыпалѣ отѣ скучныхѣ. Кѣ щастію, Поэтѣ жилѣ у Поэта, который требовалѣ отѣ него хорошихѣ стиховѣ, а не рабскаго наблюденія свѣтскихѣ обыкновеній, и забавляясь иногда его невинностію, любилѣ вѣ немѣ какѣ дарованіе, такѣ и рѣдкое добродушіе. Богдановичь отѣ искренности своей казался иногда смѣлымѣ; но естьли слово его оскорбляло человѣка, то онѣ готовѣ былѣ плакать отѣ раскаянія; чувствовалѣ нужду

въ осторожности, и черезъ десять минутъ слѣдовалъ опять движенію своей природной откровенности: слабость души нѣжной и прекрасной, которая иногда и самую долговременную опытность побѣждаетъ! . . . Стихотворецъ нашъ, богатый единственно риѳмами, не могъ сыпать золота на бѣдныхъ, но (какъ сказалъ любезный переводчикъ Греевой Элегіи)

Дарилъ нещастныхъ онъ, чѣмъ только могъ — слезою!

Пріязнь находила въ немъ самую ревностную услужливость. Однажды, ночью, сдѣлался пожаръ близъ знакомаго ему дома: онъ забылъ крѣпкой сонъ молодаго человѣка, дурную погоду, разстояніе, и въ одномъ камзолѣ явился тамъ предложить услуги свои. — Хозяинъ и хозяйка, столь любезные и почтенные, обходились съ нимъ какъ съ роднымъ: онъ во всю жизнь сохранилъ къ нимъ сердечную привязанность. — Но мы еще должны замѣтить одну черту характера его, едва ли не во всѣхъ Поэтахъ явную и рѣзкую — чувствительность къ любезности женской, которая всегда служила вдохновеніемъ для стиховъ пріятныхъ. Кто рожденъ быть Поэтомъ Грацій, въ томъ рано обнаруживается сія нѣжная симпатія съ ихъ подругами — но симпа-

тія часто безмолвная. Молодой Стихотворецъ видѣлъ, обожалъ, краснѣлся и вздыхалъ только въ нѣжныхъ мадригалахъ. Какая строгая женщина могла оскорбиться такими чувствами!

Въ 1761 году Богдановичъ опредѣленъ былъ въ надзиратели надъ Университетскими классами съ чиномъ Офицера; а по восшествіи на престолъ Императрицы Екатерины II въ Члены Коммисіи торжественныхъ приготовленій, и сочинялъ надписи для воротъ Тріумфальныхъ. Въ 1763 году, чрезъ покровительство Княгини Екатерины Романовны Дашковой (*), онъ вступилъ Переводчикомъ въ штатъ Графа Петра Ивановича Панина, и въ то же время издавалъ Журналъ (**), въ которомъ сія знаменитая любительница Руской Словесности участвовала собственными трудами своими. Уже дарованіе его съ блескомъ обнаружилось тогда въ переводѣ Вольтеровыхъ стихотвореній, а всего болѣе въ Поэмѣ на разрушеніе Лиссабона, которую Богдановичъ пе-

(*) „Благодѣтельницы фамиліи Богдановичей," прибавляетъ Ив. Өед. Богд. въ своихъ извѣстіяхъ, „ибо и братъ его обязанъ ей своимъ воспитаніемъ." — Мы должны были сохранить сіе изъявленіе благородной признательности

(**) Подъ титуломъ: *Невинное Упражненіе.*

ревелѣ такѣ удачно, что многіе стихи ея не уступаютѣ красотѣ и силѣ Французскихѣ. На примѣрѣ:

Богъ держитъ цѣпь въ рукахъ, но ею Онъ не связанъ.

— — — — — — — — — — — — — —

Когда Творецъ такъ благъ, почто же страждетъ тварь?

— — — — — — — — — — — — — —

Я живъ, я чувствую, и сердце отъ мученья
Взываетъ ко Творцу и проситъ облегченья. . .
О дѣти бѣдныя всемощнаго Отца!
На то ли вамъ даны чувствительны сердца?

— — — — — — — — — — — — — —

Кому, о Боже мой! Твои судьбы извѣстны?
Всесовершенный зла не можетъ произвесть;
Другаго нѣтъ Творца, а зло на свѣтѣ есть.

— — — — — — — — — — — — — —

Одинъ лишь можетъ Онъ дѣла Свои открыть,
Исправить немощныхъ и мудрыхъ умудрить.

— — — — — — — — — — — — — —

Отверженъ Эпикуръ, оставленъ мной Платонъ:
Бель знаетъ болѣ ихъ — но можно ль основаться?
Держа вѣсы въ рукахъ, онъ учитъ — сомнѣваться!
И не пріемля самъ системы никакой,
Все только опровергъ, сражаяся — съ собой,
Подобно какъ Самсонъ, лишенный глазъ врагами,
Подъ зданьемъ палъ, его разрушенныхъ руками!

— — — — — — — — — — — — — —

Калифа (*) нѣкогда, оканчивая вѣкъ,
Въ послѣдній часъ сію молитву къ Богу рекъ:
„Я все то приношу Тебѣ, о Царь вселенной!
„Чего нѣтъ въ благости Твоей всесовершенной:
„Грѣхи, невѣденье, болѣзни, слезы, стонъ!"
Ещебъ прибавить могъ къ тому *надежду* онъ.

Такіе стихи, написанные молодымъ человѣкомъ двадцати лѣтъ, показываютъ рѣдкой талантъ для Стихотворства; нѣкоторые изъ нихъ можетъ осудить только набожный, строгій Христіанинъ, а не Критикъ; но и въ первомъ случаѣ долженъ отвѣтствовать Вольтеръ, а не Богдановичь. — Вмѣстѣ съ переводами напечатаны въ семъ Журналѣ и многія его сочиненія, изъ которыхъ иныя отличаются нѣжностію и хорошими мыслями. На примѣръ слѣдующіе стихи къ Клименѣ:

Чтобъ щастливымъ намъ быть,
Я буду жить за тѣмъ, чтобъ мнѣ тебя любить;
А ты люби меня за тѣмъ, чтобъ могъ я жить.

Въ 1765 году Богдановичь, считаясь въ Иностранной Коллегіи Переводчикомъ, издалъ маленькую Поэму: *Сугубое блаженство*. Онъ раздѣлилъ ее на три Пѣсни: въ первой изображаетъ картину золотаго вѣка; во второй успѣхи гражданской

(*) Надлежало бы сказать *Калифъ*.

жизни, наукЪ и злоупотребленіе страстей; а вЪ третьей спасительное дѣйствіе законовЪ и царской власти. Сей важный предметЪ требовалЪ зрѣлости дарованій: еще СтихотворецЪ нашЪ не имѣлЪ ее; однакожЪ многіе стихи умны и пріятны. ПоэтЪ складно и хорошо описываетЪ наслажденія человѣка вЪ его невинности.

Въ тотъ часъ, какъ онъ свое увидѣлъ совершенство,
Природою одной и сердцемъ наученъ;
Какъ всякій взоръ ему казалъ его блаженство
И всякимъ новымъ былъ предметомъ восхищенъ;
Пять чувствъ ему вещей познаніе открыли,
Которое его ко щастію вело,
И чувства лишь къ его довольствію служили;
Не зналъ (*) онъ ихъ тогда употреблять во зло.
Невинности его не развращали страсти;
Желаній далѣ нуждъ своихъ не простиралъ;
Желалъ того, что онъ всегда имѣлъ во власти,
И слѣдственно имѣлъ онъ все, чего желалъ.

Хорошо также описаны, вЪ піитическомЪ видѣніи, различныя славы Царей. . .

Безчисленные зрю тамъ скипетры, державы,
И разные вѣнцы для кроткихъ или злыхъ.
Одни получатся народною любовью,
Предзнаменуя миръ, спокойство, тишину;
Другіе купятся злодѣйствами и кровью:

(*) ПослѢ: *не зналЪ*, должно сказать: *какЪ* — то есть, *не зналЪ, какЪ употреблять во зло.*

Имъ будетъ ненависть покорствовать въ плѣну (*).
Пребудутъ первые спокойны, безопасны,
И слава возгласитъ по свѣту имя ихъ;
Но будутъ наконецъ послѣдніе нещастны,
Собою дѣлая нещастными другихъ.

Сія Поэма, приписанная тогда Его Высочеству, Августѣйшему Наслѣднику трона, заключается слѣдующими прекрасными стихами:

Учись, Великій Князь, числомъ примѣровъ сихъ,
Великимъ быть Царемъ, великимъ человѣкомъ,
Ко щастью Твоему и подданныхъ Твоихъ.

Она, сколько намъ извѣстно, не сдѣлала очень сильнаго впечатлѣнія въ публикѣ. Лавровый вѣнокъ уже сплетался для Автора, но еще невидимо.

Въ 1766 году, опредѣленный въ должность Секретаря Посольства къ Саксонскому Двору, Богдановичь отправился въ Дрезденъ съ Министромъ, Княземъ Андреемъ Михайловичемъ Бѣлосельскимъ. Любезность сего посланника, блестящія собранія въ его домѣ, хорошія знакомства, живописныя окрестности города и драгоцѣнности искусствъ, въ немъ соединенныя, сдѣлали тамошнюю жизнь весьма пріятною для

(*) Лучшій стихъ въ Поэмѣ.

Богдановича, такъ что онъ всегда любилъ воспоминать объ ней: она безъ сомнѣнія имѣла щастливое вліяніе и на самый піитическій талантъ его. Но гуляя по цвѣтущимъ берегамъ Эльбы и мечтая о Нимфахъ, которыхъ они достойны; плѣняясь одушевленною кистію Корреджіо, Рубенса, Вероneза (*) и собирая въ нихъ картинахъ милыя черты для своей *Душеньки*, которая уже занимала его воображеніе, онъ въ то же время описывалъ Конституціи Германіи и соглашалъ удовольствія человѣка свѣтскаго, любителя искусствъ, Поэта, съ должностію ученаго Дипломата.

Въ 1768 году возвратясь изъ Дрездена, онъ совершенно посвятилъ себя Литтературѣ и Стихотворству; перевелъ разныя статьи изъ Энциклопедіи, Вертотову Исторію бывшихъ перемѣнъ въ Римѣ, мысли Аббата Сен-Пьера о вѣчномъ мирѣ, пѣснь Екатеринѣ Микеля Анджело Джіанетти (за которую имѣлъ щастіе быть представленъ сей великой Государынѣ), выдавалъ 16 мѣсяцевъ Журналъ, подъ титуломъ Петербургскаго Вѣстника, и наконецъ, въ 1775 году, положилъ на олтарь Грацій свою *Душеньку*. Богдановичь съ удо-

(*) Всѣмъ извѣстна Дрезденская картинная галлерея.

вольствіемъ говаривалъ послѣ о времени ея сочиненія. Онъ жилъ тогда на Васильевскомъ Острову, въ тихомъ, уединенномъ домикѣ, занимаясь музыкою и стихами, въ щастливой безпечности и свободѣ; имѣлъ пріятныя знакомства; любилъ иногда выѣзжать, но еще болѣе возвращаться домой, гдѣ Муза ожидала его съ новыми идеями и цвѣтами. . . Мирныя, неизъяснимыя удовольствія творческаго дарованія, можетъ быть самыя вѣрнѣйшія въ жизни! Не рѣдко призраки суетности и другихъ страстей отвлекаютъ насъ отъ сихъ любезныхъ упражненій; но какой человѣкъ съ талантомъ, вкусивъ ихъ сладость и послѣ вверженный въ шумную, дѣятельную праздность свѣта, среди всѣхъ блестящихъ забавъ его не жалѣлъ о плѣнительныхъ минутахъ вдохновенія? Сильный, хорошій стихъ, щастливое слово, искусный переходъ отъ одной мысли къ другой, радуютъ Поэта какъ младенца, и не рѣдко на цѣлый день дѣлаютъ веселымъ, особливо, естьли онъ можетъ сообщать свое удовольствіе другу любезному, снисходительному къ его авторской слабости! Оно живо и невинно; самый трудъ, которымъ его пріобрѣтаемъ, есть наслажденіе; а впереди ожидаетъ Писателя благоволеніе добрыхъ

сердецъ. Говорятъ о зависти: но ея жалкія усилія не рѣдко еще болѣе способствуютъ торжеству дарованій, и всегда, какъ легкія волны, отражаются твердымъ подножіемъ, на которомъ талантъ возвышается въ честь отечеству, ко славѣ разума и въ память вѣка . . .

Басня Психеи есть одна изъ прекраснѣйшихъ Миѳологіи и заключаетъ въ себѣ остроумную аллегорію, которую Стихотворцы затмили наконецъ своими вымыслами. Древняя басня состояла единственно въ сказаніи, что богъ любви сочетался съ Психеею (душею), *земною* красавицею, и что отъ сего брака родилась *богиня наслажденія.* Мысль аллегоріи есть та, что душа наслаждается въ любви божественнымъ удовольствіемъ. Апулей, славный остроумецъ и колдунъ, по мнѣнію народа Римскаго, сочинилъ изъ нее любопытную и даже трогательную сказку, совсѣмъ не въ духѣ Греческой Миѳологіи, но похожую на волшебныя сказки новѣйшихъ временъ. Лафонтенъ плѣнился ею, украсилъ вымыслъ вымыслами и написалъ складную повѣсть, смѣшавъ трогательное съ забавнымъ и стихи съ прозою. Она служила образцомъ для Руской *Душеньки;* но Богдановичъ, не вы-

пуская изъ глазъ Лафонтена, идетъ *своимъ* путемъ и рветъ на лугахъ цвѣты, которые укрылись отъ Французскаго Поэта. Скажемъ безъ аллегоріи, что Лафонтеново твореніе полнѣе и совершеннѣе въ эстетическомъ смыслѣ; а *Душенька* во многихъ мѣстахъ пріятнѣе и живѣе, и вообще превосходнѣе тѣмъ, что писана стихами: ибо хорошіе стихи всегда лучше хорошей прозы; что труднѣе, то имѣетъ и болѣе цѣны въ искусствахъ. Надобно также замѣтить, что нѣкоторыя изображенія и предметы необходимо требуютъ стиховъ для большаго удовольствія читателей, и что никакая гармоническая, цвѣтная проза не замѣнитъ ихъ. Все чудесное, явно небыточное, принадлежитъ къ сему роду (слѣдственно и басня *Душеньки*). Случаи неестественные должны быть украшены всѣми хитростями искусства, чтобы занимать насъ повѣстію, въ которой нѣтъ и тѣни истины, или вѣроятности. Стихотворство есть пріятная игра ума, и богатѣе обыкновеннаго языка разнообразными оборотами, измѣненіями тона, особливо въ вольныхъ стихахъ, какими писана *Душенька*, и которые, подобно Англійскому саду, болѣе всякаго правильнаго единства обнаруживаютъ умъ и вкусъ Артиста. *Ла-*

Лафонтенъ самъ это чувствовалъ, и для того не рѣдко оставляетъ прозу; но онъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, естьли бы совсѣмъ оставилъ ее и написалъ Поэму свою, отъ начала до конца, въ стихахъ. Богдановичь писалъ ими, и мы всѣ читали его: Лафонтенъ прозою, и романъ его едва ли извѣстенъ одному изъ пяти Французовъ, охотниковъ до чтенія. Правда, что есть люди, которые не любятъ стиховъ — такъ же, какъ другіе не любятъ музыки и прекрасныхъ женщинъ; но такая антипатія есть чрезвычайность, изъ учтивости — ничего не скажемъ о сихъ людяхъ!

Желая *украсить гробъ* сего любезнаго Поэта *собственными его цвѣтами*, напомнимъ любителямъ Рускаго Стихотворства лучшія мѣста *Душеньки*. Она не есть Поэма Героическая; мы не можемъ, слѣдуя правиламъ Аристотеля, съ важностію разсматривать ея *басню*, *нравы*, *характеры* и *выраженіе* ихъ; не можемъ, къ щастію, быть въ семъ случаѣ педантами, которыхъ боятся Граціи и любимцы ихъ. „*Душенька* есть легкая игра воображенія, основанная на однихъ правилахъ нѣжнаго вкуса; а для нихъ нѣтъ Аристотеля. Въ такомъ сочиненіи все правилы: ть:

что забавно и весело, остроумно выдумано, хорошо сказано. Это, кажется, очень легко — и въ самомъ дѣлѣ не трудно, — но только для людей съ талантомъ. Пойдемъ же, безъ всякаго ученаго масштаба, въ слѣдъ за Стихотворцемъ; и чтобы лучше цѣнить его дарованіе, будемъ сравнивать *Душеньку* съ Лафонтеновымъ твореніемъ.

Мы уже говорили о томъ, что Богдановичь не рабски подражалъ образцу своему. Напримѣръ, въ самомъ началѣ онъ весьма забавно описываетъ добраго Царя, отца Героини,

Который свѣту былъ полезенъ,
　　Богамъ любезенъ;
　　Достойно награждалъ,
　　Достойно осуждалъ;
И естьли находилъ въ подсудныхъ злыя души,
Такимъ ослиныя приклеивалъ онъ уши;
Завистникамъ велѣлъ, чтобъ щастіе другихъ
　　Скучало взорамъ ихъ,
И не моглибъ они покоемъ наслаждаться;
Скупымъ опредѣлилъ у золота сидѣть,
　　На золото глядѣть
　　И золотомъ прельщаться,
　　Но имъ не насыщаться;
Спѣсивымъ предписалъ съ людьми не сообщаться,
Къ ихъ потомкамъ въ казнь давалась та же спѣсь,
Кая видима осталась и поднесь.

У Лафонтена нѣтъ о томъ ни слова. И какъ все пріятно сказано! какъ перемѣна стиховъ у мѣста и щастлива! — Любезное имя, которымъ Богдановичь назвалъ свою Героиню, представляетъ ему щастливую игру мыслей, которой Лафонтенъ могъ бы позавидовать:

Звалась она *Душа*, по толку мудрецовъ;
А послѣ, въ повѣстяхъ старинныхъ знатоковъ,
У Рускихъ *Душенькой* она именовалась;
И пишутъ, что тогда
Изыскано не безъ труда
Къ ея названію приличнѣйшее слово,
Которое еще для слуха было ново.
Во славу *Душенькѣ* у насъ отъ тѣхъ временъ
Поставлено оно народомъ въ лексиконѣ
Между пріятнѣйшихъ именъ,
И утвердила то любовь въ своемъ законѣ.

Это одно гораздо лучше всякаго подробнаго описанія *Душенькиныхъ* прелестей, котораго нѣтъ ни у Богдановича, ни у Лафонтена: ибо они не хотѣли говорить слишкомъ обыкновеннаго. — Жалобы Венеры въ Руской Поэмѣ лучше, нежели во Французской сказкѣ, гдѣ она также въ стихахъ. Читатели могутъ судить.

Амуръ! Амуръ! вступись за честь мою и славу;
Яви свой судъ, яви управу.
Ты знаешь *Душеньку*, иль могъ о ней слыхать:

Простая смертная, ругаяся богами,
Не ставитъ ни во что твою безсмертну
машь;
Уже и нашими слугами
Осмѣлилась повелѣвать,
И въ областяхъ моихъ надъ мной торжест-
вовать.
Могу ли я сносить и видѣть равнодушно,
Что *Душенькѣ* одной вездѣ и все послушно?
За ней гоняяся, отъ насъ отходятъ прочь
Поклонники, друзья, Амуры и Зефиры.
— — — — — — — — — — —
Юпитеръ самъ по ней вздыхаетъ день и
ночь,
И слышно, что беретъ себѣ ее въ супруги:
Гречанку наглую, едва ли Царску дочь,
Забывъ Юнонины и вѣрность и услуги!
Какой ты будешь богъ, и гдѣ твой будетъ
тронъ,
Когда отъ нихъ другой родится Купидонъ,
Который у тебя отниметъ лукъ и стрѣлы,
И нагло покоритъ подвластны намъ предѣлы?
Ты знаешь, какъ сыны Юпитеровы смѣлы:
По волѣ ходятъ въ небеса,
И всякія творятъ на свѣтѣ чудеса,
И можно ли терпѣть, что *Душенька* собою
Безъ помощи твоей, во всѣхъ вселяетъ
страсть,
Какую возжигать одинъ имѣлъ ты власть?
Она давно уже смѣется надъ тобою,
И ставитъ въ торжество себѣ мою напасть.
За честь свою, за честь Венеры,
Яви ты строгости примѣры;
Содѣлай *Душеньку* постылою на вѣкъ,
И столь худою,

И столь дурною,
Чтобъ всякой отъ нее чуждался человѣкъ:
Иль дай ты ей въ мужья, ктобъ всѣхъ сыскался хуже,
Чтобы нашла она себѣ тирана въ мужѣ,
И мучила себя,
Жестокаго любя;
Чтобы ея краса увяла,
И я покойна стала.

Лафонтенова Венера, сказавъ, что изъ Пафоса бѣжали къ *Душенькѣ* всѣ Игры и Смѣхи, продолжаетъ:

L'un de ces jours je lui vois pour époux
Le plus beau, le mieux fait de tout l'humain lignage,
Sans le tenir de vos traits, ni de vous;
Sans vous en rendre aucun hommage.
Il naîtra de leur mariage
Un autre Cupidon qui d'un de ſes regards
Fera plus mille fois que vous avec vos dards.
Prenez y garde; il vous y faut songer.
Rendez la malheureuse, et que cette cadette,
Malgré les siens, épouse un étranger,
Qui ne sache où trouver retraite;
Qui soit laid, et qui la maltraite,
La fasse consumer en regrets superflus,
Tant que ni vous, ni moi, nous ne la craignions plus.

Для чести Рускаго таланта мы не побоялись длинной выписки. Богдановичь и мыслями и выраженіями побѣждаетъ опаснаго совмѣстника. Онъ гораздо приличнѣе

заставляетъ сказать Венеру, что *самъ Юпитеръ* можетъ жениться на *Душенькѣ*, а не *лучшій изъ смертныхъ красавцевъ*, отъ котораго не льзя было родиться второму Купидону. Стихи: *ты знаешь, какъ сыны Юпитерсвы смѣлы — и столь худою, и столь дурною — и мучила себя, жестокаго любя*, живы и прекрасны; а Лафонтеновы только изрядны, кромѣ: sans le tenir de vôs traits, ni de vous, гдѣ одно сказано два раза для наполненія стиха. — Венерино шествіе у Лафонтена эскизъ, у Богдановича картина. Первый сказалъ: l'un (Тритонъ) lui tient un miroir fait de crištal de roche, а вторый:

Несетъ отломокъ горъ кристальныхъ
На мѣсто зеркала предъ ней.
Сей видъ пріятность обновляетъ
И радость на ея челѣ.
„О естьлибъ видъ сей, онъ вѣщаетъ,
„Остался вѣчно въ хрусталѣ!“
Но тщетно онъ того желаетъ!
Исчезнетъ сей призракъ какъ сонъ;
Останется одинъ лишь камень —
и проч.

Лафонтенъ говоритъ: Thétis lui fait ouir un concert de Sirenes. Богдановичь:

Сирены, сладкія пѣвицы,
Межъ тѣмъ поютъ стихи ей въ честь,
Мѣшаютъ съ былью небылицы,

Ее старáясь превознесть.

— — — — — — — — — — —

Сама Өетида ихъ послала
Для малыхъ и большихъ услугъ,
И только для себя желала,
Чтобъ дома былъ ея супругъ!

Послѣдняя черта забавна. Өетида рада веселить Венеру, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы влюбчивый богъ морей не выѣзжалъ къ ней на встрѣчу съ трезубцемъ своимъ! — Лафонтенъ:

Tous les vents attentifs retiennent leurs haleines;
Le ſeul Zephir est libre, et d'un ſouffle amoureux
Il careſſe Venus, ſe joue à ſes cheveux;
Contre ſes vêtemens par fois il se courrouce.
L'onde pour la toucher à longs flots s'entrepousse,
Et d'une égale ardeur chaque flot à ſon tour
S'en vient baiser les pieds de la mere d'Amour.

Французскіе стихи хороши, но Рускіе еще игривѣе и живѣе:

Летятъ обратно бѣглецы,
Зефиры, древни наглецы.
Иной власы ея взвѣваетъ;
Но вдругъ, открывъ прелестну грудь,
Перестаетъ на время дуть,
Власы съ досадой опускаетъ,
И съ ними спутавшись летитъ.

— — — — — — — — —

Гонясь за нею, волны тамъ

Толкают въ ревности другъ друга,
Чтобъ, вырвавшись скорѣй изъ круга
Смиренно пасть къ ея ногамъ.

Такъ Стихотворцы съ талантомъ подражаютъ. Богдановичь не думалъ о словахъ Лафонтеновыхъ, а видѣлъ передъ собою шествіе Венеры и писалъ картину съ натуры.

Что Французъ остроумно говоритъ прозою, то Руской не менѣе остроумно, и еще милѣе сказалъ въ стихахъ. Всѣ любовники оставляютъ красавицу. Народъ приходитъ въ ужасъ отъ небывалаго чуда; и Венера грозитъ государству еще новыми бѣдствіями, естьли не принесутъ ей въ жертву самой *Душеньки*. . .

Но Царь и вся родня
Любили *Душеньку* безъ мѣры;
Безъ ней пріятнаго не проводили дня:
Моглиль предать ее на мщеніе Венеры?
И всѣ въ единый гласъ,
Богинѣ на отказъ,
Отвѣтствовали смѣло,
Что то не сбыточное дѣло.
Иные подняли на смѣхъ ея олтарь;
Другіе стали горько плакать;
Другіежъ не дослушавъ такать,
Когда лишь слово скажетъ Царь.
Иные *Душенькѣ* въ утѣху говорили,
Что толь особая вина

Для ней похвальна и славна,
Когда къ стыду богинь ее боготворили;
И что Венеры къ ней и ненависть и месть
Ея умножатъ честь.
Царевнѣжъ тѣ слова хотя и лестны были,
Но были бы милѣй,
Когда бы ихъ сказалъ какой любовникъ ей.
Отъ гордости она скрывала
Печаль свою при всѣхъ глазахъ;
Но втайнѣ часто унывала,
Себя нещастной называла,
И часто въ горестныхъ слезахъ
Къ Амуру такъ взывала:
„Амуръ, Амуръ, веселій богъ!
„За что ко мнѣ суровъ и строгъ?
„Давно ли всѣ меня ласкали?
„Въ побѣдахъ я вела часы;
„Могла плѣнять, любить по волѣ;
„Зачтожъ теперь въ нещастной долѣ?
„Къ чему полезны мнѣ красы?
„Бѣднѣйшая въ поляхъ пастушка
„Себѣ находитъ пастуха;
„А я одна — —
„Не бывъ дурна, не бывъ лиха!“

Сія жалоба *Душеньки* отмѣнно любезна своею простотою. Но въ доказательство нашего безпристрастія согласимся, что темный отвѣтъ Оракула лучше выраженъ въ Французскихъ стихахъ. Отчаяніе красавицы, и то, что она говоритъ своему отцу, желая предаться въ волю таинственной судьбы, также совершеннѣе и

трогательнѣе въ Лафонтенѣ. Онъ разсказываетъ прозою: одно легче другаго. За то нѣкоторыя мѣста лучше въ стихахъ Богдановича. Лафонтенова Псиша говоритъ: Qu'on me mette ſur un chariot, ſans cocher ni guide; et qu'on laiſſe aller les chevaux à leur fantaisie: le ſort les guidera infailliblement au lieu ordonné. Стоитъ ли эта бездушная проза слѣдующихъ стиховъ? *Душенька*

Сказала всей роднѣ своей,
Чтобъ только въ путь ее какъ должно снарядили,
И въ колесницу посадили,
Пустя на волю лошадей,
Безъ кучера и безъ вождей.
„Судьба, сказала, будетъ править;
„Судьба покажетъ вѣрный слѣдъ
„Къ жилищу радостей иль бѣдъ,
„Гдѣ должно вамъ меня оставить."

Вотъ славное преимущество языка Поэзіи! Естьли Стихотворецъ умѣетъ побѣждать трудности и ставить каждое слово въ своемъ мѣстѣ, то самыя простыя выраженія отмѣнно нравятся, и прозаистъ далеко назади остается.

Ужасы *Душенькина* путешествія изображены во Французской сказкѣ какъ дѣйствительные ужасы, а въ Руской съ пріятною шутливостію:

Тамъ всѣ при каждомъ шагѣ
Встрѣчали новой страхъ:
Ужасныя пещеры,
И къ верху крутизны
И къ безднѣ глубины.
Инымъ являлись тамъ Мегеры;
Инымъ летучи Дромадеры,
Инымъ Драконы и Церберы.
— — — — — — — —
Царевнина кровать
Въ рукахъ несущихъ сокрушилась,
И многіе отъ страха тутъ
Не мало шапокъ пороняли,
Которы на подхватъ Драконы пожирали.
Иные по кустамъ одежды изодрали,
И наготы имѣя видъ,
Едва могли прикрыть отъ глазъ стороннихъ стыдъ.
Осталось наконецъ лишь нѣсколько булавокъ
И нѣсколько стиховъ Оракула для справокъ.

Надобно быть въ самомъ дурномъ расположеніи, чтобы не засмѣяться отъ двухъ послѣднихъ стиховъ. Мы не жалѣемъ, что Стихотворецъ нашъ предпочелъ здѣсь важному описанію каррикатуру: она хороша.

Какъ ни складно, ни красно описываетъ Лафонтенъ Купидоновъ дворецъ, сады, услужливость Нимфъ; но проза его не дѣлаетъ мнѣ такого удовольствія, какъ слѣдующіе стихи Богдановича:

Явился передъ ней
Прекрасной видъ алей
И рощей и полей.
Высокіе балконы
Открыли царство тамъ и Флоры и Помоны,
Каскады и пруды
И чудные сады.
Оттуда сорокъ Нимфъ вели ее въ чертоги,
Какіе созидать удобны только боги,
И тамо *Душеньку*, къ прохладѣ отъ дороги,
Въ готовую для ней купальню привели.
Амуры ей росы чистѣйшей принесли,
Котору вмѣсто водъ повсюду собирали.
Зефиры воздухъ тамъ дыханьемъ согрѣвали,
Изъ разныхъ ароматъ вздували пузыри
И составляли мыла,
Какими моются восточные Цари,
И коихъ вѣдома живительная сила.
Царевна со стыдомъ,
Со спором и трудомъ,
Какъ водится притомъ,
Взирая на обновы,
Какія были тамъ на выборъ ей готовы,
Дозволила сложить съ красотъ своихъ покровы.
Полки различныхъ слугъ, предъ тѣмъ отдавъ поклонъ,
Безъ горя не могли оттуда выдти вонъ,
И даже за дверьми, не будучи въ услугѣ,
Охотно слѣдъ ея лобзали на досугѣ.
Зефиры лишь одни, имѣя входъ вездѣ,
Зефиры хищные, за тѣмъ, что ростомъ мѣлки,
Нашли въ дверяхъ и окнахъ щелки,
Прокрались между Нимфъ и спрятались въ водѣ,
Гдѣ *Душенька* купалась.

Богдановичь, угощая и веселя музыкою Героиню во дворцѣ Купидоновомъ, составилъ оркестръ свой лучше Лафонтена и велѣлъ даже, весьма кстати, невидимо управлять имъ самому Аполлону; но жалъ, что хоръ пѣвицъ его, хваля любовь, не повторилъ на Рускомъ языкѣ слѣдующей строфы гимна Французскаго:

Sans cet amour tant d'objets ravissans,
Lambris dorés, bois, jardins et fontaines
N'ont point d'appas qui ne soient languissans,
Et leurs plaisirs sont moins doux que ses peines.
Des jeunes coeurs c'eſt le suprême bien:
Aimez, aimez — tout le reste n'est rien.

Въ доказательство, что Поэты, вопреки старинному злословію, умѣютъ быть иногда скромными, и Французъ и Руской не хотѣли описать перваго свиданія *Душеньки* съ Амуромъ. Послѣдній отдѣлался отъ читателей пріятною шуткою, говоря, что эта сцена осталась навѣки тайною между супругами. . . .

Но только по утру примѣтили Амуры,
Что Нимфы межъ собой смѣялись подъ тишкомъ,
И гостья, будучи стыдлива отъ натуры,
Казалась между ихъ съ завѣшенымъ ушкомъ.

Въ изображеніи палатъ съ ихъ драгоцѣнностями я люблю статую *Душеньки*. ..

Смотря на образъ сей, она сама дивилась;
Другая статуя казалась въ ней тогда,
Какой не видывалъ никто и никогда.

Черта прекрасная! взята съ Французскаго (elle demeura longtems immobile, et parut la plus belle statue de ces lieux); но выраженная въ стихахъ, болѣе нравится . . . Люблю также разныя живописныя изображенія *Душеньки*:

Въ одномъ она, съ щитомъ престрашнымъ на груди;
Палладой нарядясь, грозитъ на лошади,
И болѣ, чѣмъ копьемъ, своимъ прекраснымъ взоромъ.

Въ другомъ видимъ передъ нею Сатурна, который

Старается забыть, что онъ давнишній дѣдъ,
Прямитъ свой дряхлый станъ, желаетъ быть моложе,
Кудритъ оставшіе (*) волосъ своихъ клочки,
И видѣпь *Душеньку* вздѣваетъ онъ очки;
А тамъ она видна, подобяся Царицѣ,
Съ Амурами вокругъ, въ воздушной колесницѣ.
Прекрасной *Душеньки* за честь и красоту,
Амуры тамъ сердцá стрѣляютъ на лету;
Летятъ великою толпою;
Летятъ, поднявши лукъ, на цѣлый свѣтъ войною.

(*) Надобно сказать: *оставшіеся.*

А тамъ свирѣпый Марсъ, рушитель мирныхъ правъ,
Увидѣвъ *Душеньку*, являетъ тихой нравъ,
Полей не обагряетъ кровью,
И наконецъ, забывъ военный свой уставъ,
Слегченъ у ногъ ея, пылаетъ къ ней любовью,

На третьей картинѣ Зефиръ списываетъ съ нее портретъ; но боясь нескромности,

Скрываетъ въ спискѣ онъ большую часть красотъ;
И многія изъ нихъ, конечно чудесами,
Предъ *Душенькою* вдругъ тогда писались сами.

Всего же болѣе люблю милое обращеніе Поэта къ красавицѣ:

Во всѣхъ ты, *Душенька*, нарядахъ хороша:
По образу ль какой Царицы ты одѣта,
Пастушкою ли гдѣ сидишь у шалаша,
Во всѣхъ ты чудо свѣта;
Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ —
И только ты одна прекраснѣе портрета.

Просто и такъ мило, что, можетъ быть, никакое другое мѣсто въ *Душенькѣ* не дѣлаетъ въ читателѣ столь пріятнаго впечатлѣнія. Всякому хочется сказать сіи нѣжные, прекрасные стихи той женщинѣ, которая ему всѣхъ другихъ любезнѣе; а послѣдній стихъ можно назвать золотымъ. — Мы не пѣняемъ Автору, что онъ не хочетъ далѣе описывать Купидонова дворца,

Гдѣ все плѣняло взглядъ
И было безподобно;
Но всюду тамъ умомъ
Я *Душеньку* встрѣчаю,
Прельщаюсь, и потомъ
Палаты забываю.

Но съ палатами Стихотворецъ забылъ и хозяина, забылъ между портретами упомянуть объ его изображеніяхъ. Скрываясь отъ *Душеньки*, Амуръ долженъ былъ показаться ей хотя на картинѣ. Лафонтенъ представилъ на обояхъ разныя *чудеса* Купидоновы, на примѣръ: ужасный Хаосъ, приводимый его рукою въ стройность. . . . .

Que fait l'Amour? Volant de bout en bout,
Ce jeune enfant, ſans beaucoup de myſtere,
En badinant vous debrouille le tout,
Mille fois mieux qu'un ſage.

Какъ бы хорошо могъ Богдановичь сказать это въ Рускихъ стихахъ! какъ бы хорошо могъ, слѣдуя Лафонтену, описать приступы любопытной *Душеньки* къ невидимому Амуру и его отговорки, столь остроумныя! Necessairement je ſuis dieu ou je ſuis démon. Si vous trouvez que je ſuis démon, vous me haïrez; et ſi je suis dieu, vous cesserez de m'aimer, ou du moins vous ne m'aimerez plus avec tant

d'ardeur: car il s'en faut bien qu'on aime les dieux aussi violemment que les hommes. Но Поэтъ нашъ, какъ Поэтъ, не любитъ закона и принужденія; хотѣлъ брать не все хорошее въ образцѣ своемъ, а что слегка и само собою попадалось ему въ глаза —

Любя свободу я мою,
Какъ вздумается мнѣ пою.

Довольно, что Богдановичь, проходя иногда мимо красотъ Лафонтеновыхъ, щедро замѣнялъ ихъ собственными и разнообразными. Умѣя быть нѣжнымъ, забавнымъ онъ умѣлъ и колоть — даже кровныхъ своихъ, то есть Стихотворцевъ. Вводя *Душеньку* въ Амурову библіотеку, онъ говоритъ:

Царевна тамъ взяла читать стихи,
Но ихъ читаючи какъ будто за грѣхи,
Узнала въ первый разъ мучительную скуку,
И бросивъ ихъ подъ столъ, притомъ зашибла руку.
Носился послѣ слухъ, что будто наконецъ
Нещастныхъ сихъ стиховъ творецъ,
Указомъ Аполлона,
Навѣки согнанъ съ Геликона;
И будто *Душенька*, боясь подобныхъ скукъ (*),
Иль ради сохраненья рукъ,
Стиховъ съ недѣлю не читала,
Хотя любила ихъ и нѣкогда слагала.

(* Скука не употребляется у насъ во множественномъ числѣ.

Сей нещастный, согнанный съ Гелико-на, былъ конечно не похожъ на Богдановича, котораго *Душенька* съ удовольствіемъ могла бы читать даже и тогда, какъ онъ съ піитическою искренностію описываетъ лукавство въ гибельную ночь любопытства. Злыя сестры уговорили ее засвѣтить лампаду во время сна Купидонова...

Прекрасна *Душенька* употребила тутъ
И хитрость и притворство,
Какія свойственны женамъ,
Когда онѣ, дѣла имѣя по ночамъ,
Скорѣе какъ нибудь покой даютъ мужьямъ.
Но хитрости ль ея въ то время успѣвали,
Иль самъ клонился къ сну отъ дѣйствія печали:
Онъ мало говорилъ, вздохнулъ,
Зевнулъ,
Заснулъ.

Это напоминаетъ одинъ изъ славнѣйшихъ стиховъ въ Lutrin и стоитъ десяти прозаическихъ страницъ Лафонтеновыхъ.

Въ описаніи *Душенькиныхъ* бѣдствій нѣкоторые черты также гораздо щастливѣе у Богдановича; на примѣръ, трогательное обращеніе его къ жалкой изгнанницѣ:

Умри, красавица, умри! твой сладкой вѣкъ
Съ минувшимъ днемъ уже протекъ;
И естьли смерть тебя отъ бѣдствій не избавитъ,

Сей свѣтъ, гдѣ ты досель равнялась съ божествомъ,
Отнынѣ въ скорбь тебѣ наполненъ будетъ зломъ,
И всюду горести за горестьми представитъ.
— — — — — — — — — — — — — — —
Къ нещастію тебя оставилъ Купидонъ.
Твой рай, твои утѣхи,
Забавы, игры, смѣхи,
Прошли какъ будто сонъ.
Вкусивши сладости, кто въ мірѣ ихъ лишился,
Любя съ любимымъ разлучился,
И радости себѣ уже не чаетъ впредь,
Легко почувствуетъ, безъ дальнѣйшаго слова,
Что лучше *Душенькѣ* въ сей долѣ умереть.

Стихотворецъ нашъ, описывая съ Лафонтеномъ всѣ образы смерти, избираемые *Душенькою*, прибавляетъ отъ себя еще одинъ, не весьма піитическій, но игриво и забавно имъ представленный:

Избравъ крѣпчайшій сукъ, послѣдній шагъ ступила
И къ вѣтви свой платокъ какъ должно прицѣпила,
И въ петлю *Душенька* головушку вложила...
О чудо изъ чудесъ!
Потряссся доль и лѣсъ;
Дубовый, грубый сукъ, на чемъ она повисла,
Съ почтеніемъ къ ея прекрасной головѣ
Пригнулся такъ какъ прутъ — — —
И здраву *Душеньку* поставилъ на травѣ;
И вѣтви всѣ тогда, нанизъ влекомы ею,

Иль сами волею своею
Шумѣли радостно надъ нею,
И соединяючи концы,
Свивали разны ей вѣнцы.
Одинъ лишь наглый сукъ за платье зацѣпился,
И *Душенькинъ* покровъ вверху остановился;
Тогда увидѣлъ долъ и лѣсъ
Другое чудо изъ чудесъ — —

Вольность бываетъ маленькою слабостію Поэтовъ; строгіе люди давно осуждаютъ ихъ, но снисходительные много извиняютъ, естьли воображеніе неразлучно съ остроуміемъ и не забываетъ правилъ вкуса. Когда горы и лѣса, видя *чудо* восклицали, что Душенька всѣхъ на свѣтѣ прекраснѣе,

Амуръ, смотря изъ облаковъ,
Прилѣжнымъ взоромъ то оправдывалъ безъ словъ.

Поэту хотѣлось сказать, что *Душенька* прошла *сквозь огнь и воду*, и для того онъ заставляетъ ее броситься въ пламя, когда Наяды не дали ей утонуть въ рѣкѣ. . . .

Лишь только бросилась во пламя на дрова,
Какъ вдругъ невидимая сила
Подъ нею пламень погасила;
Мгновенно дымъ исчезъ, огонь и жаръ потухъ;

Остался только лишь потребный теплый
духъ,
За тѣмъ, чтобъ ножки тамъ Царевна осу-
шила,
Которыя въ водѣ недавно замочила.

Это смѣшно, и разсказъ имѣетъ всю точность хорошей прозы. — Лафонтенъ, для разнообразія своей повѣсти, вводитъ исторію Философа-рыболова: въ *Душенькѣ* она могла бы только остановить быстроту главнаго дѣйствія. Сказка въ стихахъ не требуетъ *множества* вымысловъ, нужныхъ для живости прозаическихъ сказокъ. Богдановичь упоминаетъ о старомъ рыбакѣ единственно для того, чтобы *Душенькѣ* было кому пожаловаться на ея нещастіе. . . .

Ты помнишь бытность всѣхъ временъ
И всякихъ въ мірѣ перемѣнъ:
Скажи, какъ свѣтъ стоитъ сначала,
Встрѣчалось ли когда кому
Нещастье равно моему?
Я рѣзалась и въ петлю клалась,
Топилась и въ огонь бросалась;
Но въ горькой участи моей,
Прошедъ сквозь огнь, прошедъ сквозь
воду,
И всѣми видами смертей
Приведши въ ужасъ всю Природу,
Противъ желанія живу
И тщетно смерть къ себѣ зову.

— — — — — — — — — — — — — —

Но кто ты? старецъ вопросилъ. . . .
„Я *Душенька* — люблю Амура."

Послѣдній стихъ очень милъ и трогателенъ, не смотря на шутливый тонъ Автора. — Объявленіе Венеры, прибитое на всѣхъ перекресткахъ, взято съ Французскаго, но гораздо смѣшнѣе на Рускомъ:

Понеже *Душенька* прогнѣвала Венеру,
И *Душеньку* Амуръ Венерѣ въ стыдъ хвалилъ:
Она же *Душенька* румяна унижаетъ,
Мрачитъ передъ собой достоинство бѣлилъ;
— — — — — — — — — — — — — —
Она же *Душенька*, имѣя стройный станъ,
Прелестные глаза, пріятную усмѣшку;
— — — — — — — — — — — — — —
Она же взорами сердцамъ творя изъянъ:
— — — — — — — — — — — — — —
Того или инаго ради,
Венера каждому и всѣмъ
О гнѣвѣ на нее своемъ
По должной формѣ объявляетъ.

Въ обращеніи *Душеньки* къ богинямъ всего забавнѣе представлена важность Минервы, которая, занимаясь астрономическими наблюденіями и хвостами кометъ, съ презрѣніемъ говоритъ бѣдной красавицѣ,

Что миръ безъ *Душеньки* стоялъ изъ вѣка въ вѣкъ;
Что въ обществѣ она не важной человѣкъ;

А паче какъ хвостомъ комета всѣхъ пугаетъ,
О *Душенькѣ* тогда никто не помышляетъ.

Богдановичь хотѣлъ осмѣять Астрономовъ, которые около 1775 году, естьли не ошибаюсь, пугали людей опасностію кометы. Но должно признаться, что о ревнивой Юнонѣ Лафонтенъ говоритъ еще забавнѣе Рускаго Стихотворца. Вотъ его слова: „Пастушкѣ нашей не трудно было „найти Юнону. Ревнивая жена Юпитерова „часто сходитъ на землю, чтобы освѣдо„мляться о супругѣ. Псиша встрѣтила ее „гимномъ, но воспѣла одно могущество сей „богини, и тѣмъ испортила дѣло свое. На„добно было хвалить ея красоту, и какъ „можно усерднѣе. Царямъ говори объ ихъ „величіи, а Царицамъ совсѣмъ объ другомъ, „естьли хочешь угодить имъ. Юнона от„вѣчала, что должно наказать смертныхъ „прелестницъ, въ которыхъ влюбляются „боги. За чемъ они таскаются на землю? „развѣ на Олимпѣ еще мало для нихъ кра„савицъ?“ Богдановичь шутитъ только на счетъ Юпитеровыхъ метаморфозъ: здѣсь Лафонтенъ тонѣе. Но скоро Поэтъ нашъ беретъ верьхъ, описывая ошибку людей, которые, видя въ Венериномъ храмѣ *Душеньку* въ крестьянскомъ платьѣ, счита-

ютъ ее богинею и шепчутъ другъ другу на ухо:

Венера здѣсь тайкомъ!
Венера за столбомъ!
Венера подъ платкомъ!
Венера въ сарафанѣ!
Пришла сюда пѣшкомъ!
Конечно съ пастушкомъ!

Здѣсь короткіе стихи на одну риѳму прекрасно выражаютъ быстроту народныхъ словъ. И съ какимъ любезнымъ простосердечіемъ говоритъ *Душенька* раздраженной Венерѣ,

Колѣна преклоня:
Богиня всѣхъ красотъ! не сѣтуй на меня:
Я сына твоего прельщать не умышляла;
Судьба меня, судьба во власть къ нему послала.
Не я ищу людей, а люди въ слѣпотѣ
Дивяся завсегда малѣйшей красотѣ.
Сама искала я упасть передъ тобою;
Сама желала я твоею быть рабою.

Богдановичь поступилъ также гораздо милостивѣе съ своею Героинею, нежели Лафонтенъ, который заставилъ Венеру немилосердо сѣчь ее розгами. Какое варварство! Руская *Душенька служитъ* только трудныя, опасныя *службы* богинѣ, совершенно въ тонѣ Рускихъ старинныхъ сказокъ, и

прекрасно; идетъ за живою и мертвою водою къ змѣю Горыничу, и такъ хорошо, съ женскою хитростію, ублажаетъ его:

О змѣй Горыничь, Чудо - Юда!
Ты сытъ во всяки времена;
Ты ростомъ превзошелъ слона,
Красою помрачилъ верблюда;
Ты всяку здѣсь имѣешь власть
Блестѣть златыми чешуями,
И смѣло разѣваешь пасть,
И можешь всѣхъ давить когтями!
— — — — — — — — — — — —
Пусти меня, пусти къ водамъ!

Богдановичь, провождая *Душеньку* къ злому Кащею, не сказываетъ намъ его загадокъ: жаль! здѣсь былъ случай выдумать нѣчто остроумное. Но Авторъ уже довольно выдумывалъ, спѣшитъ къ концу отдохнуть на миртахъ вмѣстѣ съ своею Героинею, и мимоходомъ еще описываетъ Тартаръ несравненно лучше Лафонтена. Какъ скоро *Душенька* показала тамъ ногу свою, все затихло. . . .

Церберы перестали лаять,
Замерзлый Тартаръ началъ таять.
Подземна царства темный Царь,
Который возлѣ Прозерпины
Дремалъ, съ надеждою на слугъ,
Смутился тишиною вдругъ:

Возвысилъ вкругъ бровей морщины,
Сверкнулъ блистаньемъ ярыхъ глазъ,
Взглянулъ .... начавши рѣчь, запнулся;
И съ роду въ первый разъ
Въ то время улыбнулся!

Сими прекрасными стихами заключаемъ нашу выписку. Амуръ соединяется съ *Душенькою*, и Богдановичь, вспомнивъ аллегорической смыслъ древней басни, оканчиваетъ свою Поэму хвалою душевной, вѣчно неувядаемой красоты, въ утѣшеніе, какъ говоритъ онъ, всѣхъ земныхъ не-красавицъ.

Замѣтивъ хорошія и прекрасныя мѣста въ *Душенькѣ*, скажемъ, что она конечно не вся писана такими щастливыми стихами; но вообще столь пріятна, что благоразумный Критикъ, чувствительный къ красотамъ искусства и дарованія (а судъ другихъ есть пустословіе или злословіе), не захочетъ на счетъ ея доказывать своей тонкой разборчивости, и не забудетъ, что Ипполитъ Богдановичь *первый* на Рускомъ языкѣ игралъ воображеніемъ въ легкихъ стихахъ: Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ, могли быть для него образцами только въ другихъ родахъ.

Мудрено ли, что *Душенька* единогласно была прославлена всѣми любителя-

ми Рускаго Стихотворства? Шесть или семь листовъ, съ безпечностію брошенныхъ въ свѣтъ, перемѣнили обстоятельства и жизнь Автора. Екатерина царствовала въ Россіи; Она читала *Душеньку* съ удовольствіемъ и сказала о томъ Сочинителю: что могло быть для него лестнѣе? Знатные и придворные, всегда ревностные подражатели Государей, старались изъявлять ему знаки своего уваженія и твердили наизусть мѣста, замѣченныя Монархинею. Тогдашніе Стихотворцы писали Эпистолы, Оды, Мадригалы въ честь и славу Творца *Душеньки. Онъ былъ на розахъ*, какъ говорятъ Французы. . . . Но многія блестящія знакомства отвлекли Богдановича отъ жертвенника Музъ въ самое цвѣтущее время таланта (*) — и вѣнокъ *Душеньки* остался единственнымъ на головѣ его. Хотя онъ и неувядаемъ, однакожъ любители дарованій не перестанутъ жалѣть, что Поэтъ нашъ имъ удовольствовался и не захотѣлъ новыхъ. Онъ доказалъ, къ нещастію, что авторское славолюбіе можетъ имѣть предѣлы! Правда, что Богдановичь еще писалъ, но мало, или съ небреженіемъ, какъ буд-

(*) Ему было тогда съ небольшимъ 30 лѣтъ.

что бы *не-хотя* или въ дремотѣ Генія. Иной сказалъ бы, что Поэтъ, любя свою *Душеньку*, *хотѣлъ* оставить ей честь быть единственнымъ, изящнымъ твореніемъ его таланта. — Отъ 1775 до 1789 году онъ сочинилъ *Историческое изображеніе Россіи*, Часть I (опытъ легкій, несовершенный, но довольно пріятный), — лирическую Комедію: *Радость Душеньки*, Драму: *Славяне*, и двѣ маленькія театральныя піэсы изъ Рускихъ пословицъ (*). Сама Екатерина ободряла Богдановича писать для театра, и въ знакъ Своего благоволенія пожаловала ему табакерку за *Радость Душеньки*, за Драму *Славяне* перстень. Въ первой есть забавная сцена, пиръ боговъ, гдѣ Момусъ смѣшитъ своимъ *божественнымъ* простосердечіемъ; а во второй двадцати-пятилѣтнее торжество Славянъ въ честь великой Государыни, которая навѣки основала ихъ благоденствіе, тронуло въ представленіи всѣхъ зрителей: ибо сію Драму играли въ то время, когда совершилась четверть вѣка по восшествіи на тронъ Екатерины. — Исполняя также волю сей Монархини, онъ издалъ Рускія по-

(*) Сверхъ сихъ помѣщены еще двѣ театральныя піэсы, которыя тогда были неизвѣстны.

Примѣчаніе Издателя.

словицы, вЪ которыхЪ сохранились драгоцѣнные остатки ума нашихЪ предковЪ, ихЪ истинныя понятія о добрѣ и мудрыя правила жизни. Мы должны еще упомянуть о мѣлкихЪ его стихотвореніяхЪ, напечатанныхЪ вЪ Собесѣдникѣ: нѣкоторыя изЪ нихЪ отличаются замысломЪ и вкусомЪ. — Но ни которая изЪ пріятныхЪ бездѣлокЪ Богдановича не была такЪ извѣстна и славна, какЪ его пѣсня: *Мнѣ минуло пятнадцать лѣтЪ.* Она сдѣлалась *народною*, и донынѣ — не смотря на множество новыхЪ любимыхЪ пѣсенЪ — сохраняетЪ свое достоинство. ВЪ ней есть истинная *затѣйливость* и нѣжная простота, которыя равняютЪ ее сЪ лучшими Французскими пѣснями. Что можетЪ быть простѣе и любезнѣе слѣдующихЪ куплетовЪ?

„Далабъ ему я посохъ свой:
Мнѣ посохъ надобенъ самой;
И чтобъ звѣрей остерегаться,
Съ собачкой мнѣ не льзя разстаться.

Въ пустой и скучной сторонѣ
Свирѣлки также нужны мнѣ.
Овечку дать ему я рада,
Когда бы не считали стада.“ —

Пастушка говоритъ тогда:
„Пускай пастухъ придетъ сюда;

Чтобъ не было убытка стаду,
Я сердце дамъ ему въ награду!"

Онъ перевелъ также всѣ лучшіе Французскіе стихи, написанные въ честь Екатеринѣ, Вольтеровы, Мармонтелевы, и проч. Сіи Поэты умѣли хвалить Великую языкомъ благороднымъ, и Богдановичь не унижалъ его. На примѣръ, онъ такъ заставляетъ говорить Мармонтеля на Рускомъ языкѣ:

О ты, Которая въ законахъ и геройствѣ
Совмѣстниковъ Своихъ далеко превзошла, —
Божественный примѣръ Монархамъ подала
Пещися подданныхъ о щастьи и спокойствѣ!
Являй всегда Твоей величество души,
И славныхъ дѣлъ Своихъ начатки соверши!
Щастливому въ Твоемъ владѣніи народу
Осталося имѣть едину лишь свободу.

Въ переводѣ его Вольтеръ, подобно какъ и въ оригиналѣ, то важенъ, то забавенъ, говоря:

И гдѣ Великій Петръ людей содѣлать могъ,
Екатерина тамъ содѣлала Героевъ...
— — — — — — — — — — — — — —
Трудится день и ночь возставить всѣхъ покой,
И межь трудовъ ко мнѣ писать находитъ время.
Тогда же Мустафа, гордясь предъ Визиремъ,
Въ чертогахъ роскошью безчувственною дышетъ,

Зѣваетъ въ праздности, не мыслитъ ни о чемъ,
И никогда ко мнѣ, въ прибавокъ, онъ не пишетъ!

Занимаясь Стихотворствомъ Богдановича, мы забыли службу его. Въ 1780 году онъ былъ опредѣленъ въ новоучрежденный тогда Государственный Санктпетербургскій Архивъ Членомъ, въ 1788 Предсѣдателемъ его, а въ 1795 отставленъ съ полнымъ жалованьемъ, служивъ 41 годъ. — Наконецъ, въ 1796 году, онъ выѣхалъ изъ Петербурга. Тогдашнія бѣдствія Европы, разительная картина непостоянствъ Фортуны въ отношеніи къ людямъ и къ Государствамъ, самая свѣтская печальная опытность, могли въ добромъ и нѣжномъ сердцѣ его произвести склонность къ мирному уединенію. Пріятный климатъ, любезныя воспоминанія дѣтства и самая вѣрнѣйшая связь въ мірѣ, дружба родственная, влекли Богдановича къ щастливымъ странамъ Малороссіи. Онъ пріѣхалъ въ Сумы, съ намѣреніемъ вести тамъ жизнь свою въ кругу ближайшихъ родныхъ и наслаждаться ея тихимъ вечеромъ въ объятіяхъ Природы, всегда любезной для чувствительнаго сердца, особливо для Поэта. Первые дни и мѣсяцы казались ему совершеннымъ очаро-

ваніемъ; никогда душа его не бывала такъ свободна и безмятежна. Уже никакія мечты не тревожили ея спокойствія. Мирная совѣсть, пятьдесятъ лѣтъ проведенныхъ въ наблюденіи строгихъ правилъ чести, кроткая, но всегдашняя дѣятельность благородныхъ способностей человѣка: ума образованнаго и зрѣлаго, воображенія еще не угасшаго; чтеніе Авторовъ избранныхъ, обхожденіе съ людьми добрыми и близкими къ сердцу, самое единообразіе простой жизни, любезное въ нѣкоторыхъ лѣтахъ, были щастіемъ Богдановича, истиннымъ и завиднымъ, котораго желаютъ всѣ люди, живущіе для славы собственной и пользы другихъ въ шумѣ свѣтскомъ, и котораго милымъ образомъ украшаютъ они *въ мысляхъ* послѣдніе дни свои въ мірѣ, дни отдохновенія и покоя! . . . Но

Пристанища въ семъ мірѣ нѣтъ. . .

Здѣсь должны мы осторожно повторить извѣстіе неясное, хотя и вѣрное. Руссо на шестомъ десятилѣтіи жизни испыталъ всю силу романической страсти, забавной въ глазахъ молодаго свѣтскаго Адониса, но трогательной для человѣколюбиваго наблюдателя. Можно съ покойною совѣстію шутить надъ старикомъ Селадо-

номъ; но для *особенной* и *случайной* привязанности нѣтъ сроку: всегда можно любить, пока сердце живо, и взоръ чувствительной женщины изъявляетъ намъ симпатію. Самолюбіе, нѣкоторымъ образомъ справедливое въ человѣкѣ достойномъ; имя дружбы, которымъ часто закрываемъ любовь отъ самихъ себя; надежда быть — естьли не прелестнымъ, то хотя пріятнымъ и нравиться самымъ тѣмъ, чтобы не думать нравиться — заводятъ иногда и не Поэтовъ весьма далеко. . . . Не знаемъ обстоятельствъ; но кто, и зная ихъ, могъ бы безъ нарушенія правилъ скромнаго благоразумія открыть свѣту подробности сердечной связи? Скажемъ только, что тихая, мирная, щастливая жизнь Богдановича вдругъ сдѣлалась ему несносною. Онъ долженъ былъ разлучиться съ другомъ и братомъ, ... Какъ остаться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ все напоминало ему и блаженнѣйшіе часы для сердца и неожидаемыя ихъ слѣдствія? Оскорбленное самолюбіе бываетъ антидотомъ любви, но жестокимъ! . . . И всякая сильная перемѣна чувствъ ужасна въ то время, когда мы близки къ западу жизни, и когда Натура предписываетъ человѣку *спокойствіе*, какъ необходимое условіе еще возможнаго для него щастія! На-

дежда замѣнить потерю облегчаетъ ее въ молодости; но лѣта отнимаютъ у насъ сіе дѣйствительное утѣшеніе. Мы слышимъ только голосъ строгаго разсудка, который запрещаетъ даже и жаловаться на Судьбу! . . . Сей взоръ на послѣдніе годы нашего любезнаго Стихотворца печаленъ для всякаго, кто умѣетъ воображать себя на мѣстѣ другихъ.

Въ 1798 году онъ переселился въ Курскъ. — Александръ восшелъ на тронъ, и когда всѣ Патріоты съ радостными надеждами устремили на него взоры, Богдановичь взялъ лиру, уже давно имъ оставленную — и юный Монархъ въ знакъ своего благоволенія прислалъ ему перстень. Муза *Душеньки* имѣла славу и щастіе нравиться Великой Екатеринѣ: Августѣйшій Внукъ Ея могъ ли не удостоить ее Своего вниманія?

Въ началѣ Декабря 1802 году Богдановичь занемогъ, бывъ всегда некрѣпкаго сложенія; томился четыре недѣли и кончилъ жизнь 6 Января, къ горести родныхъ, друзей и всѣхъ любителей Руской Словесности: ибо онъ еще не дожилъ до глубокой, маститой старости, которая бываетъ послѣднимъ знакомъ Небеснаго благоволенія къ земнымъ странникамъ, облегчая ихъ переходъ въ вѣчность.

Говорятъ, что жизнь и характеръ Сочинителя видны въ его твореніяхъ; однакожъ мы, любя послѣднія, всегда спрашиваемъ о первыхъ у тѣхъ людей, которые лично знали Автора. Всѣ знакомые и пріятели Богдановича единогласно хвалятъ его нравственныя свойства, тихой нравъ, чувствительность, безкорыстіе и какую-то невинную веселость, которую онъ сохранилъ до старости, и которая дѣлала его пріятнымъ въ дружескомъ обществѣ. Никто не замѣчалъ въ немъ авторскаго самолюбія. Богдановичь даже рѣдко говаривалъ о Поэзіи и Литтературѣ, и всегда съ нѣкоторою застѣнчивостію, бывшею природнымъ свойствомъ его. Не мудрено, что онъ не любилъ Критики, пугающей всякое нѣжное самолюбіе, и признавался, что она своею грубою строгостію могла бы совершенно отвратить его отъ авторства.

Друзья Богдановича — которыхъ онъ, однажды нашедши, не терялъ никогда — а еще долѣе любители Рускихъ талантовъ сохранятъ его память: ибо Творецъ *Душеньки* будетъ извѣстенъ потомству — какъ Стихотворецъ пріятный, нѣжный, часто остроумный. и замысловатый.

Н. К.

СТИХИ

къ портрету творца Душеньки.

Въ даръ Музамъ нѣжною рукою
Образовавъ одинъ цвѣтокъ,
Отъ славы скрылся онъ къ покою,
И скромный заслужилъ вѣнокъ.

Владимiръ Измайловъ.

НАДПИСЬ

къ портрету Ип. Ѳ. Богдановича.

Зефиръ ему перо изъ крылъ своихъ давалъ;
Амуръ водилъ рукой: онъ *Душеньку* писалъ.

Пл. . . нъ Бе. . . въ

СТИХИ

ТВОРЦУ ДУШЕНЬКИ.

Quoique bien tu sois l'auteur,
De ce poëme enchanteur;
Tu seras un témeraire,
Si tu mets au bas ton nom.
Bogdanovitz! pour bien faire
Il faut signer Apollon.

Аноп у те.

СТИХИ

НА СМЕРТЬ ИП. Ѳ. БОГДАНОВИЧА.

Не Граціи однѣ, не Музы, мнѣ любезны,
Влекутъ изъ сердца стихъ и стонъ и токи слезны;
Ахъ! въ Богдановичѣ злымъ рокомъ отнятъ вдругъ
И *Душеньки* творецъ и мой почтенный другъ!...
Я въ немъ и друга Музъ и друга сердцу трачу:
Двойной ударъ терпя, тѣмъ горестнѣе плачу;...
Вся сладкая съ нимъ связь прервалась навсегда....
Хоть Геній не умретъ безсмертный никогда!...

Другіе — нашего утрату Геликона
Оплачутъ въ немъ — пѣвца, любимца —
Аполлона,
И Лафонтенова совмѣстника почтутъ;
На гробъ его цвѣты и гимны принесутъ. . . .
А я, лишенъ всего, таланта и искусства,
Едины принести могу сердечны чувства! . .
О тѣнь любезная всегда душѣ моей!
Прими сей горькій долгъ, послѣдню дань
отъ ней;
Прими послѣднее къ тебѣ стихотворенье,
Что приносило намъ взаимно утѣшенье! . .

Не тѣ ужъ здѣсь стихи, которы ты
хвалилъ,
Талантомъ и огнемъ своимъ животворилъ:
Теперь разстроенну, оставленну и сиру,
Лишась тебя, кроплю мою слезами лиру. . .
Я друга потерялъ. . . Увы! какой Поэтъ,
Прощаясь вѣчно съ нимъ, согласно воспоетъ! . .

Александръ Палицынъ.

СТИХИ.

НА СМЕРТЬ Ип. Ѳ. БОГДАНОВИЧА.

И такъ, ужь нѣтъ тебя! Любимецъ
Аполлона!
Съ холмовъ Парнасскихъ ты на берегъ Ахе-
рона,
Къ страданью нашему, судьбою низведенъ.

И такъ, ужъ ты отъ Музъ и Грацій отлученъ!
Мы стонемъ! и онѣ подобно намъ стонаютъ;
Онѣ съ потокомъ слезъ о томъ воспоминаютъ,
Кто ихъ сопутницы явилъ всю прелесть намъ.
Ничто не можетъ быть преградой здѣсь судьбамъ:
Ихъ непреложное для насъ опредѣленье,
И умъ и чувствіе разитъ въ одно мгновенье.
Ахъ! сколько ты въ свой вѣкъ тому примѣровъ зрѣлъ!

Не при тебѣ ль Орфей Россійскихъ странъ гремѣлъ?
Не при тебѣ ли сей, совмѣстникъ Промиѳея,
Звукъ арфы съ лирою соединять умѣя,
И жизнь и огнь излилъ въ обильный нашъ языкъ?
Не при тебѣ ль его всѣ тайны онъ проникъ?
Не при тебѣ ль творецъ Семиры и Ильмены
Въ насъ души движущи страстей являлъ премѣны!
Не при тебѣ ль цвѣты онъ Лафонтена жалъ?
Не ихъ ли Геніемъ и ты свой духъ питалъ?
Но ахъ! уже давно ихъ вѣчность поглотила,
И днесь, сразивъ тебя, ихъ снова насъ лишила.
Мы плачемъ о тебѣ, о Музахъ и о насъ.

„Нѣтъ! нѣтъ! онъ не сраженъ! вѣщаетъ Грацій гласъ.
„Доколь Россійскихъ странъ языкъ не истребится,
„Дотолѣ славы блескъ его не помрачится:
„Чтобъ смерть одолѣвать, то Генія удѣлъ.“

О! вы, которыхъ онъ толь сладостно воспѣлъ,
Прелестны Граціи, словамъ мы вашимъ вѣримъ;
Надеждою отъ васъ скорбь тяжку мы умѣримъ:
Но чтобы полную отраду дать сердцамъ,
Наслѣдника по немъ вы обѣщайте намъ.

1802.

Сергѣй Глинка.

ЭПИТАФІИ

Автору Душеньки.

I.

На урну преклонясь, вечернею порою
Амуръ невидимо здѣсь часто слезы льетъ,
И мыслитъ, отягченъ тоскою:
Кто Душеньку теперь такъ мило воспоетъ?

Иванъ Дмитріевъ.

II.

Привѣсьте къ урнѣ сей, о Граціи! вѣнецъ,
Здѣсь Богдановичь спитъ, любимый вашъ пѣвецъ.

Иванъ Дмитріевъ.

III.

Въ спокойствіи, въ мечтахъ текли его всѣ лѣта;
Но онъ внимаемъ былъ Владычицей полсвѣта,
И въ памяти его Россія сохранитъ.
Сынъ Феба! возгордись: здѣсь Музъ любимецъ спитъ.

Иванъ Дмитріевъ.

IV.

Любовь у *Душеньки* въ плѣну любви была,
А *Душеньку* душа его произвела:
Чтожъ былъ онъ для сердецъ? . . . . Пусть сердце отвѣчаетъ
Тому, кто истинныхъ талантовъ цѣну знаетъ!

Кн. Ш—въ.

V.

Вы мраморомъ его могилы не тягчите;
Но только *Душеньку* на гробѣ положите.

К. Н. Ку–ш–въ.

VI.

Что вижу я? Амуръ и Душенька въ слезахъ
Другъ друга обнимаютъ,
И урну Грацiи вѣнками украшаютъ! —
Прохожiй! не дивись: здѣсь Ипполитовъ прахъ.

В. Пушкинъ.

VII.

Не нужно надписьми могилу ту пестрить,
Гдѣ *Душенька* одна все можетъ замѣнить.

Иванъ Богдановичь.

ДУШЕНЬКА,

ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ,

ВЪ ВОЛЬНЫХЪ СТИХАХЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

ОТЪ СОЧИНИТЕЛЯ.

Собственная забава, въ праздные часы, была единственнымъ моимъ побужденіемъ, когда я началъ писать Душеньку; а потомъ общее единоземцовъ благосклонное о вкусѣ забавъ моихъ мнѣніе заставило меня отдать сочиненіе сіе въ печать, сколь можно исправленное. Потомъ имѣлъ я время исправить его еще болѣе, будучи побужденъ къ тому печатными и письменными похвалами, какія сочиненію моему сдѣланы. Пріемля ихъ съ должною благодарностію, не питаюсь самолюбіемъ столь много, чтобъ не могъ возчувствовать моего недостаточества при выраженіяхъ одного неизвѣстнаго, которому въ вѣжливыхъ стихахъ его угодно было сочиненіе, Душеньку, назвать твореніемъ самой Душеньки. Предки мои, служивъ вѣрою и правдою Го-

сударю и Отечеству, съ простымъ въ Дворянствѣ добрымъ именемъ, не оставили мнѣ примѣра, вознести себя выше обыкновенной тлѣнности человѣческой. Я же, не будучи изъ числа учрежденныхъ Писателей, чувствую, сколько обязанъ многихъ людей благодушію, которымъ они замѣняютъ могущія встрѣтиться въ сочиненіяхъ моихъ погрѣшности.

И. Богдановичъ.

СТИХИ

НА ДОБРОДѢТЕЛЬ ХЛОИ.

Красота и Добродѣтель
Изъ вѣковъ имѣли споръ;
Свѣтъ не рѣдко былъ свидѣтель
Ихъ соперничествъ и ссоръ.
Хлоя! ты въ себѣ являешь
Новый двухъ вещей союзъ:
Не манишь, не уловляешь
Въ плѣнъ твоихъ прiятныхъ узъ;
Кто же хочетъ быть свидѣтель
Покоренiя сердецъ,
Хлоиныхъ красотъ видѣцъ
Самъ узнаетъ наконецъ,
Сколь любезна Добродѣтель!

ДУШЕНЬКА,

ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Не Ахиллесовъ гнѣвъ и не осаду Трои,
Гдѣ въ шумѣ вѣчныхъ ссоръ кончали дни Герои,
Но Душеньку пою.
Тебя, о Душенька! на помощь призываю
Украсить пѣснь мою,
Котору въ простотѣ и вольности слагаю.
Не лиры громкій звукъ, услышишь ты свирѣль.
Сойди ко мнѣ, сойди отъ мѣстъ тебѣ пріятныхъ,
Вдохни въ меня твой жаръ, и разумъ мой осмѣль
Коснуться щастія селеній благодатныхъ,
Гдѣ вѣчно ты безъ бѣдъ проводишь сладки дни,
Гдѣ царствуютъ безъ скукъ веселости одни.
У хладныхъ береговъ обильной льдомъ Славены,
Гдѣ Фебъ туманится и кроется отъ глазъ,
Яви потоки мнѣ чудесной Ипокрены.
Покрытый снѣжными буграми здѣсь, Парнассъ
Отъ взора твоего растаявалъ не разъ.
Съ тобою нѣжные присутствуютъ Зефиры,
Бѣгутъ отъ мѣстъ, гдѣ ты, докучные Сатиры,

Хулы и критики, и грусти и бѣды;
Забавы безъ тебя приносятъ лишь труды:
Веселья морщатся, Амуры плачутъ сиры.

О ты, пѣвецъ боговъ,
Гомеръ, отецъ стиховъ,
Двойчатыхъ, равныхъ, стройныхъ,
И къ пѣнію пристойныхъ!
Прости вину мою,
Когда я формой строкъ себя не безпокою
И мѣрныхъ пѣсней здѣсь порядочно не строю.
Черты, безъ равныхъ стопъ, по волному покрою,
На разный образецъ крою,
И малой мѣры, и большія,
И часто риѳмы холостыя,
Безъ сочетанія законнаго въ стихахъ,
Свободно ставлю на концахъ.
А естьли отъ того устану,
Безтрудно и отважно стану,
Забывъ чернилъ и перьевъ страхъ,
Забывъ сатиръ и критикъ грозу,
Писать безъ риѳмъ, иль просто въ прозу.
Любя свободу я мою,
Не для похвалъ себѣ пою;
Но чтобъ въ часы прохладъ, веселья и покоя,
Пріятно разсмѣялась Хлоя.

Издревле Апулей, потомъ де-ла-Фонтенъ,
На вѣчну память ихъ именъ,
Воспѣли Душеньку, и въ прозѣ и стихами,
Другимъ языкомъ съ нами.
Въ сей повѣсти они
Острѣйшихъ разумовъ пріятности явили;
Перомъ ихъ, кажется, что Граціи водили,

Иль сами Граціи писали то одня.
Но естьли подражать ихъ слогу не возможно,
Потщусь за ними въ слѣдъ, хотя въ чертахъ простыхъ,
Тому подобну тѣнь представить осторожно
И въ повѣсть иногда вмѣстить забавный стихъ.

Въ старинной Греціи, въ Юпитерово время,
Когда размножилось властительное племя,
Какъ въ каждомъ городкѣ бывалъ особый Царь,
И естьли пожелалъ, былъ богъ, имѣлъ олтарь.

Межъ многими Царями
Одинъ отличенъ былъ
Числомъ военныхъ силъ,
Умомъ, лицомъ, кудрями,
Избыткомъ животовъ,
И хлѣба и скотовъ.
Бывали тамъ сосѣди,
И злы и алчны такъ, какъ волки иль медвѣди:
Извѣстенъ Ликаонъ,
Котораго писалъ исторію Назонъ;
Извѣстно, гдѣ и какъ на самомъ дѣлѣ онъ,
За хищныя дѣла и за кривые толки,
Изъ Греческихъ Царей разжалованъ былъ въ волки.
Но тотъ, о комъ хочу разсказывать теперь,
Ни образомъ своимъ, ни нравомъ не былъ звѣрь:
Онъ свѣту былъ полезенъ,
И былъ богамъ любезенъ;
Достойно награждалъ,
Достойно осуждалъ;

И естьли находилъ въ подсудныхъ звѣрски
души,
Такимъ ослиныя приклеивалъ онъ уши,
Инымъ сурову щеть, съ когтями въ при-
быль ногъ,
Инымъ ревучій зѣвъ, другимъ по парѣ рогъ.
Отъ ѣдкой древности, котора быль гло-
таетъ,
Архива многихъ дѣлъ давно истреблена;
Но образъ правъ его сохранно почитаетъ
И самый поздный свѣтъ, по наши времена.
Завистнымъ онъ велѣлъ, какъ вѣстно, въ томъ
труждаться,
Чтобъ щастіе другихъ
Скучало взорамъ ихъ,
И не моглибъ они покоемъ наслаждаться:
Скупымъ опредѣлилъ у золота сидѣть,
На золото глядѣть
И золотомъ прельщаться,
Но имъ не насыщаться.
Спѣсивымъ предписалъ съ людьми не сооб-
щаться,
И ихъ потомкамъ въ казнь давалась та же
спесь,
Какая видима осталась и поднесь.
Велѣлъ, чтобъ міръ ни въ чемъ не вѣрилъ
Тому, кто льстилъ и лицемѣрилъ.
Клеветникамъ въ удѣлъ,
И доносителямъ неправды Государю,
Вездѣ носить велѣлъ
Противнѣйшую харю,
Какая изъявлять клевещущихъ могла.
Такая видима была
Не въ давномъ времени, въ Москвѣ на маска-
радѣ,

Когда на Масленой, въ торжественномъ парадѣ,
Народъ осмѣивалъ позорныя дѣла.
И словомъ,
Въ своемъ уставѣ новомъ
Велѣлъ, чтобъ обще всѣ злонравны чудаки,
Съ приличной надписью, носили колпаки,
По коимъ ихъ тогда скорѣе узнавали
И прочь отъ нихъ бѣжали.
По доброму суду, уставъ сей былъ не строгъ
И нравился народу,
Который въ дѣло чтить не могъ
Старинную дурную моду,
Когда людей бросали въ воду,
Какъ будто рыбій родъ,
По нѣскольку на всякой годъ.
Овидій, лживыхъ лѣтъ потомственный писатель,
Который истину не рѣдко обнажалъ,
Овидій въ самой лжи правдивыхъ Музъ пріятель,
Подробно описалъ,
У Грековъ какъ дотоль бывали казни часты:
Преобращенные тогда въ быковъ Церасты,
Цекроповъ цѣлой родъ, за злобу и обманъ,
Во стадо обезьянъ,
Льстецы, за низость душъ, въ лягушки,
Непостоянные въ вертушки,
Болтливые въ сорокъ,
Жестокосердые во мраморной кусокъ,
Танталъ, Сизифъ и Иксіона,
За алчну злобу ихъ,
На вѣчной ссылкѣ у Плутона,
И множество другихъ
Почли бы всѣ себѣ за милость и за ласки,
Когда бы только Царь,

Дурную въ свѣтѣ тварь
Рядя въ дурныя маски,
Наказывалъ стыдомъ.
Такая нова власть, безъ дальней людямъ казни,
Держала всѣхъ въ боязни;
И добрый Царь притомъ
Друзей изъ доброй воли
Откушать хлѣба-соли
Зывалъ въ свой Царскій домъ.

О естьлибъ ты, Гомеръ, проснулся!
Храня твоихъ Героевъ честь,
Которы, забывая месть,
Любили часто пить и ѣсть;
Тыбъ, слыша стихъ мой, ужаснулся,
Что слабый будучи пѣвецъ,
Тебѣ дерзнулъ я наконецъ
Подобиться, стиховъ отецъ!
Возможноль изъявить достойно
Великолѣпіе пировъ
У Царскихъ Греческихъ дворовъ,
О коихъ ты писалъ толь стройно?
Я только лишь могу сказать,
Что Царь любилъ себя казать,
Иныхъ хвалить, иныхъ тазать,
Поѣсть, попить и послѣ спать.
А за такое хлѣбосольство,
И болѣе за доброй нравъ,
Отъ всѣхъ сосѣдственныхъ державъ
Явилося къ нему посольство.
Особо же онъ былъ отличенъ изъ Царей
За то, что трехъ имѣлъ прекрасныхъ до-
черей.

Но солнце въ красотѣ своей
Когда вселенну освѣщаетъ,

Луну и звѣзды помрачаетъ:
Подобно такъ была меньшая всѣхъ виднѣй,
И старшихъ сестръ своихъ достоинства мрачила,
И розы красоту, и бѣлизну лилей,
И словомъ, ничего въ подобномъ видѣ ей
Природа никогда на свѣтѣ не явила.

Искать приличныхъ словъ
Къ тому, что въ множествѣ вѣковъ
Блистало толь отмѣнно,
Напрасно было бы, и былобъ дерзновенно.
Короче я скажу: меньшая Царска дочь,
Отъ коей многіе вздыхали день и ночь,
У Грековъ потому Психея называлась.
Въ языкахъ же другихъ, при переводѣ словъ,
Звалась она Душа, по толку мудрецовъ;
А послѣ, въ повѣстяхъ старинныхъ знатоковъ,
У Рускихъ Душенька она именовалась;
И пишутъ, что тогда
Изыскано не безъ труда
Къ ея названію приличнѣйшее слово,
Какое было ново.
Во славу Душенькѣ, у насъ отъ тѣхъ временъ
Поставлено оно народомъ въ лексиконѣ,
Между пріятнѣйшихъ именъ,
И утвердила то Любовь въ своемъ законѣ.

Но часто похвалы
Бываютъ межь людей опаснѣе хулы.
Презорна спѣсь не любитъ,
Когда повсюду трубитъ
Прямую правду въ слухъ
Болтливая богиня Слава.
Чужая честь, чужія права

Завистливыхъ терзаютъ духъ.
Такая, Душенька, была твоя прослуга,
Какъ весь Цитерскій міръ и вся его округа.
Оставя древнее прекрасно божество,
Тебя особо обожали,
И всѣ къ тебѣ бѣжали
Твое умножить торжество.
Соперницы своей не знала ты печали!
Веселій, смѣховъ, игръ соборъ,
Оставивъ прелести Венеры,
Бѣжитъ толпою изъ Цитеры.
Богиня, обтекая дворъ,
Куда ни обращаетъ взоръ,
Не зритъ ни жертвъ, ни ѳиміамовъ;
Жрецы тогда стада пасли,
И множество Цитерскихъ храмовъ
Травой и лѣсомъ поросли.
Сады богини сиротѣли,
И домъ являлъ опальный видъ;
Зефиры изрѣдка свистѣли:
Казалось ей, свистѣли въ стыдъ.
Непостоянные Амуры,
Изъ храма прелетая въ храмъ,
Къ унылой пустотѣ Натуры
Не возмогли привыкнуть тамъ.
Оттуда всѣ летѣть хотѣли,
И всѣ вспорхнули, возлетѣли
За Душенькою въ новый путь,
Искать себѣ свободной нѣги,
Куда Зефиры стали дуть,
Куда текли небесны бѣги.
Оставшихъ малое число,
Крехтя подъ игомъ колесницы
Скучающей своей Царицы,
Вездѣ уныніе несло.

Не въ долгомъ времени, по слухамъ самымъ
вѣрнымъ,
Узнала наконецъ богиня красоты,
Со гнѣвомъ пребезмѣрнымъ,
Причину вкругъ себя и скукъ и пустоты.
Хоть Душенька гнѣвить не мыслила Венеру,
Къ достоинствамъ богинь имѣла должну вѣру,
И въ поступи своей всегда хранила мѣру,
Но вскорѣ всѣмъ хуламъ подвержена была.
Притомъ злорѣчивые духи,
О ней худые сѣя слухи,
Кривой давали толкъ на всѣ ея дѣла;
И кои милостей иль ждали, иль просили,
Во угожденіе богинѣ доносили,
Что будто Душенька, въ досаду ей и въ зло,
Присвоила себѣ Цитерскихъ слугъ число;
И что кому угодно,
Въ то время могъ солгать на Душеньку сво-
бодно.
Но чтобы дѣломъ месть
Надъ нею произвесть,
Собравъ Венера ложь и всяку небылицу,
Велѣла наскоро въ дорожну колесницу
Шестнадцать почтовыхъ Зефировъ заложить,
И наскоро летитъ Амура навѣстить.
Читатель самъ себѣ представитъ то удобно,
Просила ли ево иль такъ, или подобно,
Пришедъ на Душеньку просить и доносить:

„Амуръ, Амуръ! вступись за честь мою и
славу,
„Яви свой судъ, яви управу.
„Ты знаешь Душеньку, иль могъ о ней слы-
хать:
„Простая смертная, ругаяся богами,

,,Не ставитъ ни во что твою безсмертну
мать;
,,Уже и нашими слугами
,,Осмѣлилась повелѣвать,
,,И въ областяхъ моихъ надъ мной торже-
ствовать;
,,Могу ли я сносить и видѣть равнодушно,
,,Что Душенькѣ одной вездѣ и все послушно?
,,За ней гоняяся, отъ насъ отходятъ прочь
,,Поклонники, друзья, Амуры и Зефиры,
,,И скоро Душенькѣ послушны будутъ міры.
,,Юпитеръ самъ по ней вздыхаетъ день и
ночь,
,,И слышно, что беретъ себѣ ее въ супруги:
,,Гречанку наглую, едва ли Царску дочь,
,,Забывъ Юнонины и вѣрность и услуги!
,,Какой ты будешь богъ, и гдѣ твой будетъ
тронъ,
,,Когда отъ нихъ другой родится Купидонъ,
,,Которыи у тебя отыметъ лукъ и стрѣлы,
,,И нагло покоритъ подвластны намъ предѣлы!
,,Ты знаешь, сколь сыны Юпитеровы смѣлы:
,,По волѣ ходятъ въ небеса,
,,И всякія творятъ на свѣтѣ чудеса.
,,И можно ли терпѣть, что Душенька собою,
,,Безъ помощи твоей, во всѣхъ вселяетъ
страсть,
,,Какую возжигать одинъ имѣлъ ты власть?
,,Она давно уже смѣется надъ тобою,
,,И ставитъ въ торжество себѣ мою напасть.
,,За честь свою, за честь Венеры,
,,Яви ты строгости примѣры;
,,Содѣлай Душеньку постылою вовѣкъ,
,,И столь худою,
,,И столь дурною,

„Чтобъ каждый отъ нее чуждался человѣкъ;
„Иль дай ты ей въ мужья, ктобъ всѣхъ
сыскался хуже,
„Чтобы нашла она себѣ тирана въ мужѣ
„И мучилабъ себя,
„Жестокаго любя;
„Чтобъ тѣмъ краса ея увяла,
„И чтобы я покойна стала."

Амуръ желалъ тогда пресѣчь
Сію просительную рѣчь.
Хотя богинь онъ вѣдалъ свойство,
Всегда соперницъ клеветать,
Но долженъ былъ привесть въ спокой-
ство
Свою прогнѣванную мать,
И ей впослѣдокъ обѣщать,
За дерзость Душеньку порядкомъ постра-
щать.
Услышавъ тѣ слова, Амуры ужаснулись,
Весельи ахнули, и Смѣхи содрогнулись.
Одна Венера лишь довольна тѣмъ была,
Что гнѣвъ на Душеньку неправдой навлекла:
Съ улыбкою на всѣхъ кидая взоръ пріятно,
Сама рядила путь во островъ свой обратно,
И для отличности такого торжества,
Явила тутъ себя во славѣ божества.
Отставлена была воздушна колесница,
Которую везла крылатая станица,
Съ прохладнымъ воздухомъ, порозжую назадъ.
Богиня, учредивъ старинный свой парадъ
И въ раковину сѣвъ, какъ пишутъ на кар-
тинахъ,
Пустилась по водамъ на двухъ большихъ
дельфинахъ.

Амуръ, простря свой властный взоръ,
Подвигнулъ весь Нептуновъ дворъ.
Узря Венеру рѣзвы волны,
Текутъ за ней весельемъ полны.
Тритоновъ водяной народъ
Выходитъ къ ней изъ бездны водъ;
Иной вокругъ ее ныряетъ
И дерзки волны усмиряетъ;
Другой, крутясь во глубинѣ,
Сбираетъ жемчуги на днѣ,
И всѣ сокровища изъ моря
Тащитъ повергнуть ей къ стопамъ.
Иной, съ чудовищами споря,
Претитъ касаться симъ мѣстамъ;
Другой, на козлы сѣвъ проворно,
Со встрѣчными браниться вздорно,
Раздаться въ стороны велитъ,
Возжами гордо шевелитъ,
Отъ камней далѣ путь свой правитъ
И дерзостныхъ чудовищь давитъ.
Иной, съ трезубчатымъ жезломъ,
На китѣ впереди верьхомъ,
Гоня далече всѣхъ съ дороги,
Вокругъ кидаетъ взоры строги,
И чтобы всякъ то вѣдать могъ,
Въ коральной громко трубитъ рогъ;
Другой, изъ краевъ самыхъ дальныхъ,
Успѣвъ приплыть къ богинѣ сей,
Несетъ отломокъ горъ хрустальныхъ
На мѣсто зеркала предъ ней.
Сей видъ пріятность обновляетъ
И радость на ея челѣ.
О, естьлибъ видъ сей, онъ вѣщаетъ,
Остался вѣчно въ хрусталѣ!
Но тщетно то Тритонъ желаетъ;

Изчезнетъ сей призракъ какъ сонъ,
Останется одинъ лишь камень,
А въ сердцѣ лишь нещастный пламень,
Которымъ втуне тлѣетъ онъ.
Иной, приставъ къ богинѣ въ свиту,
Отъ солнца ставитъ ей защиту
И прохлаждаетъ жаркій лучь,
Пуская къ верьху водный ключь.
Сирены, сладкія пѣвицы,
Межъ тѣмъ поютъ стихи ей въ честь
Мѣшаютъ съ быльми небылицы,
Ее стараясь превознесть.
Иныя передъ нею пляшутъ,
Другія во услугахъ тутъ,
Предупреждая всякой трудъ,
Богиню опахаломъ машутъ;
Другіяжъ, на струяхъ несясь,
Пышатъ въ трудахъ по почтѣ скорой
И отъ луговъ, любимыхъ Флорой,
Подносятъ ей цвѣточну вязь.
Сама Ѳетида ихъ послала
Для малыхъ и большихъ услугъ,
И только для себя желала,
Чтобъ дома былъ ея супругъ.
Въ благопріятнѣйшей погодѣ
Не смѣютъ бури тамъ приставъ,
Одни Зефиры лишь въ свободѣ
Венеру смѣютъ лобызать.
Чудеснымъ дѣйствіемъ въ то время,
Какъ въ вѣяньи пшенично сѣмя,
Летятъ обратно бѣглецы,
Зефиры, древни наглецы;
Иной власы ея взвѣваетъ,
Межъ тѣмъ открывъ прелестну грудь,
Перестаетъ на время дуть,

Власы съ досадой опускаетъ,
И съ ними спущавшись летитъ.
Другой, невѣдомымъ языкомъ,
Со вздохами и нѣжнымъ крикомъ
Любовь ей на ухо свиститъ.
Иной, пытаясь безъ надежды
Сорвать покровъ другихъ красотъ,
Въ сердцахъ вертитъ ея одежды,
И падаетъ безъ силъ средь водъ.
Другой въ уста и въ очи дуетъ,
И ихъ украдкою цѣлуетъ.
Гонясь за нею волны тамъ,
Толкаютъ въ ревности другъ друга,
Чтобъ, вырвавшись скорѣй изъ круга,
Смиренно пасть къ ея ногамъ;
И всѣ въ усердіи Венеру
Желаютъ провожать въ Цитеру.
Не въ долгомъ времени пришла къ богинѣ вѣсть,
Которую Зефиръ спѣшилъ скорѣй принесть,
Что бѣдство Душеньки преходитъ всяку вѣру,
Что Душенька уже оставлена отъ всѣхъ,
И что вздыхатели, какъ будто ей въ посмѣхъ,
Отъ всякой встрѣчи съ ней повсюду удалялись,
Или къ отцу ея во дворъ хотя являлись,
Однако въ Душеньку ужь болѣ не влюблялись,
И къ ней не подходили вблизь,
А только издали ей низко поклонялись.
Такой чудесъ престранный родъ
Смутилъ во Греціи народъ.
Бывали тамъ потопы, моры,
Пожары, хлѣба недородъ,
Войны и внутренни раздоры,

Но случай сей для всѣхъ былъ новъ.
Сказатели различныхъ сновъ,
И вопрошатели боговъ
О томъ имѣли разны споры.
Иной предвидѣлъ добрый знакъ,
Другой сулилъ напасти скоры.
Иной, напутавъ много вракъ,
Не сказывалъ ни такъ ни сякъ;
Но всѣ согласно утверждали,
Что чудъ подобныхъ не видали
Во Греціи сначала вѣкъ.
Простой народъ тогда въ печали
Къ Венерѣ вопіять притекъ:
За что судьбы къ народу гнѣвны?
За что вздыхатели бѣжали отъ Царевны?
Извѣстно, что ея отмѣнная краса
Противныя тому являла чудеса.
Венера наконецъ рѣшила всѣхъ судьбину:
Явила Греціи сокрытую причину,
За что Царева дочь теряетъ прежню честь;
За что противъ себя воздвигла вышню месть,
И съ видомъ грознымъ и суровымъ
Царевымъ сродникамъ велѣла быть готовымъ,
Еще къ нещастьямъ новымъ,
Предвозвѣщая имъ на будущіе дни
Бѣды и страшны муки,
Пока ее они
Не приведутъ къ ней въ руки.

Но Царь и вся родня
Любили Душеньку безъ мѣры,
Безъ ней пріятнаго не проводили дня:
Моглиль предать ее на мщеніе Венеры?
И всѣ въ единый гласъ
Богинѣ на отказъ

Возопіяли смѣло,
Что то несбыточное дѣло.
Иные подняли на смѣхъ ея олтарь,
Другіе стали горько плакать;
Другіежъ, не дослушавъ, такать,
Когда лишь слово скажетъ Царь.
Иные Душенькѣ въ утѣху говорили,
Что толь особая вина
Для ней похвальна и славна,
Когда во стыдъ богинь ее боготворили;
И что Венеры къ ней и ненависть и месть
Ея умножатъ честь.
Царевнѣжъ тѣ слова хотя и лестны были,
Но были бы милѣй,
Когда бы ихъ сказалъ какой любовникъ ей.
Отъ гордости она скрывала
Печаль свою при всѣхъ глазахъ,
Но тайнѣ часто унывала,
Себя нещастной называла
И часто, въ горестныхъ слезахъ,
Къ Амуру вопіяла:

„Амуръ, Амуръ! веселій богъ!
„За что ко мнѣ суровъ и строгъ?
„Давно ли всѣ меня искали?
„Давно ли всѣ меня ласкали?
„Въ побѣдахъ я вела часы,
„Могла плѣнять, любить по волѣ;
„За что теперь въ нещастной долѣ?
„Къ чему полезны мнѣ красы?
„Бѣднѣйшая въ поляхъ пастушка
„Себѣ имѣетъ пастуха:
„Одна лишь я ни съ кѣмъ не дружка,
„Не бывъ дурна, не бывъ лиха!
„Одной ли мнѣ любить зазорно?

,,Но естьли щастье толь упорно,
,,И такъ судили Небеса,
,,То лучше мнѣ идти въ лѣса
,,Оставить всѣхъ людей отнынѣ,
,,И кончить слезну жизнь въ пустынѣ!"
Межь тѣмъ какъ Душенька, тая свою печаль
Отъ всѣхъ своихъ родныхъ, уйти сбиралась вдаль,
Они ея бѣдой не менѣе крушились,
И сами ей вездѣ искали жениховъ;
Но всюду женихи страшились
Гнѣвить Венеру и боговъ,
Которы видимо противу согласились.
Никто на Душенькѣ жениться не хотѣлъ,
Или никто не смѣлъ.
Впослѣдокъ сродники совѣтовавъ рѣшились,
Спросить Оракула о будущихъ судьбахъ.
Оракулъ далъ отвѣтъ въ порядочныхъ стихахъ,
И къ нимъ жрецы-пророки
Прибавили еще свои для толку строки;
Но тѣмъ отвѣтъ сей былъ не менѣ безтолковъ,
И слово въ слово былъ таковъ:
,,Супругъ для Душеньки, назначенный Судьбами,
,,Есть то чудовище, которо всѣхъ язвитъ,
,,Смущаетъ области и часто ихъ крушитъ,
,,И часто рветъ сердца, питаяся слезами,
,,И страшныхъ стрѣлъ колчанъ имѣетъ на плечахъ:
,,Стрѣляетъ, ранитъ, жжетъ, оковы налагаетъ,
,,Коль хочетъ, на земли, коль хочетъ, въ небесахъ,

„И самый Стиксъ ему путей не преграждаетъ.
„Судьбы и боги всѣ, опредѣляя такъ,
„Сыскать его даютъ особо вѣрной знакъ:
„Царевну пусть везутъ на самую вершину
„Невѣдомой горы, за тридесять земель,
„Куда еще никто не хаживалъ досель,
„И тамъ ее одну оставятъ на судьбину,
„На радость и на скорбь, на жизнь и на кончину."

Такой отвѣтъ весь дворъ въ боязнь и скорбь привелъ,
Во всѣхъ сомнѣніе и ужасъ произвелъ.
О праведные боги!
Возможноль, чтобы вы толико были строги?
И есть ли въ томъ какая стать,
Чтобъ Душеньку навѣкъ чудовищу отдать,
Къ которому никто не вѣдаетъ дороги?
Родные тако всѣ гласили во слезахъ;
И кои знали всяки сказки,
Представили себѣ чудовищь злыхъ привязки,
И лютой смерти страхъ,
Иль въ лапахъ, иль въ зубахъ,
Гдѣ жить ей будетъ тѣсно.
Отъ нянекъ было имъ давно не безъизвѣстно
О существѣ такихъ и змѣевъ и духовъ,
Которы широко гортани раззѣваютъ,
И что притомъ у нихъ видаютъ
И семь головъ, и семь роговъ,
И семь, иль болѣе хвостовъ.
Отъ страховъ таковыхъ родные возмущались;
Потомъ, безъ дальныхъ словъ,
Завыли множествомъ различныхъ голосовъ;
Царевну проводить до мѣста обѣщались,
И съ нею навсегда заранѣе прощались.

Не знали только, гдѣ была бы та гора,
Къ которой Душеньку отправить надлежало;
Оракулъ не сказалъ, или сказалъ, да мало,
Въ которой сторонѣ? далечель отъ двора?
Въ какую тамъ явиться пору,
И какъ зовутъ такую гору?
Синай или Ливанъ, иль Тавръ или Кавказъ?
И кои въ Душенькѣ высокой разумъ чтили,
Догадываясь мнили,
Что должно ѣхать ей конечно на Парнассъ.
Они наслышались, что нѣкоторы Музы
Имѣли съ ней союзы;
Что Душенька отъ нихъ училась пѣсни пѣть,
И таинства красотъ Парнасскихъ разумѣть;
Но тѣ, которые Исторію читали,
Противу предлагали,
Что Музы изстари проводятъ въ дѣвствѣ вѣкъ,
И никакой туда не ходитъ человѣкъ,
Что тамъ не льзя найти ей мужа,
Къ томужъ отъ Сѣвера бываетъ часто стужа,
И у Кастальскихъ водъ,
Хоть тамъ дороги святы,
Не рѣдко замерзалъ народъ.
Иные, изобравъ жарчайшіе климаты,
Хотѣли Душеньку во Африку везти,
Гдѣ вѣдали, что есть чудовищи въ чести;
Притомъ, послѣдуя Оракулову гласу,
Хотѣли именно везти ее къ Атласу,
Узнавъ, что та гора, касаяся небесъ,
Издревле множествомъ прославилась чудесъ;
И мнили, что, по сей примѣтѣ,
Оракулъ точно такъ сказалъ въ своемъ отвѣтѣ.

Тогда смѣлѣйшїе изъ плачущей родни
Представили, храня ея цвѣтущи дни,
Что Душеньку легко тамъ могутъ змѣи скушать,
Что въ томъ Оракула никакъ не должно слушать;
И громогласно всѣ, безъ дальнаго суда,
Воскликнули тогда,
Что участь Душеньки Оракулъ самъ не вѣдитъ,
И что Оракулъ бредитъ.

Въ Совѣтѣ наконецъ
Родня Царевнина, и паче Царь отецъ,
За лучше ставили, боговъ противясь власти,
Терпѣть гоненія и всякія напасти,
Чемъ Душеньку везти
На жертву безъ пути.
Но Душенька сама была великодушна,
Сама Оракулу хотѣла быть послушна.
Иль можетъ быть и такъ, чтобъ мнѣ не обмануть,
Она, прискучивъ жить съ родными безъ супруга,
Искала наконецъ себѣ такого друга,
Ктобъ ни былъ, гдѣ нибудь;
И чтобъ роднымъ была видна ея услуга,
Въ рѣшительныхъ словахъ сама сказала имъ:
„Я васъ должна спасать нещастїемъ моимъ.
„Пускай свершается со мною вышня воля;
„И естьли я умру, моя такая доля.“
Межь тѣмъ какъ Душенька вѣщала такъ отцу,
И Царь и весь Совѣтъ пустились плакать снова,
И въ скорби не могли тогда промолвить слова,

Лишь токи слезъ у всѣхъ ручьились по лицу.
Но самую печаль, въ прегорестнѣйшемъ плачѣ,
Впервые зрѣлъ, кто зрѣть тогда Царицу
могъ:
Рвалась и морщилась она предъ всѣми паче,
И память потерявъ, валялась какъ безъ ногъ;
Иль въ горести, теряя мѣру,
Ругала всячески Венеру;
Иль крѣпко въ руки ухватя
Свое любезное дитя,
Кричала громко предъ народомъ,
И всемъ своимъ клялася родомъ,
Доколь она жива,
Не ставить ни во что Оракула слова;
И что ни для какого чуда
Не пуститъ дочери оттуда.
Хотяжъ кричала то во всю гортанну мочь,
Однако вопреки Амуръ, Судьбы, и боги,
Оракулъ, и жрецы, родня, отецъ и дочь,
Велѣли сухари готовить для дороги.

Во время оныхъ лѣтъ
Оракулъ въ Грецiи столь много почитался,
Что каждый исполнять слова его старался,
И самъ искалъ себѣ преднареченныхъ бѣдъ;
Дабы сбывалось то неложно,
Что только предсказать возможно.
Царевна оставляетъ градъ;
Въ дорогу сказанъ былъ нарядъ.
Куда? Отъ всѣхъ то было тайно.
Царевна наконецъ умомъ
Рѣшила неизвѣстность въ томъ,
Какъ всѣ дѣла своимъ судомъ
Она рѣшила обычайно,
Сказала всеи роднѣ своей,

Чтобъ только въ путь ее прилично снаря-
дили,
И въ колесницу посадили,
Пустя по волѣ лошадей,
Безъ кучера и безъ вождей;
,,Судьба, сказала, будешъ правитъ,
,,Судьба покажетъ вѣрный слѣдъ
,,Къ жилищу радостей, иль бѣдъ,
,,Гдѣ должно вамъ меня оставитъ."
По таковымъ ея словамъ,
Не долго были сборы тамъ.
Готова колесница,
Готова Царска дочь, и вмѣстѣ съ ней Ца-
рица,
Котора Душеньку, не могши удержать,
Желаетъ провожать.
Тронулись лошади, не ждавъ себѣ уряда:
Везутъ ее безъ поводовъ,
Везутъ съ двора, везутъ изъ града,
И наконецъ везутъ изъ крайнихъ городовъ.

Въ сей путь, короткій или дальный,
Устроенъ былъ Царемъ порядокъ погребаль-
ный.
Шестнадцать человѣкъ несли вокругъ свѣчи
При самомъ свѣтѣ дня, подобно какъ въ
ночи;
Шестнадцать человѣкъ, съ печальною музы-
кой,
Унывный пѣли стихъ въ протяжности ве-
ликой;
Шестнадцать человѣкъ, не много тѣхъ по-
задь,
Несли хрустальную кровать,
Въ которой Душенька любила почивать;

Шестнадцать человѣкъ, положивши на подушки,
Несли Царевнины тамбуры и коклюшки,
Которы клала тамъ сама Царица мать,
Дорожный туалетъ, гребенки и булавки,
И всякія къ тому потребныя прибавки.
Потомъ въ парадѣ шелъ жрецовъ усастыхъ полкъ,
Стихи Оракула неся передъ собою.
Тутъ всякъ изъ нихъ давалъ стихамъ различный толкъ,
И всякъ желалъ притомъ скорѣй дойти къ покою.
За ними шелъ сигклитъ и всякъ высокій чинъ;
Впослѣдокъ ѣхала печальна колесница,
Въ которой съ дочерью сидѣла мать Царица.
У ногъ ея стоялъ серебряный кувшинъ:
То былъ плачевный урнъ, какой старинны Греки
Давали въ даръ, когда прощались съ кѣмъ на вѣки.
Отецъ со ближними у колесницы шелъ,
Боговъ прося о всякомъ благѣ,
И предая Судьбамъ расправу царскихъ дѣлъ,
Свободно на пути вздыхалъ при каждомъ шагѣ.
Взирая на Царя, отъ всѣхъ сторонъ народъ
Толпился близко колесницы,
И каждый до своей границы
Съ Царевной шелъ въ походъ.
Иные хлипали, другіе громко выли,
Не вѣдая, куда везутъ и дочь и мать;
Другіе же по виду мнили,
Что Душеньку везутъ живую погребать.
Иные по пути сорили

Предъ нею вѣтви и цвѣты,
Другіе тутъ же гимны пѣли,
Прилично славя красоты,
Какія въ первый разъ узрѣли;

Другіежъ божествомъ
Царевну называли,
И возвратяся въ домъ,
За диво возвѣщали.
Вотще жрецы кричали,
Что та Царевнѣ честь
Прогнѣваетъ Венеру,
И слѣдуя манеру,
Толчкомъ, и какъ ни есть,
Хотѣли прочь отвесть
Народъ отъ сей напасти;
Но всѣ, противу власти,
Забывъ Венеры вредъ,
И всю возможность бѣдъ,
Толпами шли насильно
За Душенькою въ слѣдъ
Усердно и умильно.

Уже, чрезъ нѣсколько недѣль,
Проѣхали они за тридевять земель,
Но ни единаго пригорка не видали,
И кои болѣе устали,
Со всякой бранью возроптали,
Что шли куда, не знали.

Впослѣдокъ ѣдучи путемъ и вдоль и вкругъ,
Къ одной горѣ они лишь только подступили,
Тутъ сами лошади остановились вдругъ,
И далѣе не шли, сколь много ихъ ни били.
Тутъ всѣ Судебъ тогда признаки находили;
Признаки тѣ жрецы согласно подтвердили,

И всѣ сказали вдругъ, что должно точно
тамъ,
На высотѣ горы, Оракуловымъ словомъ,
Оставить Душеньку у неба подъ покровомъ.
Вручаютъ всѣ ее хранителямъ богамъ,
Ведутъ на высоту по камнямъ и пескамъ,
Гдѣ знака нѣтъ дороги,
Едва подъемля вверхъ свои усталы ноги,
Чрезъ камни, чрезъ бугры и чрезъ глубоки
рвы,
Гдѣ нѣтъ ни лѣсу, ни травы,
Гдѣ алчные рыкаютъ львы.
И хоть жрецы людей къ отвагѣ
Увѣщавали въ сихъ мѣстахъ;
Но всѣ, при каждомъ шагѣ,
Встрѣчали новый страхъ:
Ужасныя пещеры,
И къ верху крутизны,
И къ безднѣ глубины,
Безъ вида и безъ мѣры.
Инымъ являлись тамъ Мегеры,
Инымъ летучи Дромадеры,
Инымъ Драконы и Церберы,
Которы ревами, на разные манеры,
Глушили слухъ,
Мутили духъ.
Таковъ былъ путь, куда Царевна торопилась,
Куда вся свита въ слѣдъ за ней кряхтя тол-
пилась.
Осталась позади одна Царица мать,
Не могши далѣе полугоры шагать,
И съ Душенькой навѣкъ, поплакавъ тамъ,
простилась.
При трудностяхъ тогда Царевнина кровать
Въ рукахъ несущихъ сокрушилась,

И многie отъ страха тушъ,
Имѣя многой трудъ,
Не мало шапокъ пороняли,
Которы на подхвашъ Драконы пожирали.
Иные по кустамъ одежды изодрали,
И нагоша имѣя видъ,
Едва могли прикрыть отъ глазъ стороннихъ стыдъ.
Осталось наконецъ лишь нѣсколько булавокъ,
И нѣсколько стиховъ Оракула для справокъ.
Но можноль описать перомъ
Царя тогда съ его дворомъ,
Когда на верхъ горы съ Царевной всѣ явились?
Читатель самъ себѣ представитъ то умомъ.
Я только лишь скажу, что съ нею всѣ простились;
И напослѣдокъ Царь, согнутый скорбью въ крюкъ,
Насильно вырванъ былъ у дочери изъ рукъ.
Тогда и дневное свѣтило,
Смотря на горесть сихъ разлукъ,
Казалось, будто сократило
Обыкновенный въ мірѣ кругъ,
И въ воды спрятаться спѣшило.
Тогда и ночь,
Одну увидѣвъ Царску дочь,
Покрылась чернымъ покрываломъ,
И томнѣйшимъ лучемъ едва свѣтящихъ звѣздъ,
Открыла въ мрачности весь ужасъ оныхъ мѣстъ.
Тогда и Царь скорѣй предпринялъ свой отъѣздъ,
Не вѣдая конца за толь слѣпымъ началомъ.

ДУШЕНЬКА,

ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Но гдѣ возьму черты
Представить страхъ, какой являла вся Природа,
Увидѣвъ Душеньку въ пространствѣ темноты,
Оставшу безъ отца, безъ матери, безъ рода,
И, словомъ, вовсе безъ людей,
Между Драконовъ и звѣрей?
Тутъ все, что Царска дочь отъ нянюшекъ слыхала,
И что въ чудеснѣйшихъ исторіяхъ читала,
Представилось ея смущенному уму.
Страшилища Духовъ, волшебные призраки,
Различныхъ тамъ смертей являли ей признаки,
И мрачной ночи сей усугубляли тьму.
Но Душенька едва уста свои открыла
Промолвить жалобу, не высказавъ кому,
Какъ вдругъ чудесна сила,
На крылѣхъ вѣтренныхъ взнесла ее надъ міръ.
Невидимый Зефиръ,
Ея во оный часъ щастливый похититель,

И спутникъ и хранитель,
Неслыханну дотоль увидѣвъ красоту,
Запомнилъ Душеньку увѣдомить сначала,
Что къ ней щедротна власть тогда повелѣвала
Ее съ почтеніемъ восхитить въ высоту;
И мысли устремивъ къ особенному диву,
Взвѣвалъ лишь только ей покровы на лету.
Увидяжъ Душеньку отъ страха еле живу,
Оставилъ свой восторгъ и страхъ ея пресѣкъ,
Сказавъ ей съ тихостью, приличною Зефиру,
Что онъ несетъ ее къ блаженнѣйшему міру,
Къ супругу, коего Оракулъ ей прорекъ;
Что сей супругъ давно вздыхаетъ безъ супруги;
Что къ ней полки Духовъ
Назначены въ услуги,
И что онъ самъ упасть къ ногамъ ея готовъ,
И множество къ тому прибавилъ лестныхъ словъ.
Амуры, кои тутъ Царевну окружали,
И устъ улыбками и радостьми очесъ,
Отвсюду тѣ слова согласно подтверждали;
Не въ долгомъ времени Зефиръ ее вознесъ
Къ незнаемому ей селенію небесъ,
Поставилъ средь двора, и вдругъ оттоль исчезъ.
Какая Душенькѣ явилась тма чудесъ!
Сквозь рощу миртовыхъ и пальмовыхъ древесъ
Великолѣпные представились чертоги,
Блестящіе среди безчисленныхъ огней,
И всюду розами усыпанны дороги;

Но розы блѣдный видъ являютъ передъ ней,
И съ нѣкимъ чувствіемъ ея лобзаютъ ноги.
Порфирныя врата, съ лица и со сторонъ,
Сафирные столпы, изъ яхонта балконъ,
Златые куполы, и стѣны изумрудны,
Простому смертному должны казаться чудны:
Единымъ лишь богамъ сіи дѣла не трудны.
Таковъ открылся путь, читатель, примѣчай,
Для Душеньки, когда изъ мрачнѣйшей пустыни
Она, во образѣ летящей вверьхъ богини,
Нечаянно взнеслась въ прекрасный нѣкій рай.
Въ надеждѣ на боговъ, бодряся ихъ признакомъ,
Едва она ступила разъ,
Бѣгутъ на встрѣчу къ ней тотчасъ
Изъ дому сорокъ Нимфъ въ нарядѣ одинакомъ;
Онѣ старалися приходъ ея стеречь;
И старшая изъ нихъ, съ пренизкимъ ей поклономъ,
Отъ имени подругъ, почтительнѣйшимъ тономъ
Сказала должную привѣтственную рѣчь.
Лѣсные жители, своимъ огромнымъ хоромъ,
Потомъ пропѣли раза два,
Какія слышали похвальны ей слова,
И къ ней служить летятъ Амуры всемъ соборомъ.
Царевна ласково, на каждую ей честь,
Отвѣтствовала всѣмъ то знакомъ, то словами.
Зефиры, въ тѣснотѣ толкаясь головами,
Хотѣли въ домъ ее привесть или принесть;
Но Душенька имъ тутъ велѣла быть въ покоѣ,
И къ дому шла сама, среди различныхъ слугъ,
И Смѣховъ и Утѣхъ, летающихъ вокругъ.

Читатель такъ видалъ стремливость въ пчельномъ роѣ,
Когда юничный родъ, оставя старыхъ пчелъ,
Кружится, рѣзвится, журчитъ и вдаль летаетъ,
Но за Царицею, котору почитаетъ,
Смиряяся, летитъ на новый свой удѣлъ.

Царевна посреди сихъ почестей отмѣнныхъ,
Не знала, Духъ ли былъ, иль просто человѣкъ,
Обѣщанный супругъ, властитель мѣстъ блаженныхъ,
Котораго предъ симъ Зефиръ, въ словахъ смятенныхъ,
Отчасти предвѣстилъ, но прямо не нарекъ.
Вступая въ домъ, она супруга зрѣть желала,
И много разъ о немъ служащихъ вопрошала;
Но вся сія толпа, котора съ нею шла,
Или вокругъ летала,
Увѣдомить ее подробнѣй не могла,
И Душенька о томъ въ незнаніи была.
Межъ тѣмъ прошла она крыльцовыя ступени,
И введена была въ пространнѣйшія сѣни,
Отколь во всѣ края, сквозь множество дверей,
Открылся передъ ней
Прекрасный видъ алей,
И рощей и полей;
И болѣе потомъ, высокіе балконы
Открыли царство тамъ и Флоры и Помоны,
Каскады и пруды
И чудные сады.
Оттуда сорокъ Нимфъ вели ее въ чертоги,
Какіе созидать удобны только боги,
И тамо Душеньку, къ прохладѣ отъ дороги,

Въ готовую для ней купальню привели.
Амуры ей росы чистѣйшей принесли,
Котору, вмѣсто водъ, повсюду собирали.
Зефиры воздухъ тамъ дыханьемъ согрѣвали,
Изъ разныхъ ароматъ вздували пузыри,
И благовонныя устроивали мыла,
Какими моются Восточные Цари,
И коихъ вѣдома бодрительная сила.
Царевна въ оный часъ, хотя и со стыдомъ,
Со споромъ и трудомъ,
Какъ водится притомъ,
Взирая на обновы,
Какія были тамъ на выборъ ей готовы,
Дозволила сложить съ красотъ своихъ покровы.
Полки различныхъ слугъ, предъ тѣмъ отдавъ поклонъ,
Безъ вздоховъ не могли оттуда выйти вонъ,
И даже за дверьми, не бывъ тогда въ услугѣ,
Охотно слѣдъ ея лобзали на досугѣ.
Зефиры лишь одни, имѣя входъ вездѣ,
Зефиры хищные, за тѣмъ что ростомъ мѣлки,
У оконъ и дверей нашли малѣйши щелки,
Прокрались между Нимфъ и спрятались въ водѣ,
Гдѣ Душенька купалась.
Она предъ ними тамъ во всей красѣ являлась,
Иль паче, имъ касалась;
Но Душенька о томъ никакъ не догадалась.

Зефиры! коихъ я прещастливыми чту,
Вы, кои видѣли Царевны красоту;
Зефиры! вы меня какъ должно научите
Сказать читателямъ, иль сами вы скажите
И части, и черты,

И всѣ пріятности Царевнины подробно,
Которыхъ мнѣ перомъ представить не удобно;
Вы видѣли тогда не сонъ и не мечты. . . .
Но здѣсь молчите вы . . . молчанье разумѣю.
Къ изображенію божественныхъ даровъ
Потребенъ вамъ и мнѣ особый даръ боговъ;
Я здѣсь красотъ ея описывать не смѣю.

Царевна, вышедши изъ бани наконецъ,
Со удовольствіемъ раскидывала взгляды
На выбранны для ней и платья и наряды,
И нѣкакой вѣнецъ.
Ее одѣли тамъ, какъ Царскую особу,
Въ богатѣйшую робу.
Не трудно разумѣть, что для ея услугъ
Горстями сыпались каменья и жемчугъ,
И всяки рѣдкости невидимая сила,
По слову Душеньки, мгновенно приносила;
Иль Душенька тогда лишь только что помнила,
Желаемая вещь предъ ней являлась вдругъ,
Плѣняяся своимъ прекраснѣйшимъ нарядомъ;
Желаетъ ли она смотрѣться въ зеркала?
Онѣ раждаются ея единымъ взглядомъ,
И по стѣнамъ предъ ней стоятъ великимъ рядомъ,
Дабы краса ея удвоена была.
Увидѣвъ тамъ себя, лицомъ, плечомъ и задомъ,
Отъ головы до ногъ,
Легко могла судить Царевна на досугѣ
О будущемъ супругѣ,
Что онъ, какъ видно, былъ гораздо не убогъ,
Межъ тѣмъ къ ея услугѣ
Въ особой комнатѣ явился столъ готовъ.

Приборы для стола и ѣствы и напитки
И сласти всѣхъ родовъ,
Являли тамъ вещей довольство и избытки;
Не менѣе и то, что только для боговъ,
Въ роскошнѣйшемъ жилищѣ,
Могло служить къ ихъ пищѣ,
Стояло передъ ней во множествѣ рядовъ.
Иной вкусивъ, она печали забывала,
Другая ей красотъ и силы придавала.
Амуры, бѣгая усердіе явить,
Хозяйски должности старались раздѣлить.
Иной во кравчихъ былъ, другой носилъ посуду,
Иной уставливалъ, и всякъ совался всюду;
И тотъ считалъ себѣ за превысоку честь,
Кому изъ рукъ своихъ домова ихъ богиня
Полрюмки нектару изволила поднесть,
И многіе предъ ней стояли ротъ разиня:
Хотя Амуры въ томъ,
По правдѣ, жадными отнюдь не почитались
И болѣ нежели виномъ,
Царевны зрѣніемъ въ то время услаждались.
Межъ тѣмъ надъ ней съ верьховъ,
Въ чертогахъ безпечальныхъ,
Раздался сладкій звукъ орудій музыкальныхъ,
И пѣсенъ ей похвальныхъ,
Какія могъ творить лишь только богъ стиховъ.

Въ началѣ райскія пѣвицы
Воспѣли красоту сей новой ихъ Царицы.
Читатель знаетъ самъ, пріятналь ей была
Такая похвала;
Но впрочемъ Душенька рѣшить не возмогла,
Пріятствоволь голосовъ, достоинствоволь скрипицы,

Согласіе ли арфъ, иль флейту предпочесть.
Въ искуствѣ всѣ они имѣли равну честь,
И всѣ исполнены единымъ были духомъ,
 Чтобъ Душенька въ раю
 Познала часть свою,
Прикосновеніемъ, устами, окомъ, слухомъ.
Колъ можно почитать за правду всѣ слова,
 У Грековъ есть молва,
Что будто бы къ сему торжественному хору
Нарочно сысканы Орфей и Амфіонъ,
И будто, въ Душеньку влюбяся по разбору,
Игралъ и правилъ тамъ оркестромъ Аполлонъ.

 Впослѣдокъ хоръ пѣвицъ, протяжистымъ манеромъ,
 Съ приличнымъ нѣкакимъ размѣромъ,
 Воспѣлъ стихи, возвысивъ тонъ,
Толико медленно, толико слуху внятно,
И ихъ сложеніе плѣняло толь пріятно,
Что Душенька легко слова переняла,
 Легко упомнить ихъ могла,
 И скоро затвердила,
И по всему двору впослѣдокъ распустила.
Потомъ нескромные Зефиры разнесли
Стихи сіи оттоль по всѣмъ концамъ земли;
Потомъ же таковы и къ намъ они дошли:
 „Любови всѣ сердца причастны,
 „И сами боги ей подвластны.
 „Познай ты, Душенька, любовь,
 „И щастіе познаешь вновь.“

 Трикратно пѣсня та предъ Душенькой пропѣта,
И пѣли наконецъ Царевнѣ многа лѣта.
Потомъ одна изъ Нимфъ явилась доложить,

Что время ей уже въ постелѣ опочить.
При словѣ опочить Царевна покраснѣла,
И какъ невѣста оробѣла,
Однако спорить не хотѣла.
Раздѣта Душенька; ведутъ ее въ чертогъ,
И тамъ, какъ надобно, къ покою отъ дорогъ,
Кладутъ ее въ постель на нѣкоемъ престолѣ,
И поклонившись ей, уходятъ всѣ оттолѣ.
Незнаемо отколь тогда явился вдругъ
Въ невидимомъ лицѣ невѣдомый супругъ.
А естьли спросятъ, какъ невидимый явился?
Не трудно отвѣчать: явился онъ въ потьмахъ,
И былъ въ объятіяхъ, но не былъ онъ въ очахъ;
Какъ Духъ, или колдунъ, онъ былъ, но не открылся.

Никто не смѣлъ разкрыть завѣсу дѣлъ ночныхъ.
Не знаю, что они другъ съ другомъ говорили
Ни околичностей, притомъ какія были;
На вѣки тайна та осталась между ихъ.
Но только поутру примѣтили Амуры,
Что Нимфы межъ собой смѣялись подъ тишкомъ,
И гостья, будучи стыдлива отъ Натуры,
Казалась между ихъ съ завѣшеннымъ ушкомъ.

Супружество могло Царевнѣ быть пріятно,
Лишь только таинство казалось непонятно:
Супругъ у Душеньки, сказать, и былъ и нѣтъ;
Пріѣхалъ ночью къ ней, уѣхалъ до разсвѣта,
Безъ имени, безъ лѣтъ,

Безъ росту, безъ примѣтъ,
И вмѣсто должнаго отвѣта,
Скрывая, кто онъ былъ, на Душенькинъ вопросъ,
Просилъ, увѣщавалъ, для нѣкакихъ ей грозъ,
Чтобъ видѣть до поры супруга не желала;
И Душенька не знала,
Съ какимъ чудовищемъ, иль богомъ ночевала,
Не слыханъ былъ подобный бракъ.
Царевна, думая и такъ о томъ и сякъ,
Развязку тайны сей въ Оракулѣ искала;
Оракулъ ей давно супруга описалъ
Страшилищемъ ужаснымъ:
Супругъ съ Оракуломъ казался быть согласнымъ,
Какъ будто онъ себя за тѣмъ и не казалъ.
Хотя же Душенька противно бъ разумѣла,
Касавшись до супружня тѣла,
Хотя бъ казалось ей
Изъ всѣхъ его рѣчей,
Что будто не былъ онъ страшилищ очей:
Но такъ Оракулъ рекъ, и такъ вѣщали боги,
Что сей супругъ ея наноситъ всюду страхъ.
И ежели то такъ, что онъ имѣетъ роги,
Или звѣрины ноги,
Иль когти на рукахъ,
Иль гнусную фигуру,
Такъ лучше Душенькѣ урода такова,
Которой всю страшитъ Натуру,
Не видѣть и не знать, пока она жива.
Межъ тѣмъ какъ Душенька въ постелѣ,
Не знала какъ рѣшить о дѣлѣ,
Заря гнала ночную тѣнь,
И свѣтлый видъ воспринялъ день;
Но свѣтъ тогда не могъ забавить

Смущенную Цареву дочь,
Которая минувшу ночь
Въ забвеньи не могла оставить.
Тогда услужный сонъ, не дожидаясь ночи,
Поутру вновь сомкнулъ ея прекрасны очи.
Потомъ, летаючи вокругъ ея лица,
Явилъ супруга ей со всею красотою
Со стройствомъ, нѣжностью, дородствомъ, бѣлизною,
Съ румянцемъ краше багреца:
Явилъ подобіе младаго Аполлона,
Иль можно такъ сказать, прекрасна Купидона,
Въ восьмнадцать лѣтъ, иль такъ почти,
Что былъ онъ близко двадцати,
И былъ во всей красѣ и славѣ.
Царевна въ ономъ снѣ, обманута мечтой,
Супруга чаетъ видѣть въявѣ,
Хватаетъ тѣнь, кричитъ: постой!
Призракъ въ восторгъ ее приводитъ,
Но сей призракъ отъ ней уходитъ,
Какъ будтобъ удалялся онъ.
Она зоветъ, бѣжитъ и бѣглеца хватаетъ.
Сіе движеніе впослѣдокъ прерываетъ
Ея невѣрный сонъ;
И Душенька въ рукахъ проснувшись ощущаетъ,
На мѣсто бѣглеца, свой спальный балахонъ.

Извѣстно, что тогда супругъ, сокрывшись тамо,
Желалъ подслушивать ея любовный бредъ,
Но рокъ свиданію противился упрямо;
Царевна видѣла супружній только слѣдъ,
И только было то примѣтить ей возможно,
Что онъ гостилъ у ней неложно;

Что онъ въ отсутствіи оставилъ ей любовь,
И что любовью сей она тогда згарала.
,,Но кто таковъ былъ онъ? но кто?" твердила вновь,
И вновь тогда заснуть желала:
И сонъ опять, кружась надъ нею съ тишиною,
Спокоилъ мысль ея пріятною мечтою
Въ другой, какъ въ первой разъ.
Не знаю, долго ли мечта сія продлилась,
Но Душенька отъ сна не прежде пробудилась,
Какъ полдень ужъ прошелъ, и послѣ полдня часъ.

Тогда служащія дѣвицы, всемъ соборомъ,
Царевну вновь одѣть пришли
И сорокъ платьевъ принесли,
Со всемъ къ тому приборомъ.
Въ сей день она себѣ назначила нарядъ,
Который былъ простѣе;
За тѣмъ, что Душенька спѣшила поскорѣе
Увидѣть рѣдкости чудесныхъ сихъ палатъ.
Я, въ томъ послѣдуя Царевнину уставу,
Сей домъ представить поспѣшу,
И все подробно опишу,
Что только лишь могло ей тамъ принесть забаву.
Въ началѣ Душенька по комнатамъ пошла,
И тамо бѣгая, нигдѣ не пробѣжала
Покоя, ни угла,
Въ которомъ бы она на часъ не побывала;
Оттуда въ бельведеръ, оттуда на балконъ,
Оттуда на крыльцо, оттуда внизъ и вонъ,
Чтобъ видѣть домъ со всѣхъ сторонъ.

Толпа дѣвицъ за ней бѣжать не успѣвала,
Зефиры лишь одни ей слѣдовать могли,
И Душеньку вездѣ, какъ должно, берегли,
Чтобъ какъ ни есть она бѣжавши не упала.
Она смотрѣла раза три
Сей домъ снаружи и внутри.
Межь тѣмъ Зефиры и Амуры
Казали ей архитектуры
И всяки рѣдкости натуры,
Которы Душенька, оглядывая вкругъ,
Желала видѣть вдругъ,
И что смотрѣть, не знала;
Одна передъ другой со споромъ взоръ плѣняла,
И Душенькабъ еще пошла по всѣмъ мѣстамъ,
Когдабъ отъ бѣгу тамъ
Впослѣдокъ не устала.

Во отдыхѣжъ она, отъ сихъ тогда трудовъ,
Смотрѣла статуи славнѣйшихъ мастеровъ:
То были образцы красавицъ безподобныхъ,
Которыхъ имена, и въ прозѣ, и въ стихахъ,
Въ различныхъ повѣстяхъ, и краткихъ и подробныхъ,
Безмертно царствуютъ въ народахъ и вѣкахъ.
Калисто, Дафнія, Армида, Ніобея,
Елена, Граціи, Ангелика, Хринея,
И множество другихъ богинь и смертныхъ женъ,
Очамъ являясь живо,
Во всей красѣ на диво,
Стояли тамъ у стѣнъ.
Но посрединѣ ихъ въ началѣ,

На нѣкомъ вышшемъ пьедесталѣ
Самой Царевны ликъ стоялъ,
И болѣ красотой другіе превышалъ.
Смотря на образъ свой, она сама дивилась,
И внѣ себя остановилась!
Другая статуя казалась въ ней тогда,
Какой во вѣки свѣтъ не видѣлъ никогда.

Конечно Душенька и долѣбъ такъ осталась
Смотрѣть на образъ сей,
Которымъ обольщалась;
Но слуги, бывшіе при ней,
Въ другихъ мѣстахъ казали ей,
Для новой глазъ ея забавы,
Другіе образы красотъ ея и славы:
До пояса, до ногъ, въ весь ростъ, до самыхъ пятъ,
Изъ злата, изъ сребра, изъ бронзы, иль изъ стали,
И головы ея, и бюсты, и медали;
А инаѣ мозаикъ, иль мраморъ, иль агатъ,
Въ сихъ видахъ новую безцѣнность представляли.

Въ другихъ мѣстахъ Апеллъ, иль живописи богъ,
Который кисть его водилъ своей рукою,
Представилъ Душеньку со всею красотою,
Какой дотолѣ умъ вообразить не могъ.
Желаетъ ли она узрѣть себя въ картинахъ?
Въ иной Фауны къ ней несутъ Помонинъ рогъ,
И вяжутъ ей вѣнки, и рвутъ цвѣты въ долинахъ,

И пѣсни ей дудятъ, и скачутъ въ круговинахъ;
Въ другой она, съ щитомъ престрашнымъ на груди,
Палладой нарядясь, грозитъ на лошади,
И, болѣ чемъ копьемъ, своимъ прекраснымъ взоромъ
Разитъ сердца пріятнымъ моромъ.
А тамъ предъ ней Сатурнъ, безъ зубъ, плѣшивъ и сѣдъ,
Съ обновою морщинъ на старолѣтней рожѣ,
Старается забыть, что онъ давнишній дѣдъ,
Прямитъ свой дряхлый станъ, желаетъ быть моложе,
Кудритъ оставшіе волосъ своихъ клочки,
И видѣть Душеньку вздѣваетъ онъ очки;
А тамъ она видна, подобяся Царицѣ,
Съ Амурами вокругъ, въ воздушной колесницѣ,
Прекрасной Душеньки за честь и красоту,
Амуры тамъ сердца стрѣляютъ на лету:
Летятъ великою толпою,
И всѣ они несутъ колчаны за плечьми,
И всѣ, прекрасными гордясь ея очми,
Летятъ, поднявши лукъ, на цѣлый свѣтъ войною.
А тамъ свирѣпый Марсъ, рушитель мирныхъ правъ,
Увидѣвъ Душеньку, являетъ тихой нравъ:
Полей не обагряетъ кровью,
И наконецъ, забывъ военный свой уставъ,
Смягченъ у ногъ ея, пылаетъ къ ней любовью.
А тамъ является она среди Утѣхъ,
Которы ей вездѣ предходятъ,
И вымыслами игръ повсюду производятъ
Въ лицѣ ея пріятный смѣхъ.

А индѣ Граціи Царевну окружаютъ.
Ея различными цвѣтами украшаютъ,
И тихо вкругъ ея летающій Зефиръ
Рисуетъ образъ сей, чтобъ имъ украсить
міръ;
Но въ ревности отъ взглядовъ воль-
ныхъ,
Умѣривая умъ любителей свободъ,
Иль будто бы странясь отъ критикъ зло-
крамольныхъ,
Скрываетъ въ спискѣ онъ большую часть
красотъ;
И многія изъ нихъ, конечно чудесами,
Предъ Душенькою вдругъ тогда писались сами.
Вездѣ въ чертогахъ тамъ
Царевнинымъ очамъ
Торжественны ей въ честь встрѣчалися пред-
меты:
Вездѣ ея портреты
Являлись по стѣнамъ,
Въ простыхъ уборахъ и нарядныхъ,
И въ разныхъ платьяхъ маскарадныхъ.
Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хо-
роша:
По образуль какой Царицы ты одѣта,
Пастушкою ли гдѣ сидишь у шалаша,
Во всѣхъ ты чудо свѣта;
Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ,
И только ты одна прекраснѣе портрета.
Потомство вѣдаетъ, что сей чудесный домъ,
Гдѣ жители тебя усердно обожали,
Сей храмъ твоихъ красотъ Амуры соружали,
Амуры украшали,
Амуры образъ твой повсюду тамъ казали,
Амуры наконецъ

Примыслили къ лицу, на всякой образецъ,
Различные уборы,
Могущіе привлечь твои прелестны взоры.
Угоденъ ли какой нарядъ
И надобныль тебѣ обновы?
Увидишь, что они готовы,
Что твой уже примѣченъ взглядъ,
И изъ твоей воздушной свиты
Зефиръ пришелъ тебѣ донесть,
Что всѣ обновы были сшиты:
Когда прикажешь ихъ принесть?

Желалъ бы описать подробно
Другія рѣдкости чудесныхъ сихъ палатъ,
Гдѣ все плѣняло взглядъ
И было безподобно;
Но всюду тамъ умомъ
Я Душеньку встрѣчаю,
Прельщаюсь и потомъ
Палаты забываю.
Не всякъ ли домъ, не всякъ ли край
Ея присутствіемъ преобращался въ рай?
Не ѥюль рай имѣлъ и бытность и начало?
И естьли я сказалъ о сихъ палатахъ мало;
Конечно въ томъ меня читатели простятъ;
Я долженъ слѣдовать за Душенькою въ садъ,
Куда она влечетъ и мысли всѣхъ и взглядъ.

Въ щастливыхъ сихъ мѣстахъ земля
была нагрѣта
Всегдашнимъ жаромъ лѣта,
И щедро въ круглый годъ
Произращала плодъ
Безъ всякихъ непогодъ.

Толпа къ Царевнѣ слугъ на встрѣчу прилетѣла,
И каждый тщился тамъ не быть при ней безъ дѣла:
Водить, разсказывать, иль просто забавлять.
Весь дворъ внималъ тому, что Душенька хотѣла
Побѣгать, погулять;
И въ рощахъ, иль въ садахъ, гдѣ только лишь являлась,
Ея пришествіемъ Натура обновлялась.
Древа склоняли къ ней листы,
Какъ будто бы тогда влеченіе познали,
И тихимъ шумомъ лишь другъ другу возвѣщали
Подъ тѣнію своей Царевны красоты;
И травы и цвѣты,
Раскидываясь вновь въ сей день, для нихъ пріятный,
Удвоили въ садахъ свой запахъ ароматный.
Но болѣ тамъ ясминъ предъ прочими блисталъ,
И гдѣ Царевна шла, на встрѣчу выросталъ.
Она ясминный духъ съ отмѣною любила,
И тѣ цвѣты себѣ въ букетъ употребила.
Щастливый сей букетъ, приколонный на грудь,
Какъ будто оживленъ, клонился къ ней прильнуть.
Приникли хоры птицъ, подслушавъ шумъ древесный,
И за Амурами стремились въ путь извѣстный,
Чтобъ Душеньку увидѣть вблизь:
Однѣ надъ нею вкругъ вились,

Другія передъ ней летали,
И много межь собой въ семъ дивѣ щебетали.
Не видно было тамъ ночныхъ зловѣщныхъ птицъ,
Ниже угрюмыхъ лицъ;
Не смѣли приставать сварливые Сатиры,
И вѣяли одни тишайшіе Зефиры.
Фонтаны силились подняться въ высоту,
Чтобъ лучше видѣть имъ Царевны красоту,
Которую толпа окружна заслоняла;
И естьли Душенька вблизи отъ нихъ гуляла,
Они стремились пасть съ высотъ къ ея ногамъ.
Въ водахъ плескаючись Наяды,
Нетерпѣливо ждали тамъ
Ея пришествія къ щастливымъ ихъ брегамъ.
Иныя взлѣзли на каскады,
Смотрѣть на путь ея, главы свои поднявъ,
И Душеньку узрѣвъ, бросались къ ней стремглавъ;
Въ семъ общемъ торжествѣ Натуры,
И самы каменны надъ токами фигуры,
Отъ удивленія вездѣ разинувъ ротъ,
Изъ внутренностей вдругъ пускали много водъ.
Сей видъ представилъ ей различныхъ тварей родъ
Въ изображеніяхъ неизчислимо многихъ:
Ползущихъ, скачущихъ, пернатыхъ, четвероногихъ;
И всѣ творенія и чуды Естества
Явилися тогда въ щастливой сей державѣ
Къ услугамъ Душеньки, или къ ея забавѣ,
Иль къ славѣ торжества.
Оттуда шла она въ покрытыя алеи,

Которыя вели въ густой и темной лѣсъ.
При входѣ тамъ, въ тѣни развѣсистыхъ древесъ,
Открылись новыя художныя затѣи.
Богини, боги, Феи,
Могучіе богатыри
И славные Цари,
Въ быляхъ и въ небылицахъ,
Являлись тамо въ лицахъ,
Со описаніемъ, откуда кто, каковъ;
И словомъ, то была исторія вѣковъ.
Притомъ услужные Амуры
Различны повѣсти старались разсказать;
И тамо Душенька, среди чудесъ Натуры,
Нашла въ явленіяхъ свой родъ, отца и мать;
И съ самой точностью, въ безлюдной сей пустынѣ,
Весь міръ являлся ей какъ будто на картинѣ.
Хотяжъ гулянье по лѣсамъ
Особо Душенька любила,
И послѣ каждой день ходила,
Со свитой и одна, къ тѣнистымъ симъ мѣстамъ:
Но въ сей начальный день не шла въ густыя рощи,
Иль ради наступившей нощи,
Или, не зря дороги въ лѣсъ,
Боялась всякихъ тамъ чудесъ,
Иль нѣжныя въ ходьбѣ ея устали ноги;
И Душенька оттоль пошла назадъ въ чертоги.
Не стану представлять
Читателю предъ очи
Пріятны сны ея въ послѣдовавши ночи;
Онъ самъ удобно ихъ возможетъ отгадать.
Но дни бывали тамъ причиною разлуки,
И дни, среди утѣхъ, свои имѣли скуки.

По слуху, говорятъ,
Что Душенька тогда пускалася въ нарядъ;
Особо же во дни, когда сбиралась въ садъ,
Со вкусомъ щеголихъ обновы надѣвала.
На свѣтѣ часто слухъ имѣетъ правды складъ:
Прилично было то, чтобъ Душенька гуляла,
И скуку иногда гульбою прогоняла.

Въ одинъ изъ оныхъ дней,
Прошедши въ лѣсъ далече,
Царевна тамъ на встрѣчѣ
Увидѣла ручей,
Который по дубровѣ,
Какъ будто бы на зовъ,
Предъ нею вытекъ вновѣ.
Но красота бреговъ,
При токѣ водъ хрустальныхъ,
Скрывалась въ рощахъ дальныхъ,
И обольщенный взоръ
Вела потомъ до горъ,
Откуда чисты токи,
Прервавъ земли упоръ,
Давали ей изъ норъ
Растительные соки.
Тогда открылся гротъ,
Устроенный у водъ
По новому манеру;
Онъ велъ потомъ въ пещеру,
Гдѣ солнечны лучи
Свѣтили лишь при входѣ,
И гдѣ журча ключи,
Подобно какъ въ ночи,
Во мрачнѣйшей свободѣ
Являли скрытый видъ,
Иль таинство въ Природѣ.

История гласитъ
И знаютъ то въ народѣ,
Что Душенька, вошедъ
Въ невѣдомый ей слѣдъ,
При темномъ дѣлъ началѣ,
Идти не смѣла далѣ.
Но чудомъ тамо вдругъ,
Безъ всякой дальней рѣчи,
Невидимо супругъ
Схватилъ ее подъ плечи,
И въ самой темнотѣ,
На нѣкой высотѣ,
Изъ дерновъ зеленистыхъ,
При токахъ водъ ручьистыхъ,
Съ собою посадилъ
И много говорилъ
И прозой, и стихами,
Какъ водится межь нами.
Не вѣдаетъ никто,
Въ какихъ словахъ на то
Царевна отвѣчала;
Извѣстно только намъ,
Что послѣ къ симъ мѣстамъ
Дорожку протоптала.
Съ тѣхъ поръ Царева дочь
Часы и въ день и въ ночь
Съ супругомъ провождала,
И болѣ всѣхъ охотъ
Любила темный гротъ.
Когда же застигалась
Ночною темнотой,
То вмѣстѣ возвращалась
Съ супругомъ въ свой покой.
Тогда воздушна колесница
Несла ихъ въ облакѣ густомъ

Подъ темнымъ нѣкакимъ шатромъ;
И каждый день сихъ мѣстъ Царица,
Спокоенная сладкимъ сномъ,
Пускалась въ прежній путь потомъ,
Изъ дома въ гротъ, изъ грота въ домъ.

Но разумъ требуетъ себѣ часовъ свободы,
Скучаетъ проводить въ любови цѣлый день.
Царевна, слѣдуя уставу въ томъ Природы,
Тогда изобрѣла потѣхъ различны роды,
Амуровъ съ Нимфами веселы хороводы,
И жмурки, и плетень,
Со всякими играми,
Какія и до днесь остались между нами.
Амуры наконецъ старались изобрѣсть,
По вкусу Душеньки, комедіи, балеты,
Концерты, оперы, забавны оперетты
И все, что острый умъ удобенъ произвесть
Въ щасливыхъ дняхъ и безмятежныхъ
Къ утѣхамъ чувствій нѣжныхъ.
Во Греціи Менандръ, во Франціи Мольеръ,
Кино, Детушъ, Реньяръ, Руссо и самъ Волтеръ,
Въ Россіи наконецъ подобный врагъ пороковъ,
Писатель нашихъ дней, почтенный Сумароковъ,
Театру Душеньки старались подражать,
И въ поздныхъ лишь вѣкахъ могли изображать
Различны дѣйствія Натуры,
Какія въ первый разъ явили памъ Амуры.
Но чтобы длилися веселья безъ помѣхъ,
Печальный всякой видъ смертей, скорбей, измѣны
Не вѣдомъ былъ въ раю, гдѣ царствовалъ лишь смѣхъ.

И гдѣ, среди утѣхъ,
Отставленъ былъ кинжалъ плачевной Мельпомены.
Царевна, съ возрастомъ познательнѣйшихъ лѣтъ,
Знакомый прежде ей любила видѣть свѣтъ
И часто, дѣтскія оставивши забавы,
Желала болѣ знать людскіе разны нравы,
И кто, и какъ живалъ, и съ пользой, или нѣтъ;
Сіи познанія о каждомъ человѣкѣ
Легко могла найти въ своей библіотекѣ.
Великая громада книгъ,
И малыхъ, и большихъ,
Ее отъ чтенія въ началѣ отвращала;
Но скоро Душенька узнала,
Что разумъ ко всему возможно пріучать,—
Узнала дѣльный смыслъ отъ шутокъ отличать,
Судить и примѣчать.
Въ исторіяхъ правдивыхъ
Довольное число нашла прибавокъ лживыхъ.
Въ писателяхъ системъ
Нашла, при всякой смѣси,
Довольно вздорной спѣси,
Хотъ часто ихъ предлогъ не кончился ничемъ.
Нечаянно же ей во оной книгъ громадѣ
Одну трагедію случилось развернуть:
Писатель тщился тамъ слезами всѣхъ тронуть,
И тамъ любовница, въ печальнѣйшемъ нарядѣ,
Не зная, что сказать, кричала часто: ахъ!
Но чѣмъ и какъ въ бѣдахъ
Ея вершился страхъ?

Она, сказавъ люблю, бѣжала изъ покоя,
И ахать одного оставила героя.

Царевна тамъ взяла читать еще стихи,
Но ихъ читаючи, какъ будто за грѣхи,
Узнала въ первый разъ уполненную скуку
И, бросивъ ихъ подъ столъ, притомъ ушибла руку.
Носился послѣ слухъ, что будто наконецъ
Нещастныхъ сихъ стиховъ творецъ,
Указомъ Аполлона,
На вѣки согнанъ съ Геликона;
И будто Душенька, боясь подобныхъ скукъ,
Иль ради сохраненья рукъ,
Стиховъ съ недѣлю не читала,
Хотя любила ихъ, и нѣкогда слагала.
Во время такова изгнанія стиховъ,
Когда не члися тамъ ни пѣсни къ ней, ни оды,
Желала посмотрѣть Царевна переводы
Извѣстнѣйшихъ творцовъ;
Но часто ихъ тогда она не разумѣла,
И для того велѣла
Исправнымъ слогомъ вновь Амурамъ перевесть,
Чтобъ можно было ихъ безъ тягости прочесть.
Зефиры наконецъ Царевнѣ приносили
Различные листки, которые на свѣтъ
Изъ самыхъ древнихъ лѣтъ
Между полезными продерзко выходили,
И кипами грозили
Тягчить усильно Геликонъ.
Царевна, знавъ, кому не вѣдомъ былъ законъ,

Листомарателей свободъ не нарушала;
Но ихъ твореній не читала.
Уже три года такъ Царевна провождала:
И долѣбъ такъ жила, когдабъ сей свѣтлый рай
Желаніямъ ея возмогъ содѣлать край;
Но любопытный умъ, при всякой въ жизни волѣ,
Не рѣдко слабостью бываетъ въ женскомъ полѣ.
Царевна, распознавъ
Супруга своего пріятный умъ и нравъ,
О немъ желала вѣдать болѣ:
Во всѣхъ свиданьяхъ съ нимъ, по днямъ и по ночамъ,
И въ облачномъ полетѣ,
Просила съ жалобой, чтобъ онъ ея очамъ
Явилъ себя при свѣтѣ.
Вотще супругъ всегда Царевну увѣрялъ,
Что онъ себя скрывалъ
Для слѣдствій самыхъ важныхъ;
Вотще ей знать давалъ,
Что онъ не могъ никакъ нарушить словъ присяжныхъ,
И Стиксомъ клялся въ томъ богамъ.
Царевна Стиксомъ насмѣхалась,
И часто удержать старалась
Супруга въ домѣ по утрамъ,
И часто, силяся безъ мѣры,
На свѣтъ тащила изъ пещеры;
Но онъ изъ рукъ ея тогда,
Какъ вѣтеръ, уходилъ невѣдомо куда.
Въ другія времена такіе нѣжны споры
Рождалибъ радости намѣсто дальной ссоры;
Но Душенькинъ супругъ тогда не рѣдко былъ

Задумчивъ и унылъ,
И часто повторялъ угрюмы разговоры,
Являя ей тщету и свѣта и похвалъ.
Впослѣдокъ Душеньку въ слезахъ увѣщавалъ,
Чтобы, храня завѣтъ среди утѣхъ любовныхъ,
Боялась въ томъ измѣнъ отъ самыхъ даже кровныхъ;
Что зависть ей бѣды возможетъ нанести,
И естьли судитъ такъ предѣлъ боговъ верховныхъ,
Ее отъ лютыхъ золъ не можетъ онъ спасти.
Вздохнувъ по Душенькѣ въ боязняхъ толь суровыхъ,
Супругъ едва тогда изъ дому отлетѣлъ,
Какъ нѣкакій Зефиръ, посыланный для дѣлъ,
Принесъ отвсюду къ ней пуки извѣстій новыхъ.
Она увѣдала, что двѣ ея сестры
Пришли искать ее у страшной той горы,
Откуда нѣкогда щастливѣйшимъ Зефиромъ
Она вознесена во области надъ міромъ;
Что тамо подъ горой изъ множества пещеръ
Стращаютъ ихъ Драконы,
И что онъ могъ принесть Царевнѣ отъ сестеръ
Вѣрнѣе всѣхъ вѣстей и письма, и поклоны.
Зефиръ, Зефиръ! когдабъ ты зналъ
Сихъ злобныхъ сестръ коварны лести,
Конечно бы тогда скрывалъ
Для Душеньки такія вѣсти!
Почто не встрѣтился какойлибъ скорый Духъ,
Кому бы вѣдомъ былъ о томъ подробный слухъ,

И кто бы, при такой отъ кровныхъ ей измѣнѣ,
Зефиру могъ сказать, чтобъ онъ болталъ поменѣ?
Но воля въ томъ была Небесъ,
Чтобы Зефиръ, безъ всякой встрѣчи,
По воздуху ловя на свѣтѣ всяки рѣчи,
Къ Царевнѣ съ вѣтромъ ихъ принесъ;
И такъ уставили злодѣющи ей боги,
Чтобъ сестръ она потомъ взяла къ себѣ въ чертоги.

Обыкши Душенька любить родную кровь
И должную хранить къ сестрамъ своимъ любовь,
Супружніе тогда забыла всѣ совѣты:
Зефиру тотъ же часъ, скорѣе какъ ни есть,
Сестеръ передъ себя велѣла въ рай привезть.
Не видяжъ никакой коварства ихъ примѣты,
Желала показать
Наряды, и парчи, и камни, и кровать,
И домъ, и всѣ пожитки,
И съ ними раздѣлить своихъ богатствъ избытки.
Богатство мало веселитъ,
Когда о томъ никто не знаетъ,
И радость только тотъ вкушаетъ,
Съ другими кто ее дѣлитъ.

Не въ долгомъ времени Царевны къ ней предстали
И обѣ Душеньку со щастьемъ поздравляли,
И за руку трясли, и крѣпко обнимали,
И радость изъявляли
Съ усмѣшкой на лицахъ.
Но зависть весь свой ядъ простерла въ ихъ сердцахъ,

Представя ихъ очамъ, какъ будто трехъ
Натуры,
Что младшая сестра за красоту свою
Живетъ, господствуя въ прекраснѣйшемъ раю,
И тамо служатъ ей Зефиры и Амуры.
Къ тому сказала имъ Царевна съ хвастов-
ствомъ,
Что тамъ живетъ она въ союзѣ съ боже-
ствомъ,
И что супругъ ея любезнѣй Аполлона,
Прекраснѣй Купидона;
Что онъ изъ смертныхъ всѣхъ красотъ
На выборъ взялъ ее въ супруги;
Что отдалъ ей во власть летучій свой на-
родъ,
И рай въ ея услуги.
Такая похвала была ли безо лжи?
Читатель вѣдаетъ, когда кого мы любимъ,
О томъ съ прибавкой правду трубимъ.
„Да гдѣжъ супругъ, скажи? . . .“
Не зная, что сказать и какъ себя оправ-
вить,
Сестрамъ своимъ въ отвѣтъ
Царевна покраснѣвъ сказала: „дома нѣтъ.“
Но какъ она притомъ старалась ихъ заба-
вить,
Легко тогда могли онѣ себѣ представить,
Что Душенькинъ супругъ
Имѣетъ въ небѣ рай, и тронъ, и много
слугъ,
И младость, и красу, и радость безъ пе-
чали,
И Душеньку на жизнь вознесъ въ небесный
кругъ;
И то, чего онѣ не знали, не видали,

Завидуя сестрѣ, легко воображали,
И съ горькой жалобой промежъ собой шептали:
„За что супруга ей Судьбы такого дали?
„А мы и на земли
„Едва мужей нашли:
„И тѣ какъ дѣды стары,
„И намъ негодны въ пары;“
И завистью дыша,
Царевны Душеньку нещадно тутъ хулили
И съ повтореніемъ впослѣдокъ говорили,
Что Душенька была отнюдь не хороша.

Злоумна ненависть, судя повсюду строго,
Очей имѣетъ много,
И видитъ сквозь покровъ закрытыя дѣла.
Вотще отъ сестръ своихъ Царевна ихъ скрывала,
И день, и два, и три притворство продолжала,
Какъ будтобы она супруга въявь ждала:
Сестры темнили видъ, подъ чемъ онъ былъ не явенъ.
Чего не вымыслитъ коварная хула?
Онъ былъ, по ихъ рѣчамъ, и страшенъ и злонравенъ,
И вѣрно Душенька съ чудовищемъ жила.
Совѣты скромности въ сей часъ она забыла;
Сестры ли въ томъ виной, Судьба ли то, иль рокъ,
Иль Душенькинъ то былъ порокъ,
Она, вздохнувъ, сестрамъ открыла,
Что только тѣнь одну въ супружествѣ любила;
Открыла, какъ и гдѣ приходитъ тѣнь на срокъ,

И произшествія подробно разсказала;
Но только лишь сказать не знала,
Каковъ и кто ея супругъ,
Колдунъ, иль змѣй, иль богъ, иль Духъ.
Коварныя сестры тогда, съ лицомъ усмѣшнымъ,
Взглянулись межъ собой, и сей лукавый взглядъ
Удвоилъ лести ядъ,
Который былъ прикрытъ пріязни видомъ внѣшнымъ.
Онѣ, что съ жалостью, что съ гнѣвомъ и стыдомъ,
И съ нѣкимъ ужасомъ сестрѣ внушить старались,
Что въ страшныхъ сихъ мѣстахъ всего онѣ боялись,
Что тамо былъ неистовъ домъ;
Что въ немъ живутъ конечно змѣи,
Или злотворны чародѣи,
Которые, устроивъ рай
И всѣ возможныя забавы,
Манятъ людей въ сей чудный край
Для сущей ихъ отравы.
Къ тому прибавили, что будто въ сторонѣ
По утру видѣли онѣ
Съ домоваго балкона
Надъ гротомъ въ воздухѣ подобіе Дракона,
И будтобъ тамъ летѣлъ съ рогами страшный змѣй,
И будтобъ искры тамъ онъ сыпалъ изъ ноздрей,
И въ рощѣ наконецъ, склонясь у горъ къ партеру,
При ихъ глазахъ пополз сгибаючись въ пещеру.

Царевны впослѣди вмѣшали въ разговоръ
Безчестье и позоръ
На будущіе роды,
Когда пойдутъ отъ ней нелѣпые уроды,
Иль чуды, съ коими не можно будетъ жить,
И кои будутъ міръ страшить.

Во многомъ Душеньку увѣрить было трудно;
Но правда, что она сама свой тайный бракъ
Почесть не знала какъ:
Ея замужство ей всегда казалось чудно.
За чемъ бы сей супругъ скрывался отъ людей,
Когда бы не былъ змѣй,
Иль лютый чародѣй?
Впослѣдокъ Душенька въ задумчивости мнила,
Что нѣкая въ дому неистовая сила
Ее обворожила;
Что мужъ ея, какъ змѣй, какъ самый хищный тать,
При свѣтѣ никому не смѣлъ себя казать;
Что онъ не могъ имѣть ни вѣры, ни закона,
И хуже былъ Дракона.
Царевна въ сей прискорбный часъ
Забыла райскія утѣхи;
Замолкъ пріятныхъ пѣсенъ гласъ,
Уныли Радости и Смѣхи.
Злотворныхъ сестръ и рѣчь и взглядъ
Простерли мрачной скуки ядъ.
Амуры вдругъ вострепетали,
И съ плачемъ далѣ отлетали
Отъ сихъ любимыхъ имъ палатъ.
Царевна тамъ одна съ сестрами
Въ свободѣ продолжала рѣчь,

И непремѣнными Судьбами
Сихъ словъ никто не могъ стеречь:
„Могуль я въ свѣтѣ жить? Царевна говорила;
„Постылъ мнѣ мужъ и жизнь постыла.
„Нещастна Душенька! ты мнила быть въ раю,
„И участь выше всѣхъ считала ты свою;
„Но, съ родомъ разлучась, и внѣ земнаго круга,
„Кого имѣешь ты супруга?
„Волшебный лишь призракъ,
„Который дѣлаетъ позорнѣйшимъ твой бракъ
„И ужасаетъ всѣхъ сокрытымъ вѣроломствомъ.
„Кого впослѣдокъ ты должна имѣть потомствомъ?
„Чудовищь, аспидовъ, иль змѣй какихъ нибудь.
„Но естьли тако мнѣ предписано Судьбами,
„Скорѣе мечь вонжу въ мою нещастну грудь.
„Любезныя сестры! на вѣкъ прощаюсь съ вами.
„Скажите всѣмъ роднымъ подробными словами,
„Что знали отъ меня, что видѣли вы сами;
„Скажите, что я здѣсь обманута была;
„Что я стыжуся жить... скажите умерла!"
Сестры, какъ бы уже за злобу казней ждали,
Совѣтами тогда Царевнѣ представляли,
Что красныхъ дней ея безвременный конецъ
Отъ наглой хищности вселенну не избавитъ:
А послѣ, можетъ быть, толь лютыхъ золъ творецъ

И всѣхъ ея родныхъ пожретъ, или удавитъ;
И что, вооружась на жизнь свою она,
Должна предъ смертью сей, какъ честная
жена,
Въ удобный сонный часъ убить бы колдуна.
Но сей поступокъ былъ для Душеньки опасенъ,
Противенъ и ужасенъ:
Чуждалася она злодѣйственныхъ смертей,
И жалость завсегда господствовала въ ней;
И можетъ быть любовь, какой она стыдилась,
Еще въ груди ея таилась.
Убійственный совѣтъ Царевна получа,
Представила въ словахъ мятущихся и косныхъ,
Что въ домѣ не было меча,
Ниже какихъ нибудь орудій смертоносныхъ;
И какъ убить въ ночи пустую только тѣнь,
Котора изчезаетъ въ день?
И гдѣ достать къ сему наряду
Съ огнемъ фонарь, или лампаду?
Въ сіи печальны дни
Зефиры съ вечера гасили всѣ огни. —
Сестры рѣшительно и смѣло отвѣчали
На Душенькину рѣчь,
Что тотчасъ принесутъ надежный самый мечь,
И вмѣстѣ принести лампаду обѣщали.
Пріятналь ей была готовность сихъ услугъ,
Примѣтить было льзя изъ словъ ея печальныхъ:
Смущенна Душенька тогда безъ мыслей дальныхъ
Желала только знать, каковъ ея супругъ,
И взоры обращая къ саду,

Идущихъ сестръ своихъ просила много разъ
Не позабыть лампаду.

Уже Зефирамъ данъ приказъ
Нести сихъ сестръ къ земному шару,
Припрягши въ путь Бореевъ пару.
Онѣ, летя изъ міра въ міръ,
Мѣшаютъ съ воздухомъ эѳиръ,
И съ бурею, дождемъ и громомъ
Являются предъ нѣкимъ домомъ:
То былъ Кащеевъ арсеналъ,
Гдѣ съ самыхъ древнихъ лѣтъ держался
Волшебный мечь, или кинжалъ,
Которымъ Геркулесъ сражался,
Когда чудовищь поражалъ.
Сей мечь единымъ сильнымъ махомъ
У Гидры девять главъ отсѣкъ;
Сей мечь хранился тамъ подъ страхомъ,
И въ сказкахъ названъ Самосѣкъ.
Онъ въ крѣпкихъ былъ стѣнахъ закла-
денъ,
Но купленъ ли, иль просто взятъ,
Иль былъ оттоль тогда украденъ,
Писатели о томъ молчатъ;
Извѣстно только нынѣ въ свѣтѣ,
Что точно онъ блисталъ въ полетѣ;
Что двѣ Царевны, отъ земли
Принявъ воздушныя дороги,
Сей мечь въ Амуровы чертоги
Тогда съ лампадой унесли,
И скоро съ Душенькой простились,
И скоро въ путь домой пустились.

О естьлибъ вѣдала нещастна Царска дочь,
Колико вредны ей сей мечь, сія лампада!

Амуры ей моглиль совѣтами помочь?
Она бѣжала ихъ присутствія и взгляда,
И въ мысляхъ будущу имѣла только ночь.

Свѣтило дневное уже склонилось къ лѣсу,
Надъ домомъ черную простерла ночь завѣсу,
И купно съ темнотой
Ввела Царевнина супруга къ ней въ покой,
Въ которомъ крылося нещастно непокорство.
И естьли повѣсти не лгутъ,
Прекрасна Душенька употребила трудъ
И разумъ, и проворство,
И хитрость, и притворство,
Какія свойственны женамъ,
Когда онѣ, дѣла имѣя по ночамъ,
Скорѣе какъ нибудь даютъ покой мужьямъ.
Но хитростиль ея въ то время успѣвали,
Иль самъ клонился къ сну грызеніемъ печали,
Онъ мало говорилъ, вздохнулъ,
Зевнулъ,
Заснулъ.

Тогда Царевна осторожно
Встаетъ толь тихо, какъ возможно,
И низу, по тропѣ златой,
Едва касаяся пятой,
Выходитъ въ нѣкакій покой,
Гдѣ многія отъ глазъ преграды
Скрывали мечь и свѣтъ лампады.
Потомъ, съ лампадою въ рукахъ,
Идетъ назадъ, на всякій страхъ,
И съ вображеніемъ печальнымъ,
Скрываетъ мечь подъ платьемъ спальнымъ;
Идетъ, и медлитъ на пути,
И ускоряетъ вдругъ ступени,

И собственной боится тѣни,
Боясь змѣя тамъ найти.
Межъ тѣмъ въ чертогъ супружній вхо-
дитъ.
Но кто представился ей тамъ?
Кого она въ одрѣ находитъ?
То былъ . . . но кто? . . . Амуръ былъ
самъ:
Сей богъ, властитель всей Натуры,
Кому покорны всѣ Амуры.
Онъ въ крѣпкомъ снѣ, почти нагой,
Лежалъ, раскинувшись въ постелѣ,
Покрытъ тончайшей пеленой,
Котора сдвинулась долой,
И частью лишь была на тѣлѣ.
Склонивъ лице ко сторонѣ,
Простерши руки обоюду,
Казалось, будто бы во снѣ
Онъ Душеньку искалъ повсюду.
Румянецъ розы на щекахъ,
Разсыпанный поверьхъ лилеи,
И бѣлы кудри въ трехъ рядахъ,
Вьючись вокругъ бѣлѣйшей шеи,
И складъ, и нѣжность всѣхъ частей,
Въ виду, во всей красѣ своей,
Иль кои крылися отъ вида,
Могли унизить Адонида,
За коимъ нѣкогда, влюбясь,
Сама Венера, въ дождь, и въ грязь,
Бѣжала въ дикія пустыни,
Сложивъ величество богини.

Таковъ открылся богъ Амуръ,
Таковъ, иль былъ тому подобенъ,
Прекрасенъ, бѣлъ и бѣлокуръ,

Хорошъ, пригожъ, къ любви способенъ,
Но въ мысляхъ вольныхъ безъ препятствъ,
За сими краткими чертами,
Читатели представятъ сами,
Каковъ явился богъ пріятствъ
И Царь надъ всѣми красотами.

Увидя Душенька прекрасно божество,
Намѣсто аспида, котораго боялась,
Видѣніе сіе почла за колдовство,
Иль сонъ, или призракъ, и долго изумлялась;
И видя наконецъ, какъ каждый видѣть могъ,
Что былъ супругъ ея прекрасный самый богъ,
Едва не кинула лампады и кинжала,
И позабывъ тогда свою приличну стать,
Едва не бросилась супруга обнимать,
Какъ будтобъ никогда его не обнимала.
Но удовольствіемъ жадающихъ очей
Остановлялась тутъ стремительность любовна;
И Душенька тогда, недвижна и безсловна,
Считала ночь сію пріятнѣй всѣхъ ночей.
Она не разъ себя въ семъ дивѣ обвиняла,
Смотря со всѣхъ сторонъ, что только зрѣть могла,
Почто къ нему давно съ лампадой не пришла,
Почто его красотъ заранѣ не видала;
Почто о богѣ семъ въ незнаніи была,
И дерзостно его за змѣя почитала.
Впослѣдокъ Царска дочь,
Въ сію пріятну ночь
Дая свободу взгляду,
Приближилась, потомъ приближила лампаду,

Потомъ, нечаянной бѣдой,
При семъ движеніи, и робкомъ и несмѣломъ,
Держа огонь надъ самымъ тѣломъ,
Трепещущей рукой
Небрежно надъ бедромъ лампаду наклонила,
И масла часть проливъ отшоль,
Ожогою бедра Амура разбудила.
Почувствуя жестоку боль,
Онъ вдругъ вздрогнулъ, вскричалъ, проснулся,
И боль свою забывъ, отъ свѣта ужаснулся;
Увидѣлъ Душеньку, увидѣлъ также мечь,
Который изъ-подъ плечь
Къ ногамъ тогда скользнулся;
Увидѣлъ онъ вины,
Или признаки винъ зломышленной жены;
И тщетно тутъ она желала
Сказать нещастья всѣ сначала,
Какія въ выправку сказать ему могла.
Слова въ устахъ остановлялись;
И свѣтъ, и мечь въ винахъ уликою являлись,
И Душенька тогда упадши обмерла.

ДУШЕНЬКА,
ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Бывала Душенька веселостей душою,
Бывала Душенька большою Госпожою;
Бывало въ прошлы дни, подъ кровомъ у небесъ,
Когдабъ лишъ капля слезъ
Изъ глазъ ея сверкнула,
Или бы Душенька о чемъ нибудь вздохнула,
Илибъ поморщилась, иль только бы взглянула,
Въ минутубъ для ея услугъ
Полки Духовъ явились вкругъ,
Съ водами, спиртами, изъ разныхъ краевъ свѣта;
И самъ бы Эскулапъ, хотя далеко жилъ,
Тотчасъ бы сысканъ былъ,
Пощупать, посмотрѣть, иль просто для совѣта,
И всюбъ свою [illegible] ней науку истощилъ.
Когда же во дворѣ разсѣялися слухи,
Что Душенька въ раю преслушала законъ,
И что ее за грѣхъ оставилъ Купидонъ:
Оставили ее и всѣ прислужны Духи.
Зефиры не были въ числѣ невѣрныхъ слугъ;

Сіи за Душенькой старинны волокиты,
Одни осталися изъ всей придворной свиты,
Которые вдали надъ ней летали вкругъ.
Но всѣмъ извѣстно то, Зефиры были вѣтры,
И были такъ легки, какъ наши петиметры:
Увидѣвъ красоты, что прежь сего цвѣли,
Увидѣвъ ихъ тогда поблеклы, бездыханны,
Зефиры не могли
Въ привязанности быть надолго постоянны
И, кинувъ Царску дочь,
Летѣть пустились прочь.
Красавицы двора, которы ей служили,
Хотя, казалося, объ ней тогда тужили;
Но каждая изъ нихъ имѣла красоты,
Имѣла собственны дѣла и суеты,
Стараяся, ища, ласкаясь, уповая:
Авосьлибо творецъ прекраснѣйшаго рая,
Авосьлибо сей богъ веселій и утѣхъ,
Оставивъ Душеньку за дурость и за грѣхъ,
И вспомнивъ древнюю ихъ вѣрность и услугу,
Впослѣдокъ кинетъ взоръ
На собственный свой дворъ,
И можетъ быть изъ нихъ возметъ себѣ супругу;
И каждая, хваля начальницу свою,
Желала быть сама начальницей въ раю.

Амуры болѣ всѣхъ къ Царевнѣ склонны были:
По старой памяти всегда ее любили,
И видя злую съ ней напасть,
Усердно ей помочь хотѣли,
Но чтя покорно Вышню власть,
Въ то время къ ней отнюдь приближиться не смѣли.

Иль можетъ быть и такъ они, предвидя впредь
Ея нещастья и печали,
Судили легче ей въ сей долѣ умереть,
И ей изъ жалости тогда не помогали.
Они увидѣли, увы! въ тотъ самой часъ
Зефирамъ на вѣтру написанный приказъ...
Амуры съ Душенькой разстались, возрыдали
И только взорами ее препровождали.
Зефиры Цареку дочь обратно унесли
Изъ горнихъ мѣстъ къ земли,
Туда, откуда взяли
И тамъ
Оставили полмертву,
Какъ будто лютымъ львамъ
И аспидамъ на жертву.
Умри, красавица, умри! твой сладкой вѣкъ
Съ минувшимъ днемъ уже протекъ;
И естьли смерть тебя отъ бѣдствій не избавитъ,
Сей свѣтъ, гдѣ ты досель равнялась съ божествомъ,
Отнынѣ въ скорбь тебѣ наполненъ будетъ зломъ,
И всюду горести за горестьми представитъ.
Тебя къ терпѣнію оставилъ Купидонъ;
Твой рай, твои утѣхи,
Забавы, игры, смѣхи,
Съ ихъ временемъ прошли, прошли какъ будто сонъ. —
Вкусивши сладости, когда кто ихъ лишился,
И точно вѣдаетъ ихъ цѣну и уронъ,
И болѣ кто любя, съ любимымъ разлучился
И радости себѣ уже не чаетъ впредь,
Легко возчувствуетъ, безъ дальнѣйшаго слова,

Что лучше Душенькѣ въ сей долѣ умереть.
Но гнѣвная Судьба была къ ней толь сурова,
Что сколь бы грозныхъ Паркъ на помощь ни звала
И какъ бы смерти ни искала,
Судьба назначила, чтобъ Душенька жила
И въ жизни бы страдала.

По нѣсколькихъ часахъ,
Какъ вымытый въ водахъ
Румяный ликъ Авроры
Выглядывалъ на горы,
И Фебъ дружился съ ней на синихъ небесахъ;
Иль такъ сказать въ простыхъ словахъ:
Какъ день явился послѣ ночи,
Очнулась Душенька, открыла ясны очи,
Открыла . . . и едва опять не обмерла,
Увидѣвъ, гдѣ и какъ тогда она была.
На мѣсто божескихъ, прекраснѣйшихъ селеній,
Гдѣ Смѣховъ, Игръ, Забавъ и всякихъ слугъ соборъ
Старался примѣчать и мысль ея и взоръ,
И ей услуживать, не ждавши повелѣній,
На мѣсто всѣхъ въ раю устроенныхъ чудесъ,
Увидѣла она подъ сводами небесъ
Вокругъ пустыню, гору, лѣсъ,
Пещеры аспидовъ, звѣриныя берлоги,
У коихъ нѣкогда жрецы и сами боги,
И самъ отецъ ея, сама Царица мать,
Оставили ее судьбы своей искать,
Искать себѣ четы, не вѣдая дороги.
Увидѣла она, при утренней зарѣ,
Въ ужасной сей пустынѣ,

На самой той горѣ,
Куда, по повѣстямъ вездѣ извѣстнымъ нынѣ,
Ни звѣрь не забѣгалъ,
Ни птицы не летали,
И гдѣ, казалося, лишь страхи обитали;
Увидѣла себя безъ райскихъ покрывалъ,
Лежащу въ платьицѣ простомъ и ненарядномъ,
Въ какое Душеньку, въ нещастьѣ безприкладномъ,
Оставивъ выкладки и всякія махры,
Родные нарядили,
Когда на верьхъ горы
Ее препроводили.
Хотя же Душенька, привыкнувши къ бѣдамъ,
Ко страху и нещастью,
Могла бы ожидать себѣ отрады тамъ
Боговъ хранителей вездѣ присущной властью,
И вѣря всякимъ чудесамъ,
Моглабъ въ ихъ помощи легко себя увѣрить
И нѣсколько бы тѣмъ печаль свою умѣрить;
Но Душенька дотоль въ раю
Была супругою Амура,
И участь Душенька свою
Утратила потомъ какъ дура,
Утратила любовь превыше всѣхъ утѣхъ,
Любовь нѣжнѣйшаго любовника и друга,
Иль паче божества подъ именемъ супруга.
Проступокъ свой тогда вмѣняя въ крайній грѣхъ,
Жарчайшею къ нему любовью пламенѣла:
Стократъ она, въ поправку дѣла,
Прощенія просить хотѣла
У мужа, у боговъ, у каждаго и всѣхъ,
Но способовъ къ тому въ пустынѣ не имѣла:

Въ пустынѣ сей никто, ни человѣкъ, ни
богъ,
Ни видѣть слезъ ея, ни слышать словъ не
могъ.
Амуръ въ сей часъ надъ ней невидимо
взвивался,
Тая свою печаль во мракѣ черныхъ тучь;
И естьли проницалъ къ нему надежды лучь,
Надеждой Душеньку утѣшить онъ боялся.
Онъ ею тайно любовался.
Поступки онъ ея украдкой примѣчалъ,
Ее другимъ богамъ въ сохранность поручалъ,
И извиняя въ ней поспѣшность всякой вѣры,
Приписывалъ вину однѣмъ ея сестрамъ.
Извѣстно то, что онъ, по проискамъ Ве-
неры,
Царевну долженъ былъ тогда предать Судь-
бамъ,
И что въ толико лютой части,
Спасая жизнь ея отъ злобствующей власти,
Какою ей тогда Веиеринъ гнѣвъ грозилъ,
Противу склонности повсюду ухищрялся,
Противъ желанія повсюду притворялся,
Какъ будтобъ онъ уже Царевну не любилъ:
Не смѣя же ей самъ явить свои прислуги,
Онъ Эху той округи
Строжайшій далъ приказъ,
Чтобъ Эхо всяку рѣчь Царевнину внимало
И громко повторяло
Слова ея сто разъ.

„Амуръ, Амуръ!" она вскричала. . .
И можетъ быть что рѣчь еще бы продолжала,
Какъ нѣкій бурный шумъ средь облакъ, въ
оный часъ,

На время прекратилъ ея плачевный гласъ,
На вопль отчаянной супруги,
Который поразилъ и горы и лѣса
Печальной сей округи,
Который Эхо тамъ, во многи голоса,
Несло наперехватъ подъ самы небеса;
Амуръ, предавшися движенью нѣкой страсти,
Забывъ жестоку боль бедра
И все, что было съ нимъ вчера,
Едва не позабылъ уставы Вышней власти,
Едва не бросился съ высокихъ облаковъ
Къ ногамъ возлюбленной, безъ всякихъ дальныхъ словъ:
Съ желаньемъ, навсегда отнынѣ
Оставить пышности небесъ
И съ нею жить въ глухой пустынѣ,
Хотябъ то былъ дремучій лѣсъ.
Но вспомнивъ нѣжный богъ, въ жару своихъ желаній,
Нещастливый предѣлъ толь лестныхъ упованій
И гибель Душеньки, строжайшимъ ей судомъ,
Грядущую потомъ,
Умѣрилъ страсть свою, вздохнулъ, остановился
И къ Душенькѣ съ высотъ во славѣ онъ спустился:
Предсталъ ея глазамъ,
Предсталъ... и такъ какъ богъ явился;
Но, въ угожденіе Венерѣ и Судьбамъ,
Воззрѣлъ на Душеньку суровыми очами,
И такъ какъ бы ее оставилъ онъ на вѣкъ,
Гнѣвливымъ голосомъ, съ презоромъ произрекъ
Строжайшую ей часть, предписанну богами:

„Имѣй, сказалъ онъ ей, отнынѣ госпожу,
„Отнынѣ будешь ты Венериной рабою,
„Отнынѣ не могу дѣлить утѣхъ съ тобою...
„Но злобныхъ сестръ твоихъ я болѣ накажу.“

„Амуръ, Амуръ!“ опять Царевна возгласила....
Но онъ, при сихъ словахъ,
Не внемля, что она прощенія просила,
Сокрылся въ облакахъ!
Сокрылся и потомъ въ небесный путь пустился,
И болѣ не явился.
Болтливы Эхи дальнихъ мѣстъ,
Которы, можетъ быть наукой отъ Венеры,
Подслушивали рѣчь изъ ближней тамъ пещеры,
И видѣли его свиданье и отъѣздъ,
Впослѣдокъ разнесли такую въ міръ огласку,
За быль, или за сказку,
За правдуль, иль прилогъ,
Что будто, чувствуя жестокую ожогу,
Амуръ прихрамывалъ на раненую ногу;
И будто бы сей богъ,
Сбираясь къ небесамъ въ обратную дорогу,
Лучемъ своимъ и самъ Царевну опалилъ
И множество древесъ симъ жаромъ повалилъ.
Но какъ то ни было, любовиль нѣжной сила,
Или особая господствующа власть,
Содѣлывала въ ней мучительную страсть:
Супружню всю она суровость позабыла,
Лишь только помнила, кого она любила
И дерзостью своей чего себя лишила.

Чего ей ждать тогда осталось отъ Небесъ?
Въ отчаяньи, проливъ потоки горькихъ слезъ,
Наполнивъ воплями окружный долъ и лѣсъ,
„Прости, Амуръ, прости!“ Царевна вопіяла —
И въ тотъ же часъ лихой,
Бездонну рытвину увидѣвъ подъ горой,
Съ вершины въ пропасть рва пуститься предпріяла:
Пошла, заплакала, съ платочкомъ на глазахъ,
Вздохнула! ахнула! . . . и бросилась въ размахъ.
Амуръ оставилъ ли Зефировъ безъ наказа,
Велѣлъ ли Душеньку стеречь на всѣхъ горахъ,
Читатель можетъ самъ увидѣть то въ дѣлахъ.
Въ тотъ часъ и въ тотъ моментъ усердный Скоромахъ,
Зефиръ, слуга ея при вѣтренныхъ путяхъ,
Увидѣлъ Царску дочь въ толь видимыхъ бѣдахъ,
Не ждалъ себѣ о томъ особаго приказа,
Оставилъ всѣ дѣла въ высокихъ небесахъ,
Тряхнулъ крыломъ, порхнулъ три раза,
И Душеньку тогда, летящую на низъ,
Прикрывъ воскрыліемъ своимъ воздушныхъ ризъ,
Отъ всякой наглости толпы разносторонной
Какъ должно подхватилъ,
Какъ должно отдалилъ
Отъ пропасти бездонной,
И тихо положилъ
На мягкихъ муравахъ долины благовонной.

Онъ тихимъ дханіемъ тамъ воздухъ растворилъ,
Бореямъ дерзкимъ дуть надъ нею запретилъ,
И долго прочь не отходилъ,
Забывъ свою любезну Флору;
Скорбѣлъ, что скоро путь свершилъ,
Что долго Душенькѣ не могъ служить въ подпору.

Увидѣвъ тамъ она себя на муравахъ,
Невѣдомыми ей судьбами,
И кустъ ясминный въ головахъ
Межъ разными вокругъ цвѣтами,
Такую истину сперва за сонъ почла!
И щупала себя, въ сомнѣніи и въ дивѣ,
И долго вѣрить не могла,
Чтобъ, кинувшись, была
Еще на свѣтѣ вживѣ;
Забывшися потомъ,
Заснула крѣпкимъ сномъ.
Но видѣлаль во снѣ, что было съ ней доселѣ,
Худоель, доброель на дѣлѣ,
Супруга на горѣ, иль спящаго въ постелѣ,
Иль грозную его разгнѣванную мать,
Историки о томъ забывали написать;
А только дали знать,
Что богъ Амуръ надъ нею
Велѣлъ тогда летать
Снодѣтелю Морфею
И сномъ продлить ея покой,
Зефира отославъ домой.
Извѣстно нынѣ всѣмъ, что сонъ и вся Натура
Въ то время правились указами Амура.

Амуръ, который зрѣлъ ея и скорбь и трудъ,
Амуръ, содѣтель чудъ,
Легко содѣлать могъ, чтобъ Душенька уснула
И сномъ бы отдохнула;
И можетъ быть она, возненавидѣвъ свѣтъ,
Была къ небытію влекома въ сей пустынѣ,
Какъ узникъ иногда, уставъ отъ мукъ и бѣдъ,
Чрезъ сонъ старается приближиться къ кончинѣ.
Но какъ бы ни было, по нѣсколькихъ часахъ,
Влюбленный Купидонъ, не спя на небесахъ
И охраняючи нещастную супругу,
Рѣшился прекратить Морфееву услугу.
Проснулась Душенька, открыла томный взоръ. . . .
Но, вспомнивъ свой позоръ,
Глаза отъ свѣта отвращала,
Цвѣты и травы вновь слезами орошала,
И камнямъ, и лѣсамъ унывно возвѣщала,
Что болѣ жить она на свѣтѣ не желала.
„Не буду долѣ жить!
„Приди, о Смерть! ко мнѣ, приди!" она вопила.
Но Смерть, хотя ее Царевна торопила,
Отказывалась ей по должности служить;
Курносо чучело, съ плѣшивой головою,
Отъ вида коего трепещетъ всяка плоть,
Явилась къ ней тогда съ предлинною косою,
Но только лишь траву косить или полоть,
Гдѣ Душенька могла ступеньки поколоть.
Увидѣвъ наконецъ, что Смерть отъ ней бѣжала,
Насильно Душенька скончать свой вѣкъ искала;

„Зарѣжуся!“ вскричала;
Но не было у ней кинжала,
Ниже какого острія,
Удобнаго пресѣчь нещастну жизнь ея.
Читатель вѣдаетъ, безъ всякой дальной справки,
Что Душенька предъ симъ,
Летя съ горы на низъ, повытрясла булавки,
Чудеснымъ дѣйствіемъ, иль случаемъ простымъ.

Въ сей крайности она, не размышляя болѣ,
Искала камней въ полѣ,
И острый камень какъ нибудь
Вонзить себѣ хотѣла въ грудь.
Казался край тогда ея нещастной долѣ;
Нашлися остры камни тамъ,
Но Душенька велась не къ смерти, къ чудесамъ:
Лишъ только возметъ камень въ руки,
То камень претворится въ хлѣбъ,
И вмѣсто смертной муки,
Являетъ ей припасъ снѣдаемыхъ потребъ.
Когда же Смерть отнюдь ее не хочетъ слушать,
Хоть свѣтъ ей былъ постылъ,
Потребно было ей, ко укрѣпленью силъ,
Ломотикъ хлѣбца скушать.
Потомъ смотря на лѣсъ, на пропасти безъ дна,
На небо и на травку,
И вновь смотря на лѣсъ, умыслила она,
Другую смерть себѣ, а именно — удавку.
Въ старинны времена

Такая смерть была почтенна и честна.
У Турокъ и поднесь за смерть блаженну ставятъ,
Когда кого за грѣхъ не рѣжутъ, а удавятъ.
Не рѣдко Визири и главные въ полкахъ,
И сами тамъ Султаны,
За собственны свои, или другихъ обманы,
Кончаютъ свой животъ въ ошейныхъ осилкахъ.
Хотяжъ въ другихъ мѣстахъ
Не ставятъ въ честь удавку
И смертью таковой казнятъ однихъ плутовъ,
Но ищущій конца на всяку смерть готовъ;
И Душенькина смерть не шла въ позоръ и въ явку.
Желала бы она
Скончаться лучше ядомъ;
Но вся сія страна,
Гдѣ смерть была запрещена,
Казалася райскимъ садомъ,
Казалася сотворена
Для пользы, иль веселья,
И тщетно былобъ тамъ искать лихова зелья.
Равно же изгнанъ былъ оттолѣ всякой гадъ,
Въ какомъ бываетъ ядъ:
И такъ не льзя дивиться,
Что Душенька тогда хотѣла удавиться.
А гдѣ, и чѣмъ, и какъ? —
По многимъ повѣстямъ остался вѣрный знакъ:
Вблизи оттолѣ росъ дубнякъ;
И были тамо дубы
Высоки, толсты, грубы.
На Душенькѣ тогда широкой былъ платокъ,
Которой съ бѣлыхъ плечь спускался возлѣ бокъ.

Нещастна Душенька, не въ многія минуты,
Неся на смерть красу,
Явилася въ лѣсу;
Не въ многія минуты,
Кончая скорби люты
И плачась на судьбу,
Явилась на дубу;
Избравъ крѣпчайшій сукъ, послѣдній шагъ ступила
И къ суку свой платокъ, какъ должно, прицѣпила,
И въ петлю Душенька головушку вложила:
О чудо изъ чудесъ:
Потрясся долъ и лѣсъ!
Дубовой грубый сукъ, на чемъ она повисла,
Съ почтеніемъ къ ея прекрасной головѣ
Погнулся такъ, какъ прутъ, изросшій въ вешни числа,
И здраву Душеньку поставилъ на травѣ;
И всѣ тогда суки, на низъ влекомы ею,
Иль сами волею своею
Шумѣли радостно надъ нею,
И, съединяючи концы,
Свивали разны ей вѣнцы.
Одинъ лишь наглый сукъ за платье зацѣпился,
И Душенькинъ покровъ вверьху остановился.
Тогда увидѣлъ долъ и лѣсъ
Другое чудо изъ чудесъ!
И горы вскликнули громчае сколь возможно,
Что Душенька была прекраснѣй всѣхъ неложно;
И самъ Амуръ тогда, смотря изъ облаковъ
Прилѣжнымъ взоромъ, то оправдывалъ безъ словъ;

Межъ тѣмъ какъ Душенька въ живущихъ оставалась,
Какъ бытностью ея Натура красовалась,
Явился ей еще удобный смерти родъ,
Которымъ чаяла окончить свой животъ.
Не могши къ дубу прицѣпиться,
Она рѣшилась утопиться.
На случай сей рѣка
Была не далека.
Царевна съ берега крутова,
Гдѣ дно рѣки отъ глазъ скрывалось подъ водой,
На смерть пустилась снова.
Но вдругъ, противною судьбой,
Поѣхала она на щукѣ шегардой;
И ѣхавъ по верьху опаснѣйшей дороги,
Мочила Душенька лишь только хвостъ и ноги.
Къ храненію ея прибавленъ былъ конвой:
Другія тутъ же щуки,
Наукой отъ боговъ, иль просто безъ науки,
Собравшися, какъ должно, въ строй,
Отъ всякихъ случаевъ Царевну ограждали,
И въ путь съ плесканіемъ ее препровождали.
Иные говорятъ,
Что будто въ щукахъ тамъ примѣтили Наядъ,
И что Наяды, эскадрономъ,
Явились къ Душенькѣ съ поклономъ.
Не знаю, правдаль то, лишь нѣтъ сомнѣнья въ ономъ,
Что нѣкія тогда изъ сихъ Наядъ, иль рыбъ,
Которыхъ родъ съ рѣкой отъ времени погибъ,
Служивъ дотоль въ раю подъ щастливымъ закономъ,

За Душенькою тутъ спѣшили въ слѣдъ до-
гономъ,
Въ старинномъ ихъ строю
Признать, по должности, владычицу свою,
Забывъ, что богъ прекрасна рая,
Съ тѣхъ поръ, какъ райску жизнь въ ничто
преобратилъ,
Служившихъ тамъ, какъ бы карая,
Отполь на волю распустилъ.
Нещастна Душенька, сколь много ни стара-
лась
Въ рѣчномъ потокѣ утонуть,
Но щукою неслась благополучно въ путь,
И съ берега она къ другому добиралась.
Въ сихъ мукахъ тщетно жизнь кляла
И тщетно снова смерть звала;
На зовъ пловучій сонмъ вопилъ единогласно,
Что Душенька, въ бѣдахъ,
Безъ пользы и напрасно
Стремится кончить жизнь въ водахъ;
Что боги пусть продлятъ ея прекрасны
годы,
И что ее на смерть отнюдь не примутъ
воды.
Остался наконецъ единый смерти родъ,
Который Душенька еще не испытала;
Она еще себя надеждою питала,
Что можетъ быть огнемъ скончаетъ свой
животъ.
Вдали въ то время дымъ курился:
Ко смерти новой путь открылся,
И Душенька пошла на дымъ;
И случаемъ тогда, видущимъ, иль слѣ-
пымъ,
Пришла къ рѣчному брегу,

И тамъ на муравахъ
Нашла огонь въ дровахъ,
Къ рыбачьеву ночлегу.
Хозяинъ оныхъ дровъ,
Престарый рыболовъ,
Въ ладьѣ своей на ловъ
Отплылъ во оно время.
Царевна жизни бремя
Легко могла пресѣчь:
Могла себя сожечь
Въ пустомъ широкомъ полѣ,
Въ просторѣ и на волѣ.
Никтобъ ее извлечь,
Никтобъ не могъ оттолѣ;
Когда бы Небеса
Отъ смертнаго часа
Ее не отдалили,
И новы чудеса
Надъ ней не сотворили.
Она, сказавъ ко всѣмъ послѣднія слова,
Лишь только бросилась во пламень на дрова,
Какъ вдругъ невидимая сила
Подъ нею пламень погасила.
Мгновенно дымъ изчезъ, огонь и жаръ потухъ,
Остался только лишь потребный теплый духъ,
За тѣмъ, чтобъ ножки тамъ Царевна осушила,
Которыя въ водѣ недавно замочила.
Узрѣвъ себя она безвредну на дровахъ,
Вскричала громко: ахъ! . . .
Сей гласъ раздался на волнахъ;
Восколебались тихи воды,
Всплеснулись рыбъ различны роды,

Взвернулась трижды вкругъ
Ладья у рыболова,
И все то стало̀сь вдругъ
Отъ Душенькина слова.
Не знаю, волею ль, на сей внезапный крикъ,
Въ ладьѣ своей старикъ
Назадъ стремился къ бѣгу,
Иль чудомъ вверьхъ воды несло его ко брегу;
Но знаю, что потомъ сей древній въ мірѣ дѣдъ,
Взглянувъ на близь своей повѣти,
Забылъ преклонность поздныхъ лѣтъ,
Пустилъ изъ рукъ рыбачьи сѣти,
Прыгнулъ изъ лодки ко дровамъ
И палъ къ Царевнинымъ ногамъ,
Хотя не вѣдалъ съ нею чуда,
Ни кто она была,
За чемъ туда пришла,
Какимъ путемъ, откуда.

„О праотецъ земныхъ родовъ,
„Иль сынъ конечно праотцовъ!"
Царевна къ старцу вопіяла:
„Ты помнишь бытность всѣхъ временъ
„И всякихъ въ мірѣ перемѣнъ;
„Скажи, какъ свѣтъ стоитъ сначала,
„Встрѣчалось ли когда кому
„Несчастье, равно моему?
„Я рѣзалась и въ петлю клалась,
„Топилась и въ огонь бросалась,
„Но, въ горкой участи моей,
„Прошедъ сквозь огнь, прошедъ сквозь воду,

„И всѣми видами смертей
„Приведши въ ужасъ всю Природу,
„Противъ желанія живу,
„Безсмертіе имѣю въ муку,
„И тщетно смерть къ себѣ зову.
„Подай свою мнѣ въ помощь руку,
„Скончай мой вѣкъ, мнѣ свѣтъ постылъ!“
Но кто ты? старецъ вопросилъ.
„Я Душенька . . . люблю Амура. . . .“
Потомъ заплакала какъ дура;
Потомъ, безъ дальныхъ съ нею словъ,
Заплакалъ вмѣстѣ рыболовъ,
И съ ней взрыдала вся Натура.
Потомъ сказалъ ей тотъ же дѣдъ,
Что смерти ей на свѣтѣ нѣтъ,
Какъ то себѣ она ни чаетъ,
И что еще она не знаетъ
Готовыхъ ей въ прибавокъ бѣдъ;
Что злоба гнѣвной къ ней богини
Проникла въ самыя пустыни;
Что, каждому въ примѣръ и въ страхъ,
Во всѣхъ подсолнечныхъ мѣстахъ
Уже ея вины открыты,
И грамоты о томъ прибиты
Въ распутіяхъ и во вратахъ.
Притомъ старикъ роптатъ въ слезахъ,
Что злобѣ попускаютъ боги,
И, строгую виня Судьбу,
Повелъ Царевну онъ къ столбу,
Гдѣ ближнія сошлись дороги.
Царевна тамъ сама прочла
Прибитый листъ, въ большую мѣру;
А что она въ листѣ нашла,
Скажу, по точному манеру.

„Понеже Душенька прогнѣвала Венеру,
„И Душеньку Амуръ Венерѣ въ стыдъ хвалилъ;
„Она же Душенька румяны унижаетъ,
„Мрачитъ передъ собой достоинство бѣлилъ
„И всяку красоту повсюду обижаетъ;
„Она же, Душенька, имѣя стройный станъ,
„Прелестные глаза, пріятную усмѣшку,
„Богиню красоты не чтитъ и ставитъ въ пѣшку;
„Она же взорами сердцамъ творитъ изъянъ,
„Богиней рядится и носитъ хвостъ въ три пяди:

„Того, или инаго ради,
„Венера каждому и всѣмъ
„О гнѣвѣ на нее своемъ
„По должной формѣ извѣщаетъ,
„И всяку милость обѣщаетъ
„Тому, кто Душеньку на срокъ
„Къ Венерину лицу представитъ.
„А буде кто ее оправитъ
„Противу силы оныхъ строкъ,
„Иль буде гдѣ ее укроетъ,
„Иль поводъ дастъ укрыться ей,
„Тотъ вѣкъ вины своей не смоетъ
„Ни самой кровію своей."

Всплеснула Душенька руками,
Прочтя толь грозныя слова:
„О Боги! видите вы сами." —
Вопили камни и древа:
„На то ли Душенька жива,
„На толь одарена красами,
„И чѣмъ виновна передъ вами,
„Когда родилась такова?"

Уже тогда весь міръ читалъ о ней сыскную,
Весь міръ о ней равно жалѣлъ:
Иной бранилъ богиню злую,
Другой сыскную драть хотѣлъ.
Одни, изъ должности, Цитерскіе пролазы
Твердили по утрамъ о Душенькѣ приказы,
Которы всякъ потомъ охотно забывалъ,
И Душеньку, кто могъ охотно укрывалъ.
Но какъ то ни было, боясь ли пролазовъ,
Боясь ли приказовъ,
Водималь старикомъ,
Иль собственнымъ умомъ,
Царевна наконецъ за благо разсудила,
Просить о помощи степеннѣйшихъ богинь,
Щастливѣе онабъ боговъ о томъ просила;
Но съ времени, когда Амура полюбила,
По мысли никого въ богахъ сыскать не мнила:
Кто дерзокъ былъ, иль трусъ, кто гордъ, иль глупой шпынь,
И можетъ быть она въ то время находила
Въ верховнѣйшихъ богахъ немалу часть разинь.

Вначалѣ Душенька пошла просить Юнону,
Которая тогда, оставивъ небеса,
За мужемъ бѣгала и въ горы и въ лѣса.
Она моглабъ давать нещастнымъ оборону,
Но собственну свою тогда имѣла грусть.
Юнону хоть любилъ Юпитеръ по закону,
Любя другихъ, не могъ къ ней вѣрности соблюсть;
Вездѣ по свѣту волочился,
Былъ грубъ, былъ дикъ,
Какъ вепрь, иль быкъ,

И часто подъ дождемъ по цѣлымъ днямъ мочился:
И послѣ до ушей Юноны слухъ проникъ,
Что подлиннымъ быкомъ къ Европѣ онъ явился,
И подлиннымъ дождемъ къ Данаѣ онъ спустился,
Забывъ отца боговъ, достоинство и чинъ.
Для множества такихъ причинъ,
И можетъ быть за то, какъ видѣла Юнона,
Что Душенька сама
Могла Юпитера содѣлать безъ ума,
„Поди, сказала ей богиня вышня трона,
„Проси о дѣлѣ Купидона;
„Или поди проси другихъ,
„А мнѣ довольно бѣдъ своихъ."

Царевна, по народной вѣрѣ,
Пошла съ прошенiемъ къ Церерѣ.
Въ тѣ дни сбирался хлѣбъ съ полей,
И хлѣбодатная богиня
У всѣхъ своихъ тогда являлась олтарей:
Тогда на всѣхъ лилась отъ ней
Щедрота, милость, благостыня.
Но доступъ для сего къ Церерину лицу
Дозволенъ только былъ жрецамъ, или жрецу,
И кто къ богинѣ шелъ, для прозьбы иль вопроса,
Не могъ услышанъ быть безъ жертвы и приноса;
А Душенька была въ то время всѣхъ бѣднѣй,
И не было тогда у ней
Отцовскихъ денегъ, ни перстней;
Возненавидѣвъ жизнь, какъ знають всѣ, дурила

И добрымъ людямъ ихъ дорогой раздарила.
Остался у нее пастушій сарафанъ,
Который былъ ей данъ
Разумнымъ рыболовомъ,
Чтобъ въ семъ нарядѣ новомъ
Укрыть ее отъ бѣдъ хотя черезъ обманъ;
Осталась красота, о коей всѣ трубили,
Но красоты чужой богини не любили,
И имъ послѣдуя жрецы, извѣстно то,
Отмѣнный даръ красотъ вмѣняли ни во что.
Жрецы тогда ее, до будущаго лѣта,
Отправили оттоль безъ всякаго отвѣта.

Въ сей скорби Душенька привыкши всѣхъ просить,
Минерву чаяла на жалость преклонить.
Богиня мудрости тогда на Геликонѣ
Имѣла съ Музами ученѣйшій совѣтъ
О страшномъ нѣкакомъ наклонѣ
Бродящихъ близь земли кометъ,
Которы долгими хвостами,
Пугая часто робкой свѣтъ,
Пророчили бѣды мѣстами,
И Аполлоновъ путь
Грозили въ міръ запнуть.
На все же, что тогда Царевна представляла,
Безъ всякой жалости богиня отвѣчала,
Что міръ безъ Душеньки стоялъ изъ вѣка въ вѣкъ;
Что въ обществѣ она не важной человѣкъ;
И паче, какъ хвостомъ комета всѣхъ пугаетъ,
На Душеньку тогда взирать не подобаетъ.
Къ Діанѣ Душенька явить не смѣла глазъ;
Богиня та любви не вѣдала заразъ:

Со свитой чистыхъ Дѣвъ, къ свободѣ устре-
мленныхъ,
Въ невинной вольности, нося колчанъ и лукъ,
Пускаясь быстро въ бѣгъ, любя проворство
рукъ,
Гонялась за звѣрьми въ пустыняхъ отдален-
ныхъ.
Никто не нарушалъ дотолѣ ея забавъ;
Еще не видѣла она Эндиміона,
И строгостью себѣ предписанна закона
Лишилабъ Душеньку и милостей и правъ.

Куда идти? еще къ Минервѣ, иль къ Це-
рерѣ?
Поплакавъ Душенька, пошла къ самой Венерѣ.
Провѣдала она, бродя по сторонамъ,
Что близко отъ пути, въ пріятнѣйшей до-
линѣ,
Стоялъ извѣстный храмъ
Съ надвратной надписью: „Прекраснѣйшей
богинѣ.“
Не рѣдко въ сихъ мѣстахъ утѣхъ всеобща
мать,
Мірскихъ суетъ слагая бремя,
Любила отдыхать.
Туда отъ разныхъ странъ народъ во всяко
время
Толпой стекался воздыхать.
Иные шли туда богиню прославлять,
Другіе къ милостямъ признаніе являть,
Другіежъ ихъ просить, иль просто погулять.
Въ такомъ стеченіи народа,
Нещастна Душенька, избравъ тишайшій часъ
И кроясь всячески отъ всѣхъ стороннихъ
глазъ,

Со трепетомъ рабы туда искала входа.
Одною лишь въ бѣдахъ
Надеждой утѣшалась,
Что можетъ быть она, хоть вольности лишалась,
Увидитъ въ сихъ мѣстахъ
Съ Венерой Купидона,
И забывая страхъ
Строжайшаго закона,
Вдавалась въ сладости различныхъ лестныхъ думъ,
Какими упоенъ бываетъ страстный умъ.
Въ сихъ мысляхъ Душенька приближилась ко храму,
И тамъ задумавшись, едва не впала въ яму,
Куда отъ разныхъ жертвъ за дворъ
Сметался въ кучу всякой соръ.
Но впрочемъ всѣ мѣста казались тамо садомъ,
И благовонная катилася роса
На мирту, на лимонъ, на всяки древеса,
И храмъ курился вкругъ душистымъ всякимъ чадомъ.

По сказкамъ знаютъ всѣ, что шелковы луга,
Сытовая вода, кисельны берега,
Богинѣ красоты всегда принадлежали,
И по долинѣ тамъ дороги окружали.
Издревле богъ войны
Строжайшій далъ приказъ, въ угодность сей богинѣ,
Чтобъ вѣчно въ той долинѣ
Трубы военной звукъ не рушилъ тишины.
Извѣстно всѣмъ, что тамъ и самы дики звѣри

Къ овцамъ ходили въ двери,
И овцы, позабывши страхъ,
Гуляли съ ними на лугахъ,
И съ самой вольной простотою
Питались киселемъ съ сытою,
На вѣки въ животѣ,
Въ здоровьѣ, въ красотѣ;
Живуща тварь не убивалась,
Насильствомъ кровь не проливалась,
Невѣдомъ былъ скорбящихъ гласъ,
И вся Природа всякой часъ
Согласіемъ сочеталась.
Въ срединѣ сихъ луговъ,
И водъ, и береговъ,
Стоялъ богининъ храмъ межъ множества столповъ.
Сей храмъ со всѣхъ сторонъ являлъ два разныхъ входа:
Особо для боговъ,
Особо для народа.
Преддверія, врата, и храмъ, и олтари,
И каждая ихъ часть, и каждая фигура,
И обще вся архитектура,
Снаружи и внутри,
Изображали видъ игриваго Амура,
Иль видъ забавъ и торжества
Властительнаго тамъ прекрасна божества;
Венеры чудное рожденіе изъ пѣны,
И всяка съ нею быль, пріятная въ чертахъ,
Особо видѣлись въ картинахъ и въ коврахъ,
Какими изнутри покрыты были стѣны.
Во внутренности тамъ различныхъ олтарей
Различны дани приносились
Отъ всѣхъ наукъ, искуствъ, художествъ и затѣй,

И знатныхъ, и простыхъ людей,
Которы всѣ въ число достойнѣйшихъ просились:
Иной, желая прiобрѣсть
Любовью къ нѣкой Музѣ честь,
И данью убѣдить любовницу скупую,
Привѣсилъ въ уголокъ цѣвницу золотую;
Другой себѣ избравъ,
По праву, иль безъ правъ,
Въ любовницы Палладу,
И тщася получить лавровъ вѣнецъ въ награду,
Привѣсилъ ко столбу
Серебряну трубу;
Иной, ища любви несклоннѣйшей Алкмены,
Во храмѣ разпестрилъ малярной кистью стѣны.
Но дани приносимы въ храмъ,
Не по богатству, иль чинамъ,
Могли казаться тамо кстати;
И часто тамъ простой пастухъ,
Неся богинѣ въ даръ усердный только духъ,
Предпочитаемъ былъ блистательнѣйшей знати.
На среднемъ олтарѣ,
Подъ драгоцѣннѣйшимъ отверзтымъ балдахиномъ,
Стоялъ богининъ ликъ, особымъ нѣкимъ чиномъ,
Во всей порѣ,
Во всей красѣ и въ полной славѣ,
Въ подобной, какъ она на нѣкакой горѣ
Явилась въ прежни дни къ Парисовой расправѣ,
И споръ между богинь рѣшила красотой.

Сей ликъ, казазось, былъ божественной руκой
Изъ мрамора изсѣченъ,
И послѣ въ образецъ художества примѣченъ.
Носился въ мірѣ слухъ, что будто Праксителъ
Оттуда взялъ модель,
И, точно по примѣру,
Представилъ въ первой разъ во всей красѣ Венеру.
Никто изъ вшедшихъ въ храмъ не могъ, или не смѣлъ,
Не преклонять колѣнъ предъ симъ прекраснымъ ликомъ;
И каждый, какъ умѣлъ,
Богинѣ гимны пѣлъ,
Въ усердіи глуша одинъ другаго крикомъ.
Надъ храмомъ извивался рой
Амуровъ, Смѣховъ, Игръ, Зефировъ,
Которы всякою порой
Туда слеталися отъ всѣхъ возможныхъ міровъ.
Въ летучемъ ихъ строю
И тѣ при храмѣ были,
Которые въ раю
При Душенькѣ служили.
Въ сей часъ они опять надъ прежней госпожой
Въ невѣденьи летали,
Рѣзвились и журчали;
Но Душенька тогда, подъ длинною фатой
Подъ длиннымъ сарафаномъ,
Для всѣхъ была обманомъ:
Вошла во храмъ съ толпою въ рядъ
И стала къ сторонѣ у самыхъ первыхъ вратъ

Отъ робостиль она сихъ мѣстъ не при-
мѣчала,
Иль помня прежнюю блаженну жизнь свою,
Когда сама была богинею въ раю,
Полками разныхъ слугъ сама повелѣвала,
И пѣсни и хвалы сама отъ всѣхъ слыхала,
Сей храмъ напослѣди за рѣдкость не считала;
По волѣ то рѣшить читатель можетъ самъ.
Но въ храмѣ лишь едва лице свое открыла,
Въ минуту всѣхъ глаза къ себѣ оборотила.
Возволновался храмъ,
Умолкли гимны тамъ,
Пресѣклись жертвъ приносы,
И всюду слышались лишь вѣсти, иль воп-
росы.
Я прежде не сказалъ,
Что весь народъ Венеру
Въ сей день по слуху ждалъ
Изъ Пафоса въ Цитеру.
Увидяжъ Душеньку, согласно весь народъ
Одинъ другому въ ротъ
Шепталъ за новы вѣсти:
„Венера здѣсь тайкомъ! . . .
„Бѣжитъ отъ всякой чести! . . .
„Венера за столбомъ! . . .
„Венера подъ платкомъ! . . .
„Венера въ сарафанѣ! . . .
„Пришла сюда пѣшкомъ! . . .
„Во храмъ вошла тишкомъ! . . .
„Конечно съ пастушкомъ! . . .“
И весь народъ въ обманѣ
Предъ Душенькою вдругъ колѣна преклонилъ.
Жрецы, со множествомъ курящихся кадилъ,
Воздѣвъ умильно длани,
Просили Душеньку принять народны дани,

И съ милостью воззрѣть
На всяки нужды впредь.
Въ сіе волненіе народа
Возникла вдругъ молва у входа,
Что сущая уже богиня оныхъ мѣстъ,
Влеча съ собой толпы служителей на въѣздъ
И яблоко держа Парисово въ десницѣ,
Со всею славою, въ блестящей колесницѣ,
Въ тотъ часъ изъ Пафоса ко храму прибыла,
И вдругъ при сей молвѣ Венера въ храмъ вошла.

Но кто представитъ живо,
Въ словахъ, или чертахъ,
Богининъ гнѣвъ, народный страхъ,
И общее во храмѣ диво,
И болѣ Душеньку, въ невинномъ торжествѣ,
При самомъ храма божествѣ.
Вотще въ то время всѣхъ Царевна увѣряла,
За чемъ туда пришла,
И кто она была:
Большая часть людей отъ ней не отставала,
Забывъ, что въ храмъ сама Венера прибыла,
Богиня, сѣвъ на тронъ и скрывъ свою досаду,
Колико скрыть могла,
Оставила въ сей день другія всѣ дѣла
И тотъ же часъ приказъ дала,
Представить Душеньку во внутреннюю преграду.
„Богиня всѣхъ красотъ! не сѣтуй на меня"—
Рекла Царевна къ ней, колѣна преклоня;
„Я сына твоего прельщать не умышляла:
„Судьба меня, Судьба во власть къ нему послала.
„Не я ищу людей, а люди въ слѣпотѣ
„Дивятся завсегда малѣйшей красотѣ.

„Сама искала я упасть передъ тобою,
„Сама желаю я твоею быть рабою,
„И въ милость только то прошу себѣ напредь,
„Чтобы всегда могла твое лице я зрѣть.“
Я знаю умыслъ твой! Венера ей сказала,
И тотчасъ кончивъ рѣчь,
Съ Царевной къ Пафосу отъѣхать предпіяла;
Притомъ съ насмѣшкой приказала
Въ пути ее беречь.
Сажають Душеньку въ особу колесницу,
Запрягши въ путь сорокъ станицу;
А для бесѣды съ ней, какъ будто ей чета,
Садятся тутъ же рядомъ
Четыре Фуріи, изверженныя адомъ:
Коварство, Ненависть, Хула и Клевета.
Оставимъ разговоръ сихъ Фурій ухищренныхъ
И скажемъ наконецъ, къ какимъ трудамъ она
Венерой въ Пафосѣ была осуждена,
И кто былъ вождь ея на службахъ повелѣнныхъ.

Изъ многихъ дѣлъ и словъ,
Въ умахъ напечатлѣнныхъ,
Извѣстно мщеніе боговъ,
Во гнѣвѣ раздраженныхъ.
Не рѣдко сильные, пріявъ на небѣ власть,
Безсильныхъ поборали,
Чернили и марали,
И все, что только бы могло предъ ними пасть,
Ногами попирали.
Въ щастливѣйшихъ вѣкахъ
Конечно нѣтъ примѣра
Такому мщенію, какое, всѣмъ во страхъ,
Противу Душеньки умыслила Венера!
Умыслила свою умножить красоту,

А Душеньку привесть, сколь можно въ дурноту,
Чтобъ всѣ отъ Душеньки впослѣдокъ отвращались
И только бы тогда Венерою прельщались.

Не знаю, въ первый день, иль лучше въ перву ночь,
Довольная своею жертвой,
Богиня въ мщеніи послала Царску дочь,
Принесть чрезъ три часа воды живой и мертвой.
Извѣстенъ весь народъ
О дѣйствѣ оныхъ водъ:
Отъ первой кто попьетъ, здоровье получаетъ;
А отъ другой попьетъ, здоровье потеряетъ;
Но въ семъ пути никто не возвращался живъ.
Царевна, къ службѣ сей, какъ должно прицѣпивъ
Подъ плечи два кувшина,
Пошла безъ дальна чина,
Пошла на всѣ труды,
Искать такой воды.
Куда? и кто въ пути ей будетъ провожатымъ?
Амуръ во всѣ часы ея напасти зрѣлъ,
И тотчасъ повелѣлъ
Своимъ слугамъ крылатымъ
Поднять и перенесть Царевну въ тотъ удѣлъ,
Гдѣ всяки воды протекаютъ,
Мертвятъ, цѣлятъ и помогаютъ.
Зефиръ, который тутъ по склонности прильнулъ,

Царевнѣ на ухо шепнулъ,
Что воды окружаетъ
Большой и толстой змѣй, свернувшись вкругъ кольцомъ,
И никого отнюдь къ водамъ не допускаетъ,
Какъ развѣ кто его забавитъ питьецомъ.
Притомъ снабдилъ ее большою съ пойломъ флягой,
Которую велѣлъ, явясь туда съ отвагой,
И змѣю рѣчь сказавъ, въ гортань ему воткнуть.
Когда же пасть свою при пойлѣ змѣй разинетъ,
И голову съ хвостомъ въ то время раздвинетъ,
То Душенька найдетъ себѣ свободный путь,
Живуюль, мертвуюль водицу почерпнуть.
Зефиръ лишь то сказалъ, Царевна путь скончала:
Явилася у водъ,
И змѣю поклонясь, умильну рѣчь сказала,
Котору выдала впослѣдокъ и въ народъ:

„О змѣй Горыничь Чудо-Юда,
„Ты сытъ во всяки времена,
„Ты ростомъ превзошелъ слона,
„Красою помрачилъ верблюда
„Ты всяку здѣсь имѣешь власть,
„Блестишь златыми чешуями,
„И смѣло разѣваешь пасть,
„И можешь всѣхъ давить когтями:
„Содѣлай край моимъ бѣдамъ,
„Пусти меня, пусти къ водамъ."
Хвалы и титулы плѣняютъ всяки уши,
И движутся отъ нихъ жестоки самы души.
Услышавъ похвалы отъ женскаго лица,

Притомъ склоняяся ко сласти питьецъ,
Горынычь пасть разинулъ,
И голову съ хвостомъ при пойлѣ разодвинулъ:
Открылись разныхъ водъ и рѣки и пруды,
И разны къ нимъ слѣды.
Прислужливый Зефиръ, пока сей часъ не минулъ,
Конечно Душеньку въ дорогахъ не покинулъ;
Она, въ свободѣ тамъ попивъ живой воды,
Забыла всѣ свои дорожные труды,
И вдругъ здоровѣй стала.
Писатели гласятъ,
Что Душенька тогда, съ водой явясь назадъ,
Въ отмѣнной красотѣ какъ роза процвѣтала,
И предъ Венерою какъ солнце возблистала,
И будто бы тогда богиня умышляла
Заставить Душеньку лихую воду пить;
Но, просто случаемъ, иль чудомъ можетъ быть,
Кувшинъ съ лихой водой разбился,
И умыслъ въ дѣло не годился.
Богиня видѣла изъ таковыхъ чудесъ,
Что помощь Душенька имѣетъ отъ Небесъ,
Или, точнѣй сказать, отъ самаго Амура;
Но какъ извѣстно было ей,
Что пагубой людей
Обилуетъ Натура,
Послала Душеньку еще въ другой походъ,
Въ надеждѣ, что она скончаетъ тѣмъ животъ,
Или, хоть будетъ жить, но будетъ безъ красотъ.

Въ саду, гдѣ жили Гесперилы,
Читатель вѣдаетъ, что нѣкогда росли
Златыя яблоки, иль просто златовиды,

И сей чудесный садъ Драконы стерегли.
А въ томъ, или въ другомъ саду, вблизи Атласа,
Жила напослѣди Царевна Перекраса.
Потомству всѣ ея не вѣдомы дѣла,
Но всякъ о томъ слыхалъ, что подлинно была
Сихъ чудныхъ мѣстъ она богиня, иль Царица,
И въ сказкахъ на Руси слыла,
Какъ всѣмъ извѣстно, Царь-Дѣвица.
О красотѣ ея имѣетъ весь народъ
Изъ повѣстей доводъ:
Златыя яблоки она вседневно ѣла;
Извѣстно, что отъ нихъ краснѣла и добрѣла.
Но, ради страховъ тамъ и трудностей дорогъ,
Коснуться къ яблокамъ никто другой не могъ.
Хоть не было тогда Драконовъ тамъ, ни змѣя;
Однако садъ сей былъ подъ стражею Кащея,
Который самъ, какъ стражъ, тѣхъ яблокъ не вкушалъ,
И никого отнюдь ихъ ѣсть не допускалъ.
А естьли приходилъ кто яблокъ тѣхъ покушать,
Въ началѣ долженъ былъ его загадки слушать;
Когда же кто не могъ загадокъ отгадать,
Того безъ милости обыкъ онъ послѣ жрать.
Венера, вѣдая сихъ строгихъ мѣстъ законы,
По коимъ властвуютъ Кащей, или Драконы,
Послала Душеньку не жить, а умирать,
Чтобъ яблокъ тѣхъ достать.
Но кто ей скажетъ путь и будетъ помогать?
Зефиръ — она его успѣла лишь назвать,
Зефиръ ей новую явилъ тогда услугу;
И чтобъ холодный вѣтръ не могъ ее встрѣчать,

Пустился съ ней въ сей путь по Югу;
Шепнулъ Царевнѣ онъ, какую рѣчь сказать,
И какъ на всѣ слова Кащею отвѣчать:
Потомъ подъ яблонью подставить только полу,
Въ то время яблоки скатятся сами къ долу,
И можно будетъ ей тогда, оставивъ садъ,
Съ добычею летѣть назадъ,
И яблокъ золотыхъ вкусить по произволу.

Не въ долгомъ времени, не въ день, въ единый часъ,
Явилась Душенька къ Кащею взять приказъ:
Поклонъ, какъ должно, сотворила,
Какъ должно рѣчь проговорила;
Но свѣту рѣчи сей,
Ниже того, что ей
Загадывалъ Кащей,
Она не сообщила.
Извѣстны только намъ послѣдственны дѣла,
Что службу Душенька вторую сослужила;
Что въ новой красотѣ предъ прежнимъ процвѣла,
И горшія себѣ напасти навела.

Къ успѣху мщенія, пришло во умъ богинѣ
Отправить Душеньку съ письмомъ ко Прозерпинѣ,
Велѣвъ искать самой во адъ себѣ пути,
И нѣкакой оттоль горшечикъ принести.
Притомъ нарочно ей Венера наказала,
Горшечка чтобъ она отнюдь не открывала.
Царевнинъ ревностный служитель давнихъ лѣтъ,
Зефиръ, скорѣй стрѣлы спустился паки въ свѣтъ,

И ей полезный далъ совѣтъ
Идти въ дремучій лѣсъ, куда дороги нѣтъ.
Въ лѣсу, онъ ей сказалъ, представится избушка,
А въ той избушкѣ ей представится старушка,
Старушка ей вручитъ волшебный посошекъ,
Покажетъ впослѣди въ избушкѣ уголокъ,
Оттоль покажетъ внизъ ступени,
По коимъ въ адъ низходятъ тѣни;
И Душенька тогда, лишь ступитъ девять разъ,
Къ Плутону въ области окончитъ всю дорогу;
А къ безопасности отъ страховъ, тотъ же часъ
Откроетъ на показъ
Свою прекрасну ногу,
И можетъ впослѣди безстрашно говорить
Съ Плутономъ, съ Прозерпиной, съ Адомъ,
Письмо вручитъ,
Горшечикъ получитъ,
И службу, надлежащимъ рядомъ,
Исправно совершитъ.

Послѣдуя сему закону,
Пошла Царевна въ лѣсъ, куда глаза глядятъ,
Нашла подземный сходъ, ступила девять кратъ,
Сошла тотчасъ во адъ,
Явилась ко Плутону.

Возволновался мрачной край,
Не ждавъ посольства отъ Венеры;
Тризѣвны въ тартарѣ Церберы
Разпространили страшный лай.

Но Душенька, въ сію тревогу,
Едва открыла только ногу,
Какъ вдругъ умолкла адска тварь:
Церберы перестали лаять,
Замерзлый тартаръ началъ таять;
Подземна царства темный Царь,
Который возлѣ Прозерпины
Дремалъ съ надеждою на слугъ,
Смутился тишиною вдругъ:
Возвысилъ вкругъ бровей морщины,
Сверкнулъ блистаньемъ ярыхъ глазъ,
Взглянулъ . . . начавши рѣчь, запнулся,
И съ роду первой разъ
Въ то время улыбнулся.

Узрѣвъ толь сильную посольску полну мочь,
Какую при письмѣ казала Царска дочь,
А паче на нее воззрѣніе Плутона,
Богиня адска трона
Велѣла ей скорѣй пресѣчь
Пристойную на случай рѣчь;
И по письму вручивъ горшечикъ ей приватно,
Ее, безъ дальныхъ словъ, отправила обратно.
Царевна наконецъ могла бы какъ нибудь
Окончить щастливо и новый оный путь;
Но другъ ея Зефиръ сначала,
Какъ видно, бѣдъ не предузналъ,
И ей особо не сказалъ,
Чтобы горшечка не вскрывала.
Царевна много разъ
Въ горшечикъ посмотрѣть въ пути остановлялась,
И въ тотъ же самый часъ
Желанію сопротивлялась.
Напослѣдки смотря и въ стороны и въ слѣдъ,

И до двора уже немного не дошелъ,
Венеры заповѣдь, и гнѣвъ, и страхъ презрѣла,
Открыла кровельку, въ горшечикъ посмотрѣла.
Оттуда, случаемъ лихимъ,
Внезапно вышелъ черный дымъ.
Сей дымъ, за сильной густотою,
Зефиры не могли отдуть;
И бѣлое лицо, и вскрыта бѣла грудь,
У Душеньки тогда покрылись чернотою.
Она старалась пыль платкомъ съ себя стирать;
Но чѣмъ при треніи трудилася сильнѣе,
Тѣмъ дѣлалась чернѣе,
Какъ будтобы свой видъ трудилася марать.
Надѣялась потомъ, хоть какъ нибудь водою
Прошедшую себѣ доставить красоту,
Но, чудною бѣдою,
Прибавила еще, обмывшись, черноту;
И къ токамъ чистыхъ водъ хотя лице склоняла,
И черноту свою хоть много разъ купала,
Смотрясь въ водахъ потомъ, увѣрила себя,
Что темностью она была подобна сажѣ;
Иль просто, такъ сказать, красу свою сгубя,
Была Араповъ гаже.

Въ семъ видѣ Царска дочь
Стыдилась всякой встрѣчи,
И слыша всяки рѣчи,
Отъ всѣхъ бѣжала прочь.
Для бѣлыхъ рукъ ея въ народѣ вышла сказка,
Что будто бы она таилась отъ людей,
И будто бы на ней
Была лишь только маска.
Иные, ей въ посмѣхъ,

Давали странный образъ дѣлу,
И увѣряли всѣхъ,
Что боги, будтобъ ей за грѣхъ,
Арапску голову пришили къ бѣлу тѣлу.
Простой же весь народъ,
Любуясь Душеньки и видомъ и осанкой,
Дивился въ ней еще собранію красотъ,
И звалъ ее тогда прекрасной Африканкой.
Но Душенька, сей видъ
Себѣ имѣя въ стыдъ,
То шею, то лицо платочкомъ закрывала,
И въ горести тогда, куда идти, не знала:
Идти ли ей потомъ, на смѣхъ и на позоръ,
Обратно въ домъ къ Венерѣ.
Или къ роднымъ во дворъ?
Но можетъ ли ихъ взоръ
За точну Душеньку признать ее по вѣрѣ?
Осталось только ей, сокрыть себя тогда
Въ какой нибудь пещерѣ,
Гдѣбъ люди никогда
Ея толь горькаго не видѣли стыда,
И тамъ зарыть себя живую,
Чтобы скорѣе тѣмъ окончить участь злую.

Амуръ жестокость золъ подобно ощущалъ,
Онъ всѣ ея бѣды иль видѣлъ, или зналъ.
Но для чего ее оставилъ онъ безъ стражи,
Когда она несла горшечикъ адской сажи?
Читатель сей вопросъ рѣшитъ конечно самъ:
Угодно было такъ Судьбамъ,
Угодно было такъ Венерѣ,
Чтобъ Душенька была черна,
Чтобъ Душенька была дурна
И крылась отъ людей въ пещерѣ.
Амуръ отверженъ былъ въ Цитерѣ,

И въ небѣ бывъ тогда безъ силъ,
Бѣдѣ нарочно попустилъ,
Чтобъ тѣмъ обезоружить злобу,
Котора Душеньку могла привесть ко гробу.
Для рѣдкости сихъ дѣлъ,
Повсюду міръ шумѣлъ
О родѣ Душеньки, объ участи, о лѣтахъ,
О всѣхъ ея примѣтахъ.
Дошла впослѣдокъ вѣсть,
Чрезъ слухъ, иль какъ ни есть,
Къ сестрамъ ея коварнымъ,
Что Душенька въ раю съ супругомъ лучезар-
нымъ
Не долго пожила;
Что изгнана оттоль за нѣкаки дѣла,
И что напослѣди, скитаяся безъ дѣла,
Изсохла, подурнѣла
И страшно почернѣла.
Онѣ устроили на случай торжество,
И громко всѣмъ трубили,
Что Душеньку вездѣ грѣхи ее губили
И что за то ее караетъ божество.

Превратнымъ разумамъ любови существо
Не вѣдомо и странно.
Сестры Царевны сей,
Навлекши скорби ей,
И всѣ ея дѣла ругая безпрестанно,
Отнюдь не мыслили во мракѣ клеветы,
Чтобъ Душенька, лишась наружной красоты,
Могла Амуромъ быть любима постоянно.
Амуръ, напастями Царевны отвлеченъ,
Стремилъ стараніе къ единому лишь виду,
Чтобъ гнѣвъ Судебъ къ ней былъ, сколь мож-
но, облегченъ,

Какъ будтобы забылъ отъ сестръ ея обиду;
Но послѣ обратилъ ихъ наглость имъ же въ казнь.
На торжество сихъ сестръ нарочнаго отправилъ,
Который отъ него, какъ должно, ихъ поздравилъ;
Благодаря притомъ за дружбу и пріязнь,
Прибавилъ, что Амуръ, любовью къ нимъ пылаетъ
И съ нетерпѣніемъ увидѣть ихъ желаетъ,
И только ждетъ, безъ дальнихъ словъ,
Чтобы онѣ, взошедъ на каменную гору,
Какая выше всѣхъ представится ихъ взору,
Оттуда бросилися въ ровъ;
И что потомъ Зефиръ минуты не утратитъ,
Тотчасъ летящихъ ихъ подхватитъ,
Помчитъ на верьхъ въ небесный край,
И прямо постановитъ въ рай:
А тамъ Амуръ явитъ имъ должныя услуги,
Намѣрясь купно взять обѣихъ ихъ въ супруги.

Услышавъ толь пріятну рѣчь,
Сестры Царевнины отъ радости вскружились:
Скорѣй коней велѣли впречь,
Въ богаты платья нарядились;
Не прочили бѣлилъ, ни мушекъ, ни румянъ,
Опрыскались водами,
Намазались духами,
Хулили Душеньку за дерзость и обманъ,
Отправились къ горѣ, и тамъ, съ крутой вершины,
Спѣшили броситься въ стремнины.

Но ихъ Зефиръ потомъ на верьхъ не подхватилъ,
А дулъ, какъ видно, только въ тылъ;
И въ райское онѣ жилище не попали,
Лишь только головы себѣ, летя, сломали.

Карая тако злость, межь тѣмъ прекрасный богъ
Подробну вѣдомость имѣлъ со всѣхъ дорогъ,
Отъ всѣхъ лѣсовъ и горъ, гдѣ Душенька являлась,
И свѣдавъ, что она
Отъ всѣхъ удалена,
Въ срединѣ горъ скрывалась,
Донесъ богамъ о томъ сполна:
Донесъ, что Душенька была уже черна,
Суха, худа, дурна;
И упросилъ тогда смягченную Венеру,
Чтобъ было наконецъ дозволено ему,
Открыто самому,
Явиться къ Душенькѣ въ пещеру.

Но какъ представился тогда его очамъ
Предметъ любови постоянной?
Нещастна Душенька, въ печали несказанной,
Не ѣла, не пила, не зрѣла свѣта тамъ.
Читатель долженъ знать сначала,
Что Душенька тогда лежала;
Но бокомъ, иль ничкомъ,
Спала, или дремала,
Не вѣдаю о томъ.
И не хочу искать свидѣтельства для вѣры;
Лишь знаю, что она лежала на фатѣ
У входа сей пещеры,
Скрывая голову въ пещерной темнотѣ;

А часть оставшая являлась въ красотѣ
На зрѣлище предъ входомъ;
И быть тогда могла признакомъ и доводомъ,
Когдабъ любовный богъ
О точности вещей имѣть сомнѣнье могъ.
Зефиры видѣли и свѣту возвѣстили,
Что Душеньку Амуръ издалека узналъ,
И руку у нее, подшедши, цѣловалъ;
Но скоро ихъ изъ глазъ обоихъ упустили.
Проснувшись Душенька тогда,
Взглянула, ахнула, закрылась отъ стыда,
Уйти въ пещеру торопилась,
И тамо наконецъ съ Амуромъ изъяснилась,
Невѣдомо въ какихъ словахъ;
А только вѣдомо всему земному кругу
Взаимное отъ нихъ прощеніе другъ другу
Во всѣхъ досадахъ и винахъ.

Амуръ потомъ, при всей свободѣ,
Велѣлъ публиковать въ народѣ
Старинну грамоту, котору самъ Зевесъ,
Въ утѣху всѣхъ дурныхъ, на землю далъ съ небесъ;
И всюду слово въ слово
Та грамота тогда твердилася за ново:
„Законъ временъ творитъ прекрасный видъ худымъ,
„Наружный блескъ въ очахъ преходитъ такъ, какъ дымъ,
„Но красоту души ничто не измѣняетъ:
„Она единая всегда и всѣхъ плѣняетъ.“
Слова сіи Амуръ твердя повсюду самъ,
Представилъ грамоту Венерѣ и богамъ,
А вмѣстѣ съ грамотой и Душеньку представилъ,

Котору въ чернотѣ дурною онъ не ставилъ.
Юпитеръ, покачавъ
Разумной головою,
Амуру далъ уставъ,
По силѣ старыхъ правъ,
Чтобъ вѣкъ плѣнялся онъ душевной красотою,
И Душенька былабъ всегда его четою.
Сама богиня красоты,
Изъ жалости тогда, иль нѣкакой тщеты,
Какъ то случается обычно,
Нашла за должно и прилично,
Чтобы ея сноха,
Терпѣніемъ своимъ очистясь отъ грѣха,
Наружну красоту обратно получила:
Небесною она росой ее умыла,
И стала Душенька полна, цвѣтна, бѣла,
Какъ прежъ сего была.
Амуръ и Душенька другъ другу равны стали,
И боги всѣ тогда ихъ вѣчно сочетали.
Отъ нихъ родилась дочь, прекрасна такъ, какъ мать;
Но какъ ее назвать,
Въ Россійскомъ языкѣ писатели не знаютъ.
Иные дочь сію Утѣхой называютъ,
Другіе Радостью, и Жизнью наконецъ;
И пусть, какъ хочетъ, всякъ мудрецъ
На свой зоветъ ее особый образецъ.
Не премѣняется названіемъ Натура:
Читатель знаетъ то, и знаетъ весь народъ,
Каковъ родиться долженъ плодъ
Отъ Душеньки и отъ Амура.

КОНЕЦЪ.

ПЕРЕМѢНЫ,

сдѣланныя авторомъ при второмъ и третьемъ изданіяхъ Душеньки.

СТИХИ

ПЕРВАГО ИЗДАНІЯ, ПЕРЕМѢНЕННЫЕ ПРИ ВТОРОМЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Втораго изданія на страницѣ 1й вмѣсто 2го стиха, а сего осьмаго изданія на страницѣ 73й вмѣсто 2го же стиха, — въ первомъ изданіи было напечатано:

Гдѣ боги спорили и гдѣ дрались герои,

Изд. II, *вм.* 4.
Изд. VIII, *вм.* 4 *же ст.*

Тебя, о Душенька, я въ помощь призываю,

Изд. II, *вм.* 6 *го.*
Изд. VIII, *вм.* 6 *же ст.*

Котору въ простотѣ свободной я слагаю.

Изд. II, *вм.* 9.
Изд. VIII, *вм.* 9 *же ст.*

Подай мнѣ нѣжну мысль, и разумъ мой осмѣль.

Изд. II, *вм.* 11 *ст.*
Изд. VIII, *вм.* 11 *же ст.*

Гдѣ ты всегда безъ бѣдъ проводишь сладки дни.

Изд. II, *стр.* 2, *ст.* 2, 3, 4, 5, 6.
Изд. VIII, *ст.* 14, 15, 16, 17, 18 *ст.*

Яви потоки мнѣ чудесной Ипокрены,
Будь ты мой Аполлонъ и ты мой будь Парнассъ,
Содѣлай въ холодѣ щасливы перемѣны,
Яви всегдашнюю свою весну у насъ.
Съ тобою завсегда присутствуютъ Зефиры,

Изд. II, *ст.* 12, 13, 14.
Изд. VIII, *стр.* 74, *ст.* 5, 6, 7 *ст.*

Гомеръ, отецъ стиховъ,
Вездѣ умомъ богатыхъ
И равныхъ и двойчатыхъ!

Изд. II, *ст.* 16, 17.
Изд. VIII, *ст.* 9, 10 *ст.*

Болъ мѣрныхъ пѣсней я не строю;

Изд. II, *ст.* 19, 20.
Изд. VIII, *ст.* 11, 12 *ст.*

По вольному стиховъ покрою,
На всякой образецъ краю:

Изд. II, *ст.* 2Ƅ.
Изд. VIII, *ст.* 16 *ст.*

Отважно ставлю на концахъ,

Изд. II, *ст.* 26.
Изд. VIII, *ст.* 18 *ст.*

Отважно и покойно стану,

Изд. II, *стр.* 3, *в.н.* 5.
Изд. VIII, *в.н.* 24 *ст.*

Но чтобъ въ часы забавъ, веселья и покоя,

Изд. II, *в.н.* 16, 17, 18, 19, 20, 21.
Изд. VIII, *стр.* 75, *в.н.* 3, 4, 5, 6, 7, 8 *ст.*

Могу поставить въ свѣтъ свидѣтелями ихъ,
Что въ вольныхъ я стихахъ моихъ,
Писалъ за ними въ слѣдъ Исторію неложно,
И точно то сказалъ, что люди знали встарь.

Во древней Греціи, въ то время
Когда размножилось повсюду Царско племя,
Какъ въ каждомъ городкѣ былъ Царь,

Изд. II, *стр.* 4, *в.н.* 4.
Изд. VIII, *в.н.* 17 *ст.*

И злы и хищны такъ, какъ волки иль медвѣди:

Изд. II, *в.н.* 10.
Изд. VIII, *в.н.* 23 *ст.*

Но тотъ, о коемъ я хочу сказать теперь,

Изд. II, *в.н.* 12.
Изд. VIII, *в.н.* 25 *ст.*

Былъ обществу полезенъ,

Изд. II, *в.н.* 16.
Изд. VIII, *стр.* 76, *в.н.* 1 *ст.*

И естьли находилъ онъ въ людяхъ звѣрски души,

Изд. II, *вм*. 18, 19, 20, 21, 22.
Изд. VIII, *вм*. 3, 4, 5, 6, 7 *ст*.

Инымъ коровій хвостъ, инымъ двѣ пары ногъ.
Инымъ верблюжій горбъ, инымъ бараній рогъ
Отъ ѣдкой древности, котора все глотаетъ,
Архива дѣлъ его не вся сбережена:
Остатокъ правъ его однако почитаетъ

Изд. II, *вм*. 24.
Изд. VIII *вм*. 9 *ст*.

Завистливымъ велѣлъ безъ дѣла вѣкъ труждаться,

Изд. II, *вм*. 26.
Изд. VIII, *вм*. 11 *ст*.

Всегда крушило ихъ,

Изд. II, *стр*. 5, *вм*. 6.
Изд. VIII, *вм*. 18 *ст*.

И всѣмъ потомкамъ ихъ далъ въ казнь такуюжъ спѣсь,

Изд. II, *вм*. 21.
Изд. VIII, *стр*. 77, *вм*. 5 *ст*.

Велѣлъ чтобъ всякіе злонравны чудаки,

Изд II, *вм*. 23.
Изд. VIII, *вм*. 7 *ст*.

По коимъ въ обществѣ ихъ люди узнавали,

Изд. II, *в.и.* 25.
Изд. VIII, *в.и.* 9 *ст.*

По общимъ мнѣніямъ уставъ сей былъ не строгъ,

Изд. II. *стр.* 6, *в.и.* 5, 6, 7 8, 9.
Изд. VIII, *в.и.* 16, 17, 18, 19, 20 *ст.*

Овидій, басенной Исторіи писатель,
Который никогда неправды не сказалъ,
Овидій, общій нашъ и Греческій пріятель,
Подробно описалъ
Какъ казни до сего у Грековъ были часты,

Изд. II, *в.и.* 18.
Изд. VIII, *в.и.* 29 *ст.*

За всяку злобу ихъ,

Изд. II. *в.и.* 26.
Изд. VIII, *стр.* 78, *в.и.* 4 *ст.*

Такая нова власть, безъ всякой строгой казни,

Изд. II, *стр.* 7, *в.и.* 5.
Изд. VIII, *в.и.* 10 *ст.*

О естьлибъ ты Гомеръ проснулся,

Изд. II, *в.и.* 25, 26.
Изд. VIII, *в.и.* 30, 31 *ст.*

Особожъ онъ тогда былъ славенъ изъ Царей,
Имѣя въ домѣ трехъ прекрасныхъ дочерей.

Изд. II, *стр.* 8, *вм.* 13.
Изд. VIII, *стр.* 79, *вм.* 11 *ст.*

Я только лишь скажу: меньшая Царска дочь,

Изд. II, *вм.* 16, 17, 18, 19.
Изд. VIII, *вм.* 14, 15, 16, 17 *ст.*

Въ языкахъ же другихъ, по толку мудрецовъ,
Слыла она Душа, при переводѣ словъ:
У Руских Душенька она именовалась;

Изд. II, *вм.* 22.
Изд. VIII, *вм.* 20 *ст.*

Къ названію ея приличнѣйшее слово,

Изд. II, *стр* 9, *вм.* 1, 2, 3.
Изд. VIII, *вм.* 26, 27, 28 *ст.*

Но часто похвала,
Опаснѣй чѣмъ хула.
Завистный міръ не любитъ,

Изд. II, *вм.* 5.
Изд. VIII, *вм.* 30 *ст.*

И рѣжетъ правду въ слухъ

Изд. II. *вм.* 10.
Изд. VIII. *стр.* 80, *вм.* 3 *ст.*

Когда весь міръ и вся Цитерская округа,

Изд. II, *ст.* 12.
Изд. VIII. *ст.* 5 *ст.*

Тебя едину обожали,

Изд. II, *ст.* 17, 18, 19, 20, 21.
Изд. VIII. *ст.* 10, 11, 12, 13, 14 *ст.*

Бѣжитъ толпою изъ Цитера,
Оставленна отъ всѣхъ Венера,
Куда ни обратитъ свой взоръ,
Не видитъ жертвъ и ѳиміамовъ;

Изд. II, *стр.* 10, *ст.* 14.
Изд. VIII, *ст.* 35 *ст.*

Вездѣ унылость лишь несло.

Изд. II, *стр.* 11, *ст.* 4.
Изд. VIII, *стр.* 81, *ст.* 17 *ст.*

То каждый говорилъ на Душиньку свободно.

Изд. II, *ст.* 10.
Изд. VIII, *ст.* 23 *ст.*

Потомъ пустилась въ путь, Амура навѣстить.

Изд. II, *стр.* 12. *ст.* 9.
Изд. VIII, *стр.* 82, *ст.* 18 *ст.*

„Ты знаешь, дѣти всѣ Юпитеровы смѣлы,

Изд. II. *ст.* 12.
Изд. VIII. *ст.* 21 *ст.*

И можешь ли терпѣть, что Душинька собою,

Изд. II, *ст*. 19, 20, 21, 22, 23, 24.
Изд. VIII, *ст*. 28, 29, 30, *и стр*. 83, *ст*. 1, 2, 3 *ст*.

„Содѣлай Душиньку нещастною во вѣкъ:
„Чтобы такой на ней женился человѣкъ,
„Который былъ бы всѣхъ душей и тѣломъ хуже;
„Чтобы она нашла себѣ тирана въ мужѣ,

Изд. II, *ст*. 27.
Изд. VIII, *ст*. 6 *ст*.

„Чтобы краса ея увяла,

Изд. II, *стр*. 13, *ст*. 3.
Изд. VIII, *ст*. 10 *ст*.

Хотя онъ зналъ Венеры свойство,

Изд. II, *ст*. 6, 7.
Изд. VIII, *ст*. 13, 14 *ст*.

Свою озлобленную мать,
И былъ ей долженъ обѣщать,

Изд. II, *ст*. 9.
Изд. VIII, *ст*. 16 *ст*.

То слыша, вкругъ его Амуры ужаснулись,

Изд. II, *ст*. 12, 13, 14, 15, 16.
Изд. VIII, *ст*. 19, 20, 21, 22, 23 *ст*.

Что гнѣвъ на Душиньку отъ сына навлекла.
Назначила отъѣздъ во островъ свой обратно,
Съ улыбкою на всѣхъ кидая взоръ пріятно;

И въ изъявленіе отмѣнна торжества,
Представила себя во славѣ божества.

Изд. II, *ст.* 20.
Изд. VIII, *ст.* 27 *ст.*

Богиня древній свой устроила парадъ,

Изд. II, *стр.* 14, *ст.* 2.
Изд. VIII, *стр.* 84, *ст.* 8 *ст.*

Продерзки волны усмиряетъ;

Изд. II, *ст.* 4.
Изд. VIII, *ст.* 10 *ст.*

Жемчугъ ей ищетъ тамъ на днѣ;

Изд. II, *ст.* 18.
Изд. VIII, *ст.* 24 *ст.*

Даетъ вездѣ приказы строги,

Изд. II, *ст.* 20.
Изд. VIII, *ст.* 26 *ст.*

Предъ нею громко трубитъ въ рогъ.

Изд. II, *стр.* 15, *ст.* 18, 19, 20.
Изд. VIII, *стр.* 85, *ст.* 17, 18, 19 *ст.*

Другіяжъ, красотамъ дивясь,

Изд. II, *ст.* 29.
Изд. VIII, *ст.* 28 *ст.*

Венеру могутъ лобызать

Изд. II, *стр.* 18, *ст.* 4.
Изд. VIII, *стр.* 87, *ст.* 21 *ст.*

И противъ ней свою неутолиму месть;

Изд. II, *ст.* 6.
Изд. VIII, *ст.* 23 *ст.*

Велѣла сродникамъ Царевны быть готовымъ

Изд. II, *ст.* 8,9,10,11.
Изд. VIII, *ст.* 25, 26, 27, 28 *ст.*

Пока ее они
Не приведутъ къ ней въ руки,
На всѣ оставши дни
Терпѣть различны муки.

Изд. II, *ст.* 27.
Изд. VIII, *стр.* 88, *ст.* 10 *ст.*

Коль люди въ стыдъ богинь ее боготворили;

Изд. II, *стр.* 19, *ст.* 1.
Изд. VIII, *ст.* 13 *ст.*

Слова тѣ Душинькѣ хотя прїятны были,

Изд. II, *ст.* 3.
Изд. VIII, *ст.* 15 *ст.*

Когда бы ихъ тогда сказалъ любовникъ ей

Изд. II, *ст.* 25, 26, 27.
Изд. VIII, *стр.* 89, *ст.* 3, 4, 5 *ст.*

„Поди ты Душинька, въ лѣса,
„Бѣги, бѣги людей отнынѣ,
„И лучше ты живи въ пустынѣ.“

Изд. II, *стр.* 20 *ст.* 3.
Изд. VIII, *ст.* 8 *ст.*

Они тогда о ней не менѣе крушились,

Изд. II, *ст.* 13.
Изд. VIII, *ст.* 18 *ст.*

А къ нимъ Жрецы пророки

Изд. II, *ст.* 15.
Изд. VIII, *ст.* 20 *ст.*

Отвѣтъ же былъ притомъ не менѣ безтолковъ,

Изд. II, *ст.* 18.
Изд. VIII, *ст.* 23 *ст.*

„Есть чудо съ крыльями, которо всѣхъ язвитъ,

Изд. II, *ст.* 20.21.
Изд. VIII, *ст.* 25, 26 *ст.*

„Всегда грызетъ сердца, питается слезами,
„Всегда оружіе имѣетъ на плечахъ,

Изд. II, *ст.* 26.
Изд. VIII, *стр.* 90, *ст.* 3 *ст.*

„Сыскать къ супругу путь даютъ особый знакъ:

Изд. II, *стр.* 21, *ст.* 2, 3.
Изд. VIII, *ст.* 5, 6 *ст.*

„Горы которая не видима отсель,
„И выше всѣхъ, стоитъ за тридевять земель,

Изд. II, *ст.* 6,7.
Изд. VIII, *ст.* 9, 10 *ст.*

Отвѣтъ сей сродниковъ въ сомнѣніе привелъ
И неописанной въ нихъ ужасъ произвелъ,

Изд. II, *ст.* 25.
Изд VIII, *ст.* 28 *ст.*

Отъ разныхъ страховъ сихъ родные возмущались;

Изд. II, *стр.* 22, *ст.* 3.
Изд. VIII, *стр.* 91, *ст.* 1 *ст.*

Не знали только, гдѣ высокая гора,

Изд. II, *ст.* 12, 13.
Изд. VIII, *ст.* 10, 11 *ст.*

Что должно ѣхать съ ней имъ прямо на Парнасъ;
Извѣстно было имъ, что нѣкоторы Музы

Изд II, *ст.* 24.
Изд. VIII, *ст.* 22 *ст.*

Хотя мѣста тѣ святы,

Изд. II, *ст.* 28.
Изд. VIII, *ст.* 26 *ст.*

Гдѣ змѣи лютые въ чести.

Изд. II, *стр*. 23, *см*. 2.
Изд. VIII, *см*. 28 *ст*.

Иные думали вести ее къ Атласу,

Изд. II, *см*. 7.
Изд. VIII, *стр*. 92, *см*. 1 *ст*.

Но люди смѣлые изъ плачущей родни

Изд. II, *см*. 9.
Изд. VIII, *см*. 3 *ст*.

Что змѣи тамъ легко Царевну могутъ скушать,

Изд. II, *см*. 11, 12, 13.
Изд VIII, *см*. 5, 6, 7 *ст*.

И громко вся родня, безъ дальняго суда,
Воскликнула тогда,
Что Душинька отнюдь изъ дома не поѣдетъ,

Изд. II, *см*. 16, 17.
Изд. VIII, *см*. 10, 11 *ст*.

Родня Царевнина и Царь ея отецъ
Желали лучше всѣ, боговъ противясь власти,

Изд. II, *см*. 24.
Изд. VIII, *см*. 18 *ст*.

На свѣтѣ скучивъ безъ супруга,

Изд. II, *ст.* 27.
Изд. VIII, *ст.* 21 *ст.*

А чтобъ видна была роднѣ ея услуга,

Изд. II, *стр.* 24, *ст.* 1, 2, 3.
Изд. VIII, *ст.* 23, 24, 25 *ст.*

,,Живите въ щастіи, она сказала имъ:
,,Я васъ должна спасти нещастіемъ моимъ.
,,Пускай свершается боговъ безсмертныхъ воля,

Изд. II, *ст.* 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13.
Изд. VIII, *ст.* 27, 28 *и стр.* 93, *ст.* 1,2,3,4,5,6 *ст.*

Совѣтъ пустился плакать снова,
Никто отъ горести не могъ промолвить слова,
И слезы тутъ у всѣхъ катились по лицу.
Но въ горестнѣйшемъ плачѣ
Никто съ Царицею сравниться не возмогъ;
Она пускала стонъ и жалобы всѣхъ паче.
То, память потерявъ, валилась часто съ ногъ,
То въ горести, теряя мѣру,

Изд. II, *ст.* 23.
Изд. VIII, *ст.* 16 *ст.*

Но хоть кричала то во всю большую мочь

Изд. II, *стр.* 25, *ст.* 17, 18.
Изд. VIII, *стр.* 94, *ст.* 3, 4 *ст.*

Безъ кучера и безъ возжей,
Пустя по волѣ лошадей.

Изд. II, *ем.* 20, 21.
Изд. VIII, *ем.* 6, 7 *ст.*

,,Судьба конечно приведетъ
,,На мѣсто щастія иль бѣдъ,

Изд. II, *ем.* 26.
Изд. VIII, *ем.* 12 *ст.*

Садится Царска дочь и съ нею мать Царица,

Изд. II, *стр.* 26, *ем.* 4.
Изд. VIII, *ем.* 16 *ст.*

Везутъ безъ поводовъ,

Изд. II, *ем.* 23.
Изд. VIII, *стр.* 95, *ем.* 8 *ст.*

Тутъ всякъ изъ нихъ стихамъ давалъ различ-
ный толкъ,

Изд. II, *стр* 27, *ем.* 17.
Изд. VIII, *стр.* 96, *ем.* 2 *ст.*

Другіе въ честь ей гимны пѣли,

Изд. II, *ем.* 20, 21, 22, 23.
Изд. VIII, *ем.* 5, 6, 7, 8 *ст.*

И возвратяся въ домъ
За диво возвѣщали,
Другіежъ божествомъ
Царевну называли,

Изд. II, *стр*. 28, *вм*. 10.
Изд. VIII, *вм*. 24 *ст*.

Но въ нихъ ни одного пригорка не видали;

Изд. II, *вм*. 16.
Изд. VIII, *вм*. 30 *ст*.

Тамъ сами лошади остановились вдругъ,

Изд. II, *вм*. 18.
Изд. VIII, *вм*. 32 *ст*.

Тогда тамъ всѣ Судебъ признаки находили,

Изд. II, *стр*. 29, *вм*. 5.
Изд. VIII, *стр*. 97, *вм*. 13 *ст*.

Тамъ всѣ при каждомъ шагѣ,

Изд II, *вм*. 11.
Изд VIII, *вм*. 19 *ст*.

Инымъ тамъ видѣлись Мегеры,

Изд. II, *вм*. 17, 18, 19, 20.
Изд. VIII, *вм*. 25, 26, 27, 28 *ст*.

Но Царь и Дочь пошли, и свита въ слѣдъ пустилась:
Осталась на пути одна Царица мать,
Не могши далѣе шагать,

Изд. II, *ст.* 22.
Изд. VIII, *ст.* 30 *ст.*

Хрустальная кровать

Изд. II, *ст.* 27.
Изд. VIII, *стр*, 98, *ст.* 4 *ст.*

Которы тамъ драконы жрали.

КНИГА ВТОРАЯ.

Изд. II, *стр.* 31, *ст.* 8.
Изд. VIII, *стр.* 99, *ст.* 8*й же ст.*

Или что въ повѣстяхъ ужаснѣйшихъ читала,

Изд. II, *ст.* 14, 15.
Изд. VIII, *ст.* 14, 15*й же ст.*

Печальну жалобу нь Небо произнесть,
Помчалась кь Небу вдругъ, куда никто не вѣсть:

Изд. II, *стр.* 32, *ст.* 1, 2, 3, 4, 5.
Изд. VIII, *ст.* 16 17, 18, и *стр.* 100 *ст.* 1, 2 *ст.*

Безъ крылъ несла ее невидимая сила;
И Царское дитя,
Едва не обмерло, по воздуху летя.
Невидимый Зефиръ, воздушный Нимфъ носитель,

Который былъ ея и спутникъ и хранитель,
Увидѣвъ рѣдку красоту,

Изд. II, *ст.* 7, 8, 9, 10, 11, 12.
Изд. VIII, *ст.* 4,5,6,7,8,9 *ст.*

Какая власть его послала
Ее восхитить въ высоту;
Всѣ мысли устремилъ къ неслыханному диву,
И внѣ себя взвѣвалъ ей платье на лету.
Но видя наконецъ онъ Душиньку чуть живу,
Пріятнымъ голосомъ сей страхъ ея пресѣкъ;

Изд. II, *ст.* 17, 18, 19, 20. 21, 22, 23 24, 25.
Изд. VIII, *ст* 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22 *ст.*

Что къ ней Зефировъ полкъ назначенъ во услуги;
Далъ вѣдать о себѣ, отколь и кто таковъ,
И множество притомъ сказалъ ей лестныхъ словъ.
Амуры вкругъ летя тѣ рѣчи подтвердили,
И Душиньку тогда отъ страха свободили.
Чрезъ нѣсколько минутъ, Зефиръ ее вознесъ
Къ селенью нѣкому межъ облакъ и небесъ,

Изд. II, *ст.* 27.
Изд. VIII, *ст.* 24 *ст.*

Тутъ взорамъ Душиньки открылась тьма чудесъ!

Изд. II, *стр.* 33, *ст.* 3.
Изд. VIII, *ст.* 28 *ст.*

И розами вездѣ усыпанны дороги:

Изд. II, *ст*. 5, 6.
Изд. VIII, *стр*. 101, *ст*. 2, 3 *ст*.

Невиданной работы,
Агатныя вороты
Съ четырехъ всѣхъ сторонъ,

Изд. II, *ст*. 11.
Изд. VIII, *ст*. 8 *ст*.

Таковъ былъ первый видъ, читатель примѣчай,

Изд. II, *ст*. 14,15.
Изд. VIII, *ст*. 11, 12 *ст*.

Нечаянно взнеслась въ устроенный ей рай.
Въ надеждѣ на боговъ, съ щастливымъ толь признакомъ,

Изд. II, *ст*. 19.
Изд. VIII, *ст*. 16 *ст*.

Имъ Душинькинъ приходъ приказано стеречь,

Изд. II, *ст*. 25.
Изд. VIII, *ст*. 22 *ст*.

Отъ Нимфъ ей сказаны похвальныя слова,

Изд. II, *стр*. 34, *ст*. 5.
Изд. VIII, *ст*. 28 *ст*.

Но Душинька имъ всѣмъ велѣла быть въ покоѣ,

Изд. II, *в.и.* 8, 9, 10.
Изд VIII, *стр.* 102, *вм.* 1, 2, 3 *ст.*

Читатель! такъ видалъ ты матку въ пчельномъ роѣ,
Когда юнѣйшій родъ, оставя старыхъ пчелъ,
Бунтуетъ, рѣзвится, журчитъ и въ даль летаетъ,

Изд. II, *в.и.* 17.
Изд. VIII, *вм.* 10 *ст.*

Ей только предвѣстилъ, но прямо не нарекъ.

Изд. II, *в.и.* 19.
Изд. VIII, *в.и.* 12 *ст.*

И съ нетерпѣніемъ служащихъ вопрошала;

Изд. II, *в.и.* 23, 24.
Изд. VIII, *вм.* 16, 17 *ст.*

И Душинька о немъ въ незнаніи была.
Межь тѣмъ она прошла крыльцовыя степени,

Изд. II, *стр.* 35, *в.и.* 5, 6.
Изд. VIII, *в.и.* 25, 26 *ст.*

Царевна райскіе увидѣла сады,
И прежніе свои забыла всѣ труды.

Изд. II, *в.м.* 8.
Изд. VIII, *в.м.* 28 *ст.*

Какіе созидать лишь только могутъ боги,

Изд. II, *ст.* 15.
Изд. VIII, *стр.* 103, *ст.* 6 *ст.*

И благовонныя рабошали ей мылы,

Изд. II, *ст.* 17.
Изд. VIII, *ст.* 8 *ст.*

Для нѣкакой въ нихъ силы.

Изд. II, *ст.* 22.
Изд. VIII, *ст.* 13 *ст.*

Какія были шамъ гошовы,

Изд. II, *ст.* 24, 25, 26, 27.
Изд. VIII, *ст.* 15, 16, 17, 18 *ст.*

Но слугъ различныхъ полкъ, предъ шѣмъ
оплдавъ поклонъ,
Былъ долженъ выйши вонъ
Амуры за дверьми, не бывъ при ней въ ус-
лугѣ,
Тогда лишь слѣдъ ея лобзали на досугѣ.

Изд. II, *стр.* 36, *ст.* 1, 2.
Изд. VIII, *ст.* 19, 20 *ст.*

Зефирыжъ хищные имѣя входъ вездѣ,
За шѣмъ что росшомъ мѣлки,

Изд. II, *ст.* 5.
Изд. VIII, *ст.* 23 *ст.*

Гдѣ Царска дочь купалась:

Изд. II; *ст*. 9, 10.
Изд. VIII, *ст*. 27, 28 *ст*.

Зефиры, коихъ я щастливѣйшими чту!
Вы тамо видѣли Царевны красоту:

Изд. II, *ст*. 13.
Изд. VIII, *ст*. 31 *ст*.

Всѣ части, всѣ черты,

Изд. II, *ст*. 15.
Изд. VIII, *стр*. 104, *ст*. 2 *ст*.

Которыхъ разуму представить не удобно;

Изд. II, *ст*. 17.
Изд. VIII, *ст*. 4 *ст*.

Молчанье ваше разумѣю:

Изд. II, *ст*. 20.
Изд. VIII, *ст*. 7 *ст*.

Я Душиньки красотъ описывать не смѣю

Изд. II, *ст*. 22, 23.
Изд. VIII, *ст*. 9, 10 *ст*.

Съ улыбкою свои раскидывала взгляды,
На изготовленны ей платья и наряды

Изд. II, *стр*. 37, *ст*. 5, 6.
Изд. VIII, *ст*. 18, 19 *ст*.

Иль лучше такъ сказать, что мысль ея творила
Коль вещи съ мыслями предъ ней являлись вдругъ.

Изд. II, *ст.* 10.
Изд. VIII, *ст.* 23 *ст.*

И по стѣнамъ стоятъ предъ ней великимъ рядомъ,

Изд. II *ст.* 18, 19, 20, 21, 22.
Изд. VIII, *ст.* 31 *и стр.* 105, *ст.* 1, 2, 3, 4 *ст.*

Въ ближайшей залѣ былъ къ обѣду столъ готовъ;
Тамъ ѣствы и напитки
Являли всѣхъ сластей довольство и избытки.
Тамъ нектаръ всѣхъ родовъ,
И все что для боговъ,

Изд. II, *ст.* 26, 27, 28.
Изд. VIII, *ст.* 8, 9, 10 *ст.*

Та пища красоты и силы предавала,
И Душинька труды покушавъ забывала.
Амуры, чтобъ при томъ ей ревность изъявить,

Изд. II, *стр.* 38, *ст.* 1, 2.
Изд. VIII, *ст.* 12, 13 *ст.*

Иной былъ кравчимъ тамъ, другой носилъ посуду,
Иль рюмки наливалъ, и всякъ совался всюду;

Изд. II, *ст.* 4.
Изд. VIII, *ст.* 15 *ст.*

Кому, изъ рукъ своихъ, ихъ новая богиня

Изд. II, *ст.* 10.
Изд. VIII, *ст.* 21 *ст.*

Царевны зрѣніемъ единымъ услаждались.

Изд. II, *ст.* 15, 16.
Изд. VIII, *ст.* 26, 27 *ст.*

Какія сочинять лишь можетъ богъ стиховъ.
Въ началѣ райскія тамъ собранны пѣвицы,

Изд. II, *ст.* 20.
Изд. VIII, *ст.* 31 *ст.*

Но впрочемъ Душинька рѣшиться не могла,

Изд. I', *ст.* 23.
Изд. VIII, *стр.* 106 *ст.* 2 *ст.*

Онѣ имѣли всѣ въ искуствѣ равну честь,

Изд. II, *стр.* 39, *ст.* 8, 9.
Изд. VIII, *ст.* 16, 17 *ст.*

Толь медленно, толь внятно,
И содержаніе ихъ было толь пріятно,

Изд II, *ст.* 13.
Изд. VIII, *ст.* 21 *ст.*

И послѣ по всему ихъ дому распустила.

Изд. II, *ст.* 16, 17, 18, 19, 20, 21.
Изд. VIII, *ст.* 24, 25, 26, 27, 28, 29 *ст.*

Впослѣдокъ таковы и къ намъ они дошли
„Любови всѣ сердца подвластны,

„И сами боги чтутъ законъ,
„Какой уставилъ Купидонъ,
„Чтобъ были всѣ ему причастны.
„Познай красавица, любовь;
„Ты щастіе познаешь вновь."
Та пѣсня многажды предъ Душинькой пропѣта.

Изд. II, *ст* 23, 24.
Изд. VIII, *ст.* 31 и *стр.* 107, *ст.* 1 *ст.*

Потомъ одна изъ Нимфъ къ ней вышла доложить,
Что время было опочить.

Изд. II, *стр* 40, *ст.* 2.
Изд. VIII, *ст.* 6 *ст.*

И тамъ, ко всякому покою отъ дорогъ,

Изд. II, *ст.* 5, 6.
Изд. VIII, *ст.* 9, 10 *ст.*

Обѣщанный супругъ, чрезъ нѣсколько минутъ,
Въ невидимомъ лицѣ тогда явился тутъ.

Изд. II, *ст.* 9.
Изд. VIII, *ст.* 13 *ст.*

Онъ былъ въ объятіяхъ, но не былъ онъ въ очахъ,

Изд. II, *ст.* 11, 12, 13.
Изд. VIII, *ст.* 15, 16, 17 *ст.*

Никто не вѣдаетъ, ни что сказалъ женихъ,

Ни что они потомъ другъ съ другомъ говорили,
Ни о подробностяхъ, притомъ какія были;

Изд. II, *вм.* 19, 20.
Изд. VIII, *вм.* 23, 24 *ст.*

Супружество могло быть впрочемъ ей пріятно,
Лишь только таинство въ немъ было непонятно:

Изд. II, *стр.* 41, *вм.* 6,7.
Изд. VIII, *стр.* 108, *вм.* 8,9 *ст.*

Неслыханъ былъ толь тайный бракъ.
Царевна думая о томъ и такъ и сякъ,

Изд. II, *вм.* 13.
Изд. VIII, *вм.* 15 *ст.*

Хотя же Душинька инако разумѣла,

Изд. II, *вм.* 15, 16.
Изд. VIII, *вм.* 17, 18 *ст.*

И изъ его при томъ пріятнѣйшихъ рѣчей,

Изд. II, *вм.* 27, 28.
Изд. VIII, *вм.* 29, 30 *ст.*

Въ сомнѣнномъ семъ ея удѣлѣ
Скрывалася ночная тѣнь,
И Душинька межь тѣмъ въ постелѣ,
Не зная какъ рѣшить о дѣлѣ,

Изд. II, *стр.* 42, *ст.* 1, 2, 3.
Изд. VIII, *ст.* 31, 32, 33 *ст.*

Увидѣла, что былъ ужь день;
Но день сей могъ ли тамъ забавить?

Изд, II, *ст.* 7, 8.
Изд. VIII, *стр.* 109, *ст.* 4, 5 *ст.*

Она желала дня конца,
И съ нетерпѣніемъ ждала обратно ночи.
Тутъ снова сонъ закрылъ ея прекрасны очи,

Изд. II, *ст.* 13.
Изд. VIII, *ст.* 10 *ст.*

То, словомъ, образъ былъ младаго Аполлона.

Изд. II, *между* 20 *и* 21.
Изд. VIII, *между* 17 *и* 18 *ст.*

Дай зрѣть себя, любезный мой!

Изд. II, *ст.* 28.
Изд. VIII, *ст.* 25 *ст.*

Намѣсто бѣглеца, свой спальный капишонъ.

Изд. II; *стр.* 43, *ст.* 1, 2.
Изд. VIII, *ст.* 26, 27 *ст.*

Быть можетъ, что тогда супругъ, со-
крывшись тамо,
Въ близи подслушивалъ ея любовный бредъ,

Изд. II. *ст.* 4, 5.
Изд. VIII, *ст.* 29, 30 *ст.*

Супруга своего она лишь зрѣла слѣдъ,
Лишь только было ей тогда узнать возможно

Изд. II, *ст.* 7, 8, 9, 10, 11.
Изд. VIII, *стр.* 110, *ст.* 1, 2, 3, 4, 5 *ст.*

Что онъ, ушедъ отъ ней, оставилъ ей любовь,
Что Душинька тогда любовью сей пылала;
Но тщетно зрѣть его желала,
И въ прежни мысли вверглась вновь.
Услужный сонъ, кружась надъ нею съ тишиною,

Изд. II. *ст.* 25.
Изд. VIII, *ст.* 19 *ст.*

Я Душинькину въ томъ послѣдуя уставу,

Изд. II, *ст.* 28.
Изд. VIII, *ст.* 22 *ст.*

Что только лишь могло ей дѣлать тамъ забаву.

Изд. II, *стр.* 44, *ст.* 2, 3.
Изд. VIII, *ст.* 24, 25 *ст.*

И не оставила, тамъ бѣгая, угла

Изд. II, *ст.* 9.
Изд. VIII, *стр.* 111, *ст.* 2 *ст.*

Одни Зефиры лишь ей слѣдовать могли,

Изд. II, *ст.* 17.
Изд. VIII, *ст.* 10 *ст.*

Которы Душинька, осматривая вкругъ,

Изд. II, *ст.* 20.
Изд. VIII, *ст.* 13 *ст.*

Едина отъ другой смотрѣнье отвлекала;

Изд. II, *ст.* 24.
Изд. VIII, *ст.* 17 *ст.*

Для отдыха она на время отъ трудовъ;

Изд. II, *стр.* 45, *ст.* 4.
Изд. VIII, *ст.* 22 *ст.*

Безсмертно царствуютъ, какъ память ихъ
въ умахъ.

Изд. II, *ст.* 13, 14.
Изд. VIII, *стр.* 112, *ст.* 1, 2 *ст.*

Тамъ образъ Душинькинъ стоялъ,
И паче красотой другіе унижалъ.

Изд. II, *ст.* 17, 18, 19.
Изд. VIII, *ст.* 6, 7, 8 *ст.*

Другая статуя въ ней видѣлась тогда,
Какой никто потомъ не видѣлъ никогда.
Тутъ долгобъ Душинька осталась

Изд. II, *ст.* 23, 24.
Изд. VIII, *ст.* 12, 13 *ст.*

Для новой глазъ ея забавы,
Въ другихъ мѣстахъ казали ей

Изд. II, *стр.* 46, *ст.* 6.
Изд. VIII, *ст.* 20 *ст.*

Въ иныхъ мѣстахъ Апеллъ, иль живописи богъ,

Изд. II, *ст.* 10, 11, 12, 13.
Изд. VIII, *ст.* 24, 25, 26 *и стр.* 113, *ст.* 1 *ст.*

Но хочетъ ли она узрѣть себя въ картинахъ?
Въ иной Зефиры ей несутъ Помонинъ рогъ,
И сыпля ей цвѣты, съ ней рѣзвятся въ долинахъ.

Изд. II, *ст.* 16.
Изд. VIII, *ст.* 4 *ст.*

И болѣ какъ копьемъ, своимъ прекраснымъ взоромъ,

Изд. II, *ст.* 20, 21.
Изд. VIII, *ст.* 8, 9 *ст.*

Желаетъ быть моложе,

Изд. II, *стр.* 47, *ст.* 10.
Изд. VIII, *ст.* 25 *ст.*

А тамъ представлена она среди Утѣхъ,

Изд. II, *ст.* 12.
Изд. VIII, *ст.* 27 *ст.*

И вымыслами игръ различныхъ производятъ

Изд. II, *ст*. 20.
Изд. VIII, *стр*. 114, *ст*. 7 *ст*.

И можетъ быть стрянясь отъ критикъ злокрамольныхъ,

Изд. II, *ст*. 22.
Изд. VIII, *ст*. 9 *ст*.

Въ картинахъ же онѣ, какъ вѣстно, чудесами

Изд. II, *ст*. 24, 25, 26, 27, 28.
Изд. VIII, *ст*. 11, 12, 13, 14, 15 *ст*.

А чтобъ встрѣчаясь тамъ,
Различные предметы
Не скучили ея глазамъ:
Въ другихъ мѣстахъ ея портреты
Одни являлись по стѣнамъ,

Изд. II, *стр*. 48, *ст*. 3.
Изд. VIII, *ст*. 18 *ст*.

Во всѣхъ ты Душинька уборахъ хороша:

Изд. II, *ст*. 5.
Изд. VIII, *ст*. 20 *ст*.

Пастушкою ль сидишь ты возлѣ шалаша,

Изд. II, *ст*. 10, 11.
Изд. VIII, *ст*. 25, 26 *ст*.

Гдѣ жители тебя достойно обожали,
Былъ храмъ твоихъ красотъ; и нѣтъ сомнѣнья въ томъ,
Что храмъ сей для тебя Амуры соружали,

Изд. II, *ст.* 13.
Изд. VIII, *ст.* 28 *ст.*

Амуры образъ твой повсюду начертали;

Изд. II, *стр.* 49, *ст.* 16, 17.
Изд. VIII, *стр.* 115, *ст.* 27, 28 *ст.*

Тамъ вѣчнымъ жаромъ лѣта
Земля была нагрѣта,

Изд. II, *ст.* 21.
Изд. VIII, *стр.* 116, *ст.* 1 *ст.*

Тамъ нова слугъ толпа на встрѣчу къ ней летѣла,

Изд. II, *ст.* 24, 25.
Изд. VIII, *ст.* 4, 5 *ст.*

Царевна въ первый день о всемъ узнать хотѣла,
Вездѣ хотѣла погулять;

Изд. II, *ст.* 27.
Изд. VIII, *ст.* 7 *ст.*

Ея приходомъ вся Натура оживлялась,

Изд. II, *стр.* 50, *ст.* 2, 3, 4.
Изд, VIII, *ст.* 9, 10, 11, *ст.*

Какъ будтобъ нѣкое влеченье ощущали,
И тихимъ шумомъ тамъ другъ другу возвѣщали,
Подъ тѣнію своей блестящи красоты;

Изд. II, *ст.* 9.
Изд. VIII, *ст.* 16 *ст.*

И гдѣ Царевна шла, въ томъ мѣстѣ выросталъ.

Изд. II, *ст.* 13, 14, 15.
Изд. VIII, *ст.* 20, 21, 22 *ст.*

Какъ будто оживленъ, къ ней силился прильнуть.
Умолкли хоры птицъ, внимая шумъ древесный,
И за Амурами текли въ ихъ путь извѣстный,

Изд. II, *ст.* 22, 23.
Изд. VIII, *стр.* 117, *ст.* 5, 6 *ст.*

Бѣжали прочь оттоль Фауны и Сатиры,
И дули тамъ одни тишайшіе Зефиры.

Изд. II, *стр.* 51, *ст.* 5.
Изд. VIII, *ст.* 16 *ст.*

Смотрѣть на путь ея, тамъ головы поднявъ,

Изд. II, *ст.* 15, 16, 17.
Изд. VIII, *ст.* 26, 27, 28 *ст.*

Являлись тамъ къ ея услугамъ иль къ забавѣ,
Иль въ честь ея державѣ
И къ славѣ торжества.

Изд. II, *стр.* 52, *ст.* 10.
Изд. VIII, *стр.* 118, *ст.* 20 *ст.*

И съ свитой и одна, къ тѣнистымъ симъ
мѣстамъ,

Изд. II, *ст.* 20.
Изд. VIII, *ст.* 30 *ст.*

Ихъ самъ онъ можетъ отгадать.

Изд. II, *ст.* 23, 24, 25, 26, 27; *стр.* 53, *ст.* 1, 2.
Изд. VIII, *стр.* 119, *ст.* 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 *ст.*

Въ сихъ скукахъ Царска дочь, пускаяся въ нарядъ,
Въ уборахъ время провождала,
Всегда обнову надѣвала,
Въ обновѣ же ходила въ садъ,
И тако скуку прогоняла.

Изд. II, *стр.* 55, *ст.* 26, 27.
Изд. VIII, *стр.* 121, *ст.* 18, 19 *ст.*

Къ утѣхамъ чувствій нѣжныхъ,
Въ щастливыхъ дняхъ и безмятежныхъ,

Изд II, *стр.* 56, *ст.* 3, 4.
Изд. VIII, *ст.* 22, 23 *ст.*

Въ Россіи наконецъ, гонитель злыхъ пороковъ,
Почтенный Сумароковъ,

Изд. II, *ст.* 9, 10, 11.
Изд. VIII, *ст.* 28, 29, 30 *ст.*

Но чтобы всѣ текли веселья безъ помѣхъ,
Печальный всякой видъ тиранствъ, смертей, измѣны,
Былъ изгнанъ изъ палатъ, гдѣ царствовалъ лишь смѣхъ,

Изд. II, *ст*. 13.
Изд. VIII, *стр*. 122, *ст*. 2 *ст*.

Неведомъ былъ кинжалъ плачевной Мельпомены.

Изд. II, *ст*. 18.
Изд. VIII, *ст*. 7 *ст*.

И кто и какъ живалъ, и нынѣ какъ живетъ,

Изд. II, *стр*. 57, *ст*. 9, 10.
Изд. VIII, *ст*. 25, 26 *ст*.

Тамъ Авторъ силился слезами всѣхъ тронуть,
И Героиня тамъ, въ печальнѣйшемъ нарядѣ,

Изд. II, *ст*. 12.
Изд. VIII, *ст*. 28 *ст*.

Но чѣмъ тогда въ бѣдахъ,

Изд II, *ст*. 14.
Изд. VIII, *стр*. 123, *ст*. 1 *ст*.

Она сказавъ люблю, ахъ! вышла изъ покоя,

Изд. II, *ст*. 16.
Изд. VIII, *ст*. 3 *ст*.

Царевна тамъ еще взяла читать стихи,

Изд. II, *ст*. 18, 19.
Изд. VIII, *ст*. 5, 6 *ст*.

Въ семъ домѣ въ первый разъ она узнала скуку,
И бросивъ ихъ подъ столъ, ушибла больно руку.

Изд. II, *ст.* 24.
Изд. VIII, *ст.* 11 *ст.*

И послѣ Душинька, боясь конечно скукъ;

Изд. II, *ст.* 26, 27.
Изд. VIII, *ст.* 13, 14 *ст.*

Стиховъ три года не читала,
Хотя ихъ нѣкогда сама она слагала;

Изд. II, *стр.* 58, *ст.* 1, 2, 3.
Изд. VIII, *ст.* 15, 16, 17 *ст.*

И въ семъ изгнанiи стиховъ,
Оставила не чтя похвальныя ей оды.
Желала посмотрѣть впослѣдокъ переводы

Изд. II, *ст.* 5.
Изд. VIII, *ст.* 19 *ст.*

Но въ нѣкакихъ словахъ ихъ мало разумѣла,

Изд. II, *ст.* 7.
Изд. VIII, *ст.* 21 *ст.*

На знаемый языкъ, Амурамъ перевесть,

Изд. II, *ст.* 15 16, 17, 18, 19.
Изд. VIII, *ст.* 29, *и стр.* 124, *ст.* 1, 2, 3, 4 *ст.*

Царевна, знавъ, что имъ не писанъ былъ законъ,
Ихъ вольности не нарушала,
Но сихъ творенiй не читала.
Три года тако жизнь Царевна провождала:
Щастлива бы была, когдабъ прекрасный рай

Изд. II, *стр.* 59, *ст.* 10.
Изд. VIII, *ст.* 20 *ст.*

Что Стиксомъ клялся въ томъ богамъ:

Изд. II, *ст.* 13.
Изд. VIII, *ст.* 23 *ст.*

Супруга въ домѣ по ночамъ;

Изд. II, *ст.* 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29.
Изд. VIII, *ст.* 28, 29, 30, *и стр.* 125, *ст.* 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 *ст.*

Впослѣдокъ онъ, для большей вѣры,
Какъ въ томъ бѣды предузнавалъ,
Въ слезахъ ея увѣщавалъ,
Чтобъ свѣта бѣгала въ свиданіяхъ любовныхъ,
И пачебъ стереглась коварства самыхъ кровныхъ,
Которые хотятъ ей гибель нанести;
Что естьли будетъ власть на то боговъ верховныхъ,
Ее никакъ отъ бѣдъ не можетъ онъ спасти,

Изд. II, *стр.* 60, *ст.* 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8.
Изд. VIII, *ст.* 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17 *ст.*

Вздохнувши онъ тогда отъ страховъ толь суровыхъ,
Едва изъ дома отлетѣлъ,
Зефиръ, который вдаль посыланъ былъ для дѣлъ,
Принесъ отвсюду ей пуки извѣстій новыхъ,
Что двѣ ея сестры
Пришли ее искать у страшной той горы,

Откуда имъ Зефиромъ
Она вознесена въ прекрасный рай надъ міромъ;

Изд. II, *ст*. 15.
Изд. VIII, *ст*. 24 *ст*.

Тыбъ въ вѣчной тайнѣ сокрывалъ

Изд. II, *ст*. 17. 18, 19.
Изд. VIII, 26, 27 *и стр*. 126, *ст*. 1 *ст*.

Къ нещастью никакой не встрѣтился съ нимъ духъ,
Кто близкихъ бы для ней напастей вѣдалъ слухъ,
И кто бы, при такой незнаемой измѣнѣ,

Изд. II, *стр*. 61, *ст*. 5.
Изд. VIII, *ст*. 13 *ст*.

Сихъ сестръ передъ себя велѣла въ рай привесть.

Изд. II, *ст*. 7.
Изд. VIII, *ст*. 15 *ст*.

Желала показать

Изд. II, *ст*. 11, 12, 13, 14.
Изд. VIII, *ст*. 19, 20, 21, 22 *ст*.

То щастье мало веселитъ,
Котораго никто не знаетъ,
И радость вдвое тотъ вкушаетъ,
Кто радости съ другимъ дѣлитъ.

Изд. II, *вм.* 20, 21.
Изд. VIII, *вм.* 28, *и стр.* 127, *вм.* 1 *ст.*

Но ревность ядъ тогда простерла въ ихъ
сердцахъ,
Втвердила въ мысли ихъ, какъ будто грѣхъ
Натуры,

Изд. II, *вм.* 24, 25.
Изд. VIII, *вм.* 4, 5 *ст.*

Богини служатъ ей Зефиры и Амуры.
Къ тому имъ Душинька сказала съ хвастов-
ствомъ,

Изд. II, *стр.* 62, *вм.* 6.
Изд. VIII, *вм.* 12 *ст.*

И всякія всегда ей дѣлаетъ услуги. —

Изд. II, *вм.* 11, 12, 13. 14, 15, 16, 17, 18, 19.
Изд. VIII, *вм.* 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25 *ст.*

Незная, что сказать, Царевна тутъ запнулась,
Желала скрыть отъ сестръ сумнѣнныя дѣла,
И въ рѣчи заикнулась.
Хотя же не могла
Разлуку съ нимъ оправить
Сестры, отъ ревности, которая ихъ жгла,
Не преминули то въ умѣ себѣ представить,
Что Душинькинъ супругъ любезнѣйшій былъ
богъ,
Что въ сихъ блаженствахъ вышнихъ,
И видимыхъ и слышныхъ,
Ни злой ни страшный Духъ присутствовать
не могъ;

Изд. II, *ст.* 21, 22, 23.
Изд. VIII, *стр.* 128, *ст.* 1, 2, 3 *ст.*

Легко отъ ревности себѣ воображали,
И тайно онѣ сестры между собой шептали:
„За что супруга ей Судьбы на Небѣ дали?

Изд. II, *ст.* 25.
Изд. VIII, *ст.* 5 *ст.*

„Едва въ простыхъ Царяхъ себѣ мужей нашли,

Изд. II, *ст.* 27.
Изд. VIII, *ст.* 7 *ст.*

„И намъ отнюдь не пары,“

Изд. II, *стр.* 63, *ст.* 3.
Изд. VIII, *ст.* 10 *ст.*

Впослѣдокъ говорили,

Изд. II, *ст.* 5.
Изд. VIII, *ст.* 12 *ст.*

Коварна ненависть, судя повсюду строго,

Изд. II, *ст.* 8,9,10,11,12,13,14,15,16,17,18,19,20.
Изд. VIII, *ст.* 15,16,17,18,19,20,21,22,23,24,25,
26,27 *ст.*

И день и два и три супругъ гостямъ не явенъ.
Тогда отверзла вслухъ уста свои хула:
„Конечно былъ супругъ недобръ, угрюмъ, злонравенъ,
„Конечно Душинька нещастлива была,

„И сестръ неправыми словами обманула."
Тогда Царевна воздохнула,
Потупила глаза, на сестръ своихъ взглянула,
И слезы тутъ себѣ въ улику пролила.
Тогда сестрамъ открыла,
Куда по днямъ ходила,
И гдѣ и какъ жила,

Изд. II, *стр.* 64, *см.* 3, 4.
Изд. VIII, *стр.* 129, *см.* 7, 8 *ст.*

Мгновенно сообщилъ одинъ другому ядъ,
Который былъ прикрытъ доброжеланьемъ внѣшнымъ.

Изд. II, *см.* 7, 8.
Изд. VIII, *см.* 11, 12 *ст.*

Что въ страшныхъ сихъ мѣстахъ быть долго опасались,
И что сначала имъ сомнителенъ былъ домъ;

Изд. II, *см.* 13.
Изд. VIII, *см.* 17 *ст.*

Манятъ людей въ сей страшный край,

Изд. II, *см.* 20.
Изд. VIII, *см.* 24 *ст.*

И будтобъ испускалъ онъ искры изъ ноздрей,

Изд. II, *см.* 24.
Изд. VIII, *стр.* 130, *см.* 2 *ст.*

Имъ общій всѣмъ позоръ

Изд. II, *вм.* 26.
Изд. VIII, *вм.* 4 *ст.*

Что дѣти отъ нея должны быть всѣ уроды,

Изд. II, *стр.* 65, *вм.* 6.
Изд. VIII, *вм.* 12 *ст.*

Когдабъ онъ не былъ змѣй,

Изд. II, *вм.* 8.
Изд. VIII, *вм.* 14 *ст.*

Впослѣдокъ Душинька завѣрно положила,

Изд. II, *вм*, 11, 12.
Изд. VIII, *вм.* 17, 18 *ст.*

Что мужъ ея колдунъ, и могъ себя являть
Дракономъ, аспидомъ и всякой видъ принять,
Но въ видѣ семъ онъ ей не могъ себя казать,
Чтобъ тѣмъ ее не испугать;

Изд. II, *стр.* 66, *вм.* 16, 17, 18.
Изд. VIII, *стр.* 131, *вм.* 18, 19, 20 *ст.*

„Что знали отъ меня и видѣли вы сами;
„Скажите, что я здѣсь неволею жила,
„Но волей умерла.“

Изд. II, *вм.* 23, 24.
Изд. VIII, *вм.* 25, *и стр.* 132, *вм.* 1 *ст.*

Что лютыхъ золъ ея невѣдомый творецъ,
Быть можетъ, ихъ самихъ пожретъ или удавитъ;

Изд. II, *ст.* 27.
Изд. VIII, *ст.* 4 *ст.*

Въ удобный сонный часъ зарѣзать колдуна.

Изд. II, *стр.* 67, *ст.* 3, 4.
Изд. VIII, *ст.* 7, 8. *ст.*

Она во весь свой вѣкъ не рѣзала людей,
И жалость завсегда имѣла мѣсто въ ней;

Изд. II, *ст.* 6.
Изд. VIII, *ст.* 10 *ст.*

Въ груди ея таилась.

Изд. II, *ст.* 17.
Изд. VIII, *ст.* 21 *ст.*

Сестры то вѣдали и смѣло отвѣчали

Изд. II, *ст.* 19.
Изд. VIII, *ст.* 23 *ст.*

Что тотчасъ принесутъ ей самый острый
мечь,

Изд. II, *ст.* 21.
Изд. VIII, *ст.* 25 *ст.*

Пріятна ли была ей ревность сихъ услугъ,

Изд. II, *ст.* 25.
Изд. VIII, *ст.* 27 *ст.*

Прекрасна Душинька, тогда безъ мыслей
дальныхъ,

Изд. II, *стр.* 68, *ст.* 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28.
Изд. VIII, *стр.* 133, *ст.* 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30 *ст.*

Что двѣ сестры потомъ въ полетѣ,
Съ лампаднымъ свѣтомъ отъ земли
Сей мечь на воздухъ унесли,
И послѣ нѣкакой дороги
Взнесли въ извѣстные чертоги,
Гдѣ Душинька ждала сестеръ;
А для пристройныхъ тамо мѣръ,
Потомъ на вѣки съ ней простились,
И въ путь къ домамъ скорѣй пустились.

Изд. II, *стр.* 69, *ст.* 3.
Изд. VIII, *стр.* 134, *ст.* 1 *ст.*

Амуры не могли какъ должно ей помочь;

Изд. II, *ст.* 18.
Изд. VIII, *ст.* 16 *ст.*

Но хитростили въ томъ Царевны успѣвали,

Изд. II. *ст.* 20.
Изд. VIII. *ст.* 18 *ст.*

Онъ, мало говоря, спокоился, вздохнулъ,

Изд. II, *стр.* 70, *ст.* 6.
Изд. VIII, *ст.* 30 *ст.*

И съ предпріятіемъ печальнымъ,

Изд. II, *ст.* 14.
Изд. VIII, *стр.* 135, *ст.* 5 *ст.*

Кого въ одрѣ своемъ находитъ?

Изд. II, *в.и.* 25.
Изд. VIII, *в.и.* 16 *ст.*

Казалось будтобъ въономъ снѣ

Изд. II, *стр.* 71, *в.и.* 23.
Изд. VIII, *в.и.* 30 *ст.*

Таковъ являлся богъ Амуръ,

Изд. II; *в.и.* 20.
Изд. VIII, *стр.* 136, *в.и.* 5 *ст.*

Каковъ быть долженъ богъ пріятствъ,

Изд. II, *в.и.* 22.
Изд. VIII, *в.и.* 7 *ст.*

Увидѣвъ Душинька прекрасно божество,

Изд. II, *стр.* 72, *в.и.* 2.
Изд. VIII, *в.и.* 12 *ст.*
Что сей супругъ ея прекраснѣйшій былъ богъ,

Изд. II, *в.и.* 4.
Изд. VIII, *в.и.* 14 *ст.*

Которымъ жизнь свою хотѣла окончать,

Изд. II, *в.и.* 7, 8.
Изд. VIII, *в.и.* 17, 18 *ст.*

Но удовольствіемъ очей
Остановлялась мысль любовна,

Изд. II, *ст.* 11, 12, 13, 14.
Изд. VIII. *ст.* 21, 22, 23, 24 *ст.*

Она не разъ себя тушъ въ мысляхъ обвиняла,
Смотря со всѣхъ сторонъ, что видѣть лишь могла,
Почто давно къ нему съ лампадой не пришла,
Почто сихъ прелестей толь долго не видала,

Изд. II, *ст.* 27, 28.
Изд. VIII, *стр.* 137, *ст.* 7, 8 *ст.*

Ожогою бедра супруга разбудила.
Онъ чувствуя жестоку боль,

Изд. II, *стр.* 73, *ст.* 1.
Изд. VIII, *ст.* 9 *ст.*

Вздрогнулъ, вскричалъ, проснулся,

Изд. II, *ст.* 7.
Изд. VIII, *ст.* 15 *ст.*

Или признаки винъ, зломысленной жены;

Изд. II, *ст.* 9, 10.
Изд. VIII, *ст.* 17, 18 *ст.*

Сказать всю бытность отъ начала,
Иль что въ поправку дѣлъ сказать ему могла:

Изд. II, *ст.* 12.
Изд. VIII, *ст.* 20 *ст.*

И свѣтъ и мечь во всемъ уликою являлись,

КНИГА ТРЕТІЯ.

Изд. II, *стр.* 74, *в.м.* 1.
Изд. VIII, *стр.* 138, *в.м.* 1 *же ст.*

Бывала Душинька всѣхъ радостней душою,

Изд. II, *стр.* 75, *в.м.* 1.
Изд. VIII, *в.м.* 15 *ст.*

Но вдругъ во всемъ дворѣ разсѣялися слухи,

Изд. II, *в.м.* 9, 10.
Изд. VIII, *стр.* 139, *в.м.* 4, 5 *ст.*

Но были такъ легки, какъ наши пешиметры.
Зефиры были вѣтры:

Изд. II, *в.м.* 14.
Изд. VIII, *в.м.* 9 *ст.*

Быть долго постоянны,

Изд. II, *в.м.* 24, 25.
Изд. VIII, *в.м.* 19, 20 *ст.*

Оставивъ Душиньку за шалость и за грѣхъ,
И вспомнивъ древню ихъ преданность и услугу,

Изд. II, *стр.* 76, *в.м.* 3.
Изд. VIII, *в.м.* 26 *ст.*

Амуры къ Душинькѣ всѣхъ болѣ склонны были,

Изд. II, *ст.* 7, 8, 9, 10, 11.
Изд. VIII, *ст.* 30, 31, *и стр.* 140, *ст.* 1, 2, 3 *ст.*

Но вѣдая въ томъ вышню власть,
Къ ней близко подступить не смѣли;
Или то можетъ быть, они предвидя впредь
Всѣ горести ея и скорби и печали,
Судили лучше ей въ сей долѣ умереть,

Изд. II, *стр.* 77, *ст.* 1, 2, 3.
Изд. VIII, *ст.* 18, 19, 20 *ст.*

Коль смерть тебя отъ бѣдъ грозящихъ не избавитъ,
Сей свѣтъ, въ которомъ ты равнялась съ божествомъ,
Отнынѣ для тебя наполненъ будетъ зломъ,

Изд. II, *ст.* 5.
Изд. VIII, *ст.* 22 *ст.*

Тебя на бѣдствія оставилъ Купидонъ.

Изд. II, *ст.* 8, 9, 10.
Изд. VIII, *ст.* 25, 26, 27 *ст.*

Прошли какъ будто сонъ.
Кто сладки дни вкушалъ и сладкихъ дней лишился,
Тотъ болѣ вѣдаетъ ихъ цѣну и уронъ;

Изд. II, *ст.* 12, 13.
Изд. VIII, *ст.* 29, 30 *ст.*

И утѣшенія себѣ не чаетъ впредь,
Конечно моего не опорочитъ слова,

Изд. II, *ем.* 15.
Изд. VIII, *стр.* 141, *ем.* 2 *ст.*

Но гнѣвная Судьба къ ней шоль была сурова,

Изд. II, *ем.* 18.
Изд. VIII, *ем.* 5 *ст.*

Судьба судила такъ, чтобъ Душинька жила,

Изд. II, *ст.* 79, *ем.* 7.
Изд. VIII, *стр.* 142, *ем.* 9 *ст.*

Могла бы тѣмъ свою печаль и скорбь умѣрить;

Изд. II, *ем.* 11.
Изд. VIII, *ем.* 13 *ст.*

Грѣхомъ, утратила какъ дура,

Изд. II, *ем.* 15, 16.
Изд. VIII, *ем.* 17, 18 *ст.*

И чѣмъ сильнѣй она свой чувствовала грѣхъ,
Тѣмъ болѣ нѣжною любовью пламенѣла,

Изд. II, *стр.* 80, *ем.* 1, 2.
Изд. VIII, *стр.* 143, *ем.* 7, 8 *ст.*

Онъ тайно ею любовался,
Онъ крадучись ея поступки примѣчалъ;

Изд. II, *ем.* 4.
Изд. VIII, *ем.* 10 *ст.*

И извиняючи въ ней скорость всякой вѣры,

Изд. II, *вм*. 7.
Изд. VIII, *вм*. 13 *ст*.

Былъ долженъ Душиньку предать ея судьбамъ.

Изд. II, *вм*. 11, 12.
Изд. VIII, *вм*. 17, 18 *ст*.

Противу склонности былъ долженъ ухищряться,
Противъ желанія былъ долженъ притворяться,

Изд. II, *вм*. 20.
Изд. VIII, *вм*. 26 *ст*.

Амуръ, Амуръ! она отчаянно вскричала.

Изд. II, *стр*. 31, *вм*. 4.
Изд. VIII, *стр*. 144, *вм*. 10 *ст*.

Едва не позабылъ всю грозу вышней власти,

Изд. II, *вм*. 12, 13.
Изд. VIII, *вм* 18, 19 *ст*.

Всю тщетность наконецъ сихъ лестныхъ упованій,
Всю гибель Душиньки, строжайшимъ ей судомъ

Изд. II, *вм*. 17.
Изд. VIII, *вм*. 23 *ст*.

Предсталъ ея очамъ,

Изд. II, *ст.* 21, 22, 23.
Изд. VIII, *ст.* 27, 28, 29 *ст.*

И будто жалости не вѣдая во вѣкъ,
Онъ гнѣвнымъ голосомъ, съ презоромъ, про-
изрекъ
Отнынѣ участь ей, предписанну богами:

Изд. II, *ст.* 26.
Изд. VIII, *стр.* 145, *ст.* 3 *ст.*

„Ей Боги дали власть повелѣвать тобою....

Изд. II, *стр.* 82, *ст.* 20, 21, 22.
Изд. VIII, *ст.* 24, 25, 26. *ст.*

Но какъ то ни было, любови нѣжной сила,
Иль паче нѣкая невидимая власть,
Умноживъ лютую Царевнину напасть,
Умножила ея мучительную страсть:

Изд. II, *ст.* 24, 25.
Изд. VIII, *ст.* 28, 29 *ст.*

И всѣхъ надеждъ лишась, тѣмъ болѣе любила
Супруга, коего безумно оскорбила,

Изд. II, *ст.* 27.
Изд. VIII, *стр.* 146, *ст.* 2 *ст.*

Проливъ въ отчаяньи потоки горькихъ слезъ,

Изд. II, *стр.* 83, *ст.* 3, 4.
Изд. VIII, *ст.* 6, 7 *ст.*

Узрѣвъ бездонную тамъ пропасть подъ горой,
Съ вершины броситься въ ту пропасть пред-
пріяла:

Изд. II, *ст*. 11, 12.
Изд. VIII, *ст*. 14, 15 *ст*.

Зефиръ, старинный другъ, при аерныхъ путяхъ
Увидѣвъ Душиньку въ толь видимыхъ бѣдахъ,

Изд. II, *ст*. 24.
Изд. VIII, *стр*. 147, *ст*. 1 *ст*.

Онъ воздухъ тихимъ тамъ дыханьемъ растворилъ,

Изд. II, *стр*. 84, *ст*. 23.
Изд. VIII, *ст*. 29 *ст*.

Сомнѣнія въ томъ нѣтъ, что сонъ и вся Натура,

Изд. II, *ст*. 25.
Изд. VIII, *стр*. 148, *ст*. 1 *ст*.

Амуръ, который зрѣлъ Царевны скорбь и трудъ,

Изд. II, *стр*. 85, *ст*. 2.
Изд. VIII, *ст*. 6 *ст*.

Къ небытію была влекома въ сей пустынѣ,

Изд. II, *ст*. 28.
Изд. VIII, *стр*. 149, *ст*. 3 *ст*.

Ниже другаго острія,

Изд. II, *стр*. 86, *ст*. 14.
Изд. VIII, *ст*. 18 *ст*.

И вмѣсто смертнаго успокоенья муки,

Изд. II, *стр.* 87, *в.и.* 24.
Изд. VIII, *стр.* 150, *в.и.* 27 *ст.*

Вблизи тамъ росъ дубнякъ,

Изд. II, *в.и.* 27.
Изд. VIII, *в.и.* 30 *ст.*

На Душинькѣ тогда былъ алинькой платокъ.

Изд. II, *стр.* 88, *в.и.* 8, 9.
Изд. VIII, *стр.* 151, *в.и.* 8, 9 *же ст.*

Тамъ выбравъ крѣпкой сукъ, послѣдній шагъ
ступила,
Свой алинькой платокъ какъ должно прицѣ-
пила,

Изд. II, *в.и.* 13.
Изд. VIII, *в.и.* 13 *же ст.*

Дубовый сукъ, на чемъ Царева дочь повисла,

Изд. II, *в.и.* 26.
Изд. VIII, *в.и.* 26 *же ст.*

И горы воскликнули, толь громко какъ воз-
можно,

Изд. II, *в.и.* 29.
Изд. VIII, *в.и.* 29 *же ст.*

Ихъ рѣчи утвердилъ, любуяся безъ словъ.

Изд. II, *стр.* 89, *в.и.* 3.
Изд. VIII, *стр.* 152, *в.и.* 3 *же ст.*

Представился еще ей новый смерти родъ,

Изд. II, *ст.* 6, 7.
Изд. VIII, *ст.* 6, 7 *же ст.*

Она рѣшилась утопиться.
Рѣка

Изд. II, *ст.* 9, 10.
Изд. VIII, *ст.* 9, 10 *же ст.*

Тамъ, съ берега крутова,
Гдѣ дно скрывалось подъ водой,
Въ слезахъ не вымолвивъ ни слова,

Изд. II, *ст.* 14.
Изд. VIII, *ст.* 14, *же ст.*

И ѣхавъ тамъ поверьхъ ліющейся дороги,

Изд. II, *ст.* 23, 24.
Изд. VIII, *ст.* 23, 24 *же ст.*

Что будто вмѣсто щукъ тамъ видѣли Наядъ,
Что тамъ Наяды, ескадрономъ

Изд. II, *стр.* 90, *ст.* 1, 2.
Изд. VIII, *ст.* 29, *и стр.* 153, *ст.* 1 *ст.*

Бывъ нѣкогда въ раю подъ щастливымъ законом,
За Душинькою вновь спѣшили въ слѣдъ догономъ,

Изд. II, *ст.* 4.
Изд. VIII, *ст.* 3 *ст.*

Признать въ ней прежнюю владычицу свою:

Изд. II, *ст*. 7, 8.
Изд. VIII, *ст*. 6, 7 *ст*.

Ихъ, будтобы за грѣхъ карая,
Служить на волю разпустилъ.

Изд. II, *ст*. 13.
Изд. VIII. *ст*. 12 *ст*.

Гдѣ тщетно жизнь потомъ каяла,

Изд. II, *ст*. 21.
Изд. VIII, *ст*. 20 *ст*.

Остался наконецъ одинъ лишь смерти родъ,

Изд. II, *ст*. 23.
Изд. VIII, *ст*. 22 *ст*.

Еще себя она надеждою питала,

Изд. II, *ст*. 25.
Изд. VIII, *ст*. 24 *ст*.

Въ дали у берега тамъ нѣкой дымъ курился:

Изд. II, *стр*. 91, *ст*. 1, 2, 3, 4.
Изд. VIII, *ст*. 28 *и стр*. 154, *ст*. 1, 2, 3 *ст*.

Нашла себѣ дрова раскладенныя въ ямѣ,
Горящія во пламѣ,

Изд. II, *ст*. 6.
Изд. VIII, *ст*. 5 *ст*.

Былъ старый рыболовъ;

Изд. II, *вм.* 8.
Изд. VIII, *вм.* 7 *ст.*

Отъѣхалъ въ даль въ то время.

Изд. II, *вм.* 11, 12, 13, 14, 15.
Изд. VIII, *вм.* 10, 11, 12, 13, 14 *ст.*

Могла себя тамъ сжечь,
Въ пустомъ и чистомъ полѣ,
На самой полной волѣ.
Ник то бы вытащить не могъ ее оттолѣ.

Изд. II, *вм.* 21, 22.
Изд. VIII, *вм.* 20, 21 *ст.*

Она, сказавъ ко всѣмъ прощательную рѣчь,
Лишь только бросилась во пламенную печь,

Изд. II, *вм.* 26, 27.
Изд. VIII, *вм.* 25, 26 *ст.*

Остался лишь въ кострѣ потребный теплый духъ,
За тѣмъ чтобъ Душинька тамъ ножки осушила,

Изд. II, *стр.* 92, *вм.* 4.
Изд. VIII, *вм.* 31 *ст.*

Восколебались тамо воды,

Изд. II, *вм.* 14.
Изд. VIII, *стр.* 155, *вм.* 9 *ст.*

Но знаю, что потомъ вскруженный старый дѣдъ,

Изд. II, *стр.* 93, *ст.* 16.
Изд. VIII, *стр.* 156, *ст.* 6 *ст.*

„Подай мнѣ помощи ты руку,

Изд. II, *ст.* 25, 26, 27, 28.
Изд. VIII, *ст.* 15, 16, 17, 18 *ст.*

Что смерть она напрасно чаетъ,
Что смерти ей на свѣтѣ нѣтъ;
Но что еще она не знаетъ
Всю строгость ей грозящихъ бѣдъ:

Изд. II, *стр.* 94, *ст.* 6.
Изд. VIII, *ст.* 24 *ст.*

И грамоты о ней прибиты,

Изд. II, *ст.* 13.
Изд. VIII, *ст.* 31 *ст.*

Тамъ Душинька сама прочла

Изд. II, *ст.* 25.
Изд. VIII, *стр.* 157, *ст.* 9 *ст.*

„Она же взорами творитъ сердцамъ изъянъ,

Изд. II, *стр.* 95, *ст.* 11.
Изд. VIII, *ст.* 22 *ст.*

„Тотъ вѣкъ грѣха сего не смоетъ,

Изд. II, *ст.* 25.
Изд. VIII, *стр.* 158, *ст.* 5 *ст.*

Изъ должности одни Цитерскіе пролазы

Изд. II, *стр* 96, *ст.* 7, 8.
Изд. VIII, *ст.* 13, 14 *ст.*

Впослѣдокъ Душинька за благо разсудила
Просить о помощи начальнѣйшихъ богинъ.

Изд. II, *ст.* 10.
Изд. VIII, *ст.* 16 *ст.*

Но со дня какъ въ раю Амура полюбила,

Изд. II. *ст.* 12.
Изд. VIII. *ст.* 18 *ст.*

Тотъ дерзокъ былъ, тотъ трусъ, тотъ гордъ, тотъ подлый шпынь;

Изд. II, *ст.* 18, 19.
Изд. VIII, *ст.* 24, 25 *ст.*

Въ ней Душинька найти моглабы оборону,
Но та сама въ тѣ дни свою имѣла грусть:

Изд. II, *ст.* 26.
Изд. VIII, *стр.* 159, *ст.* 2 *ст.*

Впослѣдокъ до ушей Юноны слухъ проникъ,

Изд. II, *стр.* 97, *ст.* 5.
Изд. VIII, *ст.* 7 *ст.*

И можетъ быть за тѣмъ, какъ видѣла Юнона,

Изд. II, *ст.* 16.
Изд. VIII, *ст.* 18 *ст.*

Тогда у всѣхъ своихъ являлась олтарей.

Изд. II, *стр.* 98, *ст.* 12.
Изд. VIII, *стр.* 160, *ст.* 13 *ст.*

Въ сей скорби Душинька, привыкши вдалъ ходить,

Изд. II, *ст.* 19, 20.
Изд. VIII, *ст.* 20, 21 *ст.*

Трясли надъ многими мѣстами,

Изд. II, *ст.* 27.
Изд. VIII, *ст.* 28 *ст.*

А паче какъ хвостомъ комета всѣхъ сшибаетъ,

Изд. II, *стр.* 99, *ст.* 7.
Изд. VIII, *стр.* 161, *ст.* 5 *ст.*

Никто ея еще не нарушалъ забавъ,

Изд. II, *ст.* 10, 11.
Изд. VIII, *ст.* 8, 9 *ст.*

Лишилабъ Душиньку всѣхъ милостей и правъ.
Куда идти? ещель къ Минервѣ, иль Церерѣ?

Изд. II, *ст.* 25, 26.
Изд. VIII, *ст.* 23, 24 *ст.*

Но Душинька, въ сіе стеченіе народа,
Избравъ тишайшій часъ,

Изд. II, *стр.* 100, *ст.* 7.
Изд. VIII, *стр.* 162, *ст.* 8 *ст.*

Къ ней-строгаго закона,

Изд. II, *в.и.* 15.
Изд. VIII, *в.и.* 16 *ст.*

И благовонная тамъ падала роса,

Изд. II, *в.и.* 23.
Изд. VIII, *в.и.* 24 *ст.*

Далъ строгой всѣмъ приказъ, въ угодность сей богинѣ,

Изд. II, *в.и.* 26.
Изд. VIII, *в.и.* 27 *ст.*

Тамъ самы дики звѣри

Изд. II, *стр.* 101, *в.и.* 1.
Изд. VIII, *стр.* 163, *в.и.* 2 *ст.*

А овцы, позабывши страхъ,

Изд. II, *в.и.* 9.
Изд. VIII, *в.и.* 10 *ст.*

Невѣдомъ былъ тамъ жалобъ гласъ,

Изд. II, *в.и.* 14, 15.
Изд. VIII, *в.и.* 15, 16 *ст.*

Богининъ Храмъ стоялъ межъ множества столповъ.
Сей Храмъ отъ всѣхъ сторонъ являлъ два разныхъ входа,

Изд. II, *стр.* 102, *в.п.* 3.
Изд. VIII, *в.п.* 32 *ст.*

Отъ всѣхъ наукъ, отъ всѣхъ искуствъ и всѣхъ затѣй,

Изд. II, *в.п.* 9.
Изд. VIII, *стр.* 164, *в.п.* 6 *ст.*

Привѣсилъ во углѣ цевницу золотую.

Изд. II, *в.п.* 17.
Изд. VIII, *в.п.* 14 *ст.*

Во Храмѣ разпестрилъ живымъ письмомъ всѣ стѣны.

Изд. II, *в.п.* 22.
Изд. VIII, *в.п.* 19 *ст.*

Неся богинѣ въ дань усердный только духъ,

Изд. II, *стр.* 103, *в.п.* 6.
Изд. VIII, *стр.* 165, *в.п.* 1 *ст.*

Сей ликъ былъ нѣкою чудесною рукой,

Изд. II, *в.п.* 12.
Изд. VIII, *в.п.* 7 *ст.*

Явилъ намъ въ первый разъ во всей красѣ Венеру.

Изд. II, *стр.* 104, *в.п.* 11.
Изд. VIII, *стр.* 166, *в.п.* 7 *ст.*

Читатель можетъ то рѣшить по волѣ самъ.

Изд. II, *вм.* 13.
Изд. VIII, *вм.* 9 *ст.*

Въ минуту на себя всѣхъ очи обратила:

Изд. II, *вм.* 22.
Изд. VIII, *вм.* 18 *ст.*

По видужъ Душиньки, согласно весь народъ,

Изд. II, *стр.* 105, *вм.* 14, 15, 16.
Изд. VIII, *стр.* 167, *вм.* 5, 6, 7 *ст.*

Что истинная тамъ богиня всѣхъ красотъ,
Ведя съ собою вкругъ Амуровъ хороводъ,
Имѣя яблоко Парисово въ десницѣ,

Изд. II, *вм.* 18.
Изд. VIII, *вм.* 9 *ст.*

Сама изъ Пафоса ко Храму прибыла;

Изд. II, *стр.* 106, *вм.* 1.
Изд. VIII, *вм.* 17 *ст.*

Вотще Царевна тутъ всѣхъ обще увѣряла,

Изд. II, *вм.* 12.
Изд. VIII, *вм.* 28 *ст.*

Рекла къ ней Душинька, колѣна преклоня:

Изд. II, *вм.* 18.
Изд. VIII, *стр.* 168, *вм.* 2 *ст.*

Сама желаю быть твоею я рабою,

Изд. II, *вм*. 20.
Изд. VIII, *вм*. 4 *ст*.

„Чтобы всегда могла твои я очи зрѣть."

Изд. II, *стр*. 107, *вм*. 10.
Изд. VIII, *вм*. 19 *ст*.

При разныхъ службахъ повелѣнныхъ.

Изд. II, *вм*. 27.
Изд. VIII, *стр*. 169, *вм*. 5 *ст*.

И только бы одной Венерою прельщались.

Изд. II, *стр*. 108, *вм*. 7, 8, 9, 10, 11, 12.
Изд. VIII, *вм*. 10, 11, 12, 13, 14, 15 *ст*.

Кто первую попьетъ, здоровье получаетъ;
Вторую кто попьетъ, здоровье потеряетъ,
Но къ симъ водамъ лишъ тотъ доходитъ, кто
щастливъ.
Пошла Царева дочь, тогда безъ дальня чина,
Какъ должно прицѣпивъ
Подъ плечи два кувшина,

Изд. II, *вм*. 15.
Изд. VIII, *вм*. 18 *ст*.

Пошла куда, и кто съ ней будетъ провожа-
тымъ?

Изд. II. *вм*. 23.
Изд. VIII, *стр*. 170, *вм*. 1 *ст*.

Ей на-ухо шепнулъ,

Изд. II, *вм.* 27.
Изд. VIII, *вм.* 5 *ст.*

Какъ развѣ напоитъ кто змѣя питьецомъ.

Изд. II, *стр.* 109, *вм.* 1.
Изд. VIII, *вм.* 6 *ст.*

При семъ ее снабдилъ онъ нѣкакою флягой,

Изд. II, *вм.* 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10.
Изд. VIII, *вм.* 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15 *ст.*

И змѣю рѣчь сказавъ, въ змѣино горло влить.
Когдажъ на питьецо свою онъ пасть разинетъ,
Онъ голову съ хвостомъ легко притомъ раздвинетъ,
И Душинька найдетъ себѣ свободный путь,
Живуюль мертвуюль тамъ воду почерпнуть.
Не въ долгомъ времени Царевна путь скончала,
Чрезъ нѣсколько минутъ явилася у водъ,
И вспомнивъ весь совѣтъ, предъ змѣемъ рѣчь сказала.

Изд. II, *вм.* 15.
Изд. VIII, *вм.* 20 *ст.*

„И видомъ краше ты верблюда;

Изд. II, *вм.* 18.
Изд. VIII, *вм.* 23 *ст.*

„Широко разеваешь пасть,

Изд. II, *вм.* 20, 21.
Изд. VIII, *вм.* 25, 26 *ст.*

„Содѣлай край лихимъ бѣдамъ,
„Пусти ты Душиньку къ водамъ"

Изд. II, *вм.* 25, 26, 27.
Изд. VIII, *стр.* 171, *вм.* 1, 2, 3 *ст.*

Горыничь пасть разинулъ,
Хлебнулъ изъ фляги питьеца,

Заснулъ, и голову съ хвостомъ тогда раздвинулъ.

Изд. II, *стр.* 110, *вм.* 2, 3, 4, 5, 6.
Изд. VIII, *вм.* 5, 6, 7, 8, 9 *ст.*

Въ свободѣ Душинька, попивъ живой воды,
Забыла всѣ труды

Изд. II, *вм.* 8, 9, 10, 11, 12, 13.
Изд. VIII, *вм.* 11, 12, 13, 14, 15, 16 *ст.*

Въ ней нова красота въ то время возблистала,
И къ умноженью лишь соперницѣ досадъ,
Съ водой она явясь назадъ,
Предъ ней какъ роза процвѣтала.
Впослѣдокъ Душиньку богиня умышляла
Заставить мертву воду пить;

Изд. II, *вм.* 20.
Изд. VIII, *вм.* 23 *ст.*

Но вѣстно было ей

Изд. II, *стр.* 111, *вм.* 5.
Изд. VIII, *стр.* 172, *вм.* 2 *ст.*

Въ томъ самомъ иль въ другомъ саду, вблизи Атласа,

Изд. II, *вм.* 14.
Изд. VIII, *вм.* 11 *ст.*

Златыя яблоки она по вся дни ѣла,

Изд. II, *вм.* 20.
Изд. VIII, *вм.* 17 *ст.*

Который самъ, какъ стражъ, въ немъ яблокъ не вкушалъ,

Изд II, *ст.* 22, 23.
Изд. VIII, *ст.* 19, 20 *ст.*

А естьли приходилъ кто яблокъ сихъ покушать,
Тотъ прежде долженъ былъ его загадки слушать:

Изд. II, *ст.* 25.
Изд. VIII, *ст.* 22 *ст.*

Того изжаривши обыкъ онъ послѣ жрать.

Изд. II, *стр.* 112, *ст.* 1. 2 3, 4. 5.
Изд. VIII, *ст.* 25, 26, 27, 28, 29 *ст.*

Послала Душиньку тѣхъ яблокъ доставать.
Зефиръ явилъ ей вновь потребную услугу,

Изд. II, *ст.* 8, 9, 10, 11.
Изд. VIII, *стр.* 173, *ст.* 2, 3, 4, 5 *ст.*

Шепнулъ ей на-ухо, какую рѣчь сказать,
Какъ должно на вопросъ Кащею отвѣчать,
Потомъ подъ деревомъ подставить только полу,
А яблоки тогда скатятся сами къ долу,

Изд. II, *стр.* 113, *ст.* 7, 8, 9.
Изд. VIII, *ст.* 27, 28 *и стр.* 174, *ст.* 1. *ст.*

Зефиръ не мѣшкавъ далъ полезный ей совѣтъ,

Изд. II, *ст.* 11, 12.
Изд. VIII, *ст.* 3, 4 *ст.*

Сказалъ, что ей въ лѣсу представится избушка,
Въ избушкѣ тамъ сидитъ старушка;

Изд. II, *в.м.* 14, 15.
Изд. VIII, *в.м.* 6, 7 *ст.*

И отведетъ ее въ кутокъ;
Въ кутке покажетъ внизъ ступени,

Изд. II, *стр.* 115, *в.м.* 6.
Изд. VIII, *стр.* 175, *в.м.* 24 *ст.*

Окончитъ щастливо и сей подземный путь;

Изд. II, *в.м.* 12, 13.
Изд. VIII, *в.м.* 30, 31 *ст.*

Въ пути остановлялась,
Желала видѣть внутрь, и въ тотъ же самый часъ

Изд. II, *в.м.* 28.
Изд. VIII, *стр.* 176, *в.м.* 13 *ст.*

Какъ будтобы платкомъ могла себя марать.

Изд. II, *стр.* 116, *в.м.* 5, 6, 7.
Изд. VIII, *в.м.* 18, 19, 20 *ст.*

И къ токамъ чистыхъ водъ когда лице склоняла,
Они служили ей въ замѣну лишь зерцала:
Смотрялся въ нихъ, лишь вновѣ увѣрила себя,

Изд. II, *в.м.* 25.
Изд. VIII, *стр.* 177, *в.м.* 6 *ст.*

Любуяся ея и видомъ и осанкой,

Изд. II, *стр.* 117, *в.м.* 13.
Изд. VIII, *в.м.* 21 *ст.*

Не видѣли ея горчайшаго стыда,

Изд. II, *стр.* 119, *вм.* 1.
Изд. VIII, *стр.* 178, *вм.* 26 *ст.*

И славя всѣмъ ея пороки безпрестанно,

Изд. II, *вм.* 5, 6, 7.
Изд VIII, *вм.* 30, 31, 32 *ст.*

Амуръ дотоль ея напастьми отвлеченъ,
Всѣ мысли устремлялъ къ единому лишь виду,

Изд. II, *вм.* 9.
Изд. VIII, *стр.* 179, *вм.* 2 *ст.*

Но наглость ихъ потомъ преобратилъ имъ
въ казнь:

Изд. II, *вм.* 22, 23, 24.
Изд. VIII, *вм.* 15, 16, 17 *ст.*

И прямо ихъ поставитъ въ рай;
А тамъ имъ всякія Амуръ явитъ услуги,
Намѣрясь купно ихъ обѣихъ взять въ супруги.

Изд. II, *стр.* 120, *вм.* 10.
Изд. VIII, *стр.* 180, *вм.* 4 *ст.*

Лишь головы себѣ сломали.

Изд. II, *стр.* 121, *вм.* 17.
Изд. VIII, *стр.* 181, *вм.* 8 *ст.*

И что подшедъ у ней онъ руку цѣловалъ,

Изд. II, *стр.* 122, *вм.* 7, 8, 9, 10.
Изд. VIII, *вм.* 24, 25, 26, 27, *ст.*

,,Что время дѣлаетъ прекрасный видъ худымъ,
,,Что внѣшній блескъ въ очахъ преходитъ
такъ какъ дымъ,

LIBRARY OF CONGRESS
0 005 872 429 4